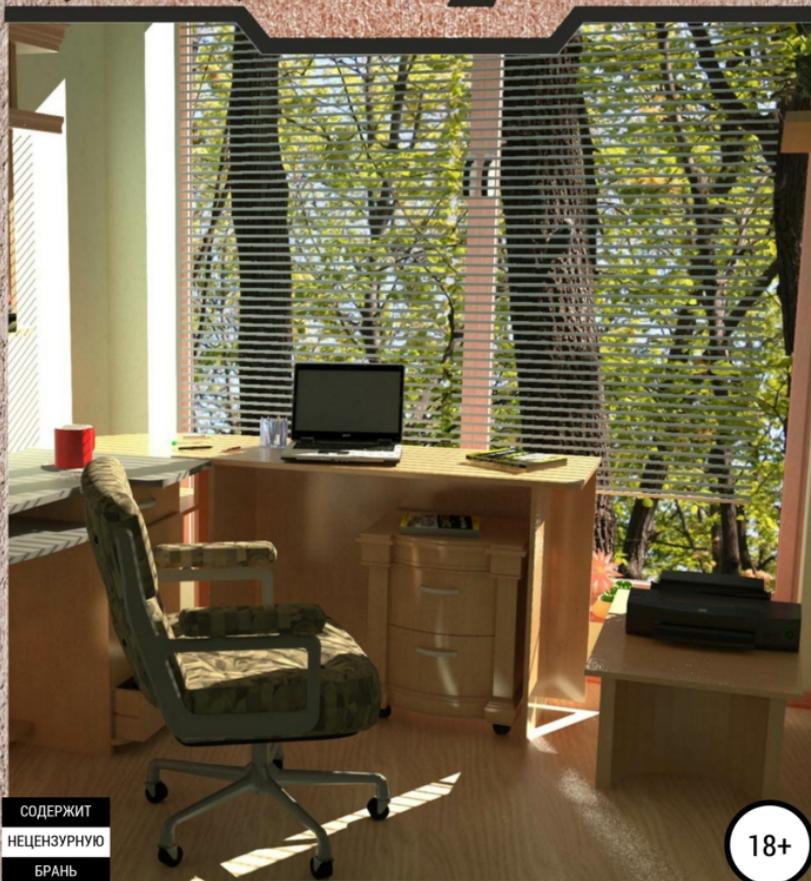

Ярослав Васильев

Кафе на Лесной улице

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Ярослав Васильев

Кафе на Лесной улице

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65396717

SelfPub; 2021

Аннотация

Это истории про небольшое уютное кафе на самом краю огромного города, в окружении сосен на Лесной улице, о его владельцах – Лехе и Андрее, и о многих других. Это истории, чьими героями стали люди, которые не могут пройти мимо тех, кто попал в беду... и о том, чем подобные истории заканчиваются.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I. Кафе на Лесной улице	4
Кафе на Лесной улице	4
Случайное совпадение	29
Не доставленное письмо	44
Состязание разумов	67
Птица	81
Бродяга	102
Беспокойные гости	131
Часть II. Звёздными тропами	161
Дознание	161
Ловец душ	171
Правильный вопрос	198
Имя для Бога	226
Талисман на удачу	238
Потому что со мной имя твоё	273
Цербер	286
Разгадка	302

Ярослав Васильев

Кафе на Лесной улице

Часть I. Кафе на Лесной улице

Кафе на Лесной улице

Кафе на Лесной улице – необычное кафе. Не только потому, что спряталось в небольшом двухэтажном домике совсем рядом с многокилометровой лесозащитной полосой, карлик в тени стоящих чуть дальше двадцатиэтажек. Кафе на Лесной знаменито по всей округе тем, что в нём работает самый настоящий повар. Не оператор кухонного комбайна, научившийся загружать продукты в приёмный отсек, доставать готовые порции да стучать по кнопкам в соответствии с инструкцией. Андрей Северин готовит, как в настоящем ресторане, техника ему лишь чистит да режет продукты. Всё остальное – сам, на больших плитах и в духовках, которые занимают изрядную половину второго этажа. Потому-то кафе самое близкое к портовой зоне место, где можно нормально поесть. Не считать же за еду непонятное месиво из концентратов и полуфабрикатов под острым соусом, которое подают в забегаловках и быстро, затерянных вдоль бегущей

неподалёку магистрала в космопорт?

Потому и ходят сюда не только живущие в соседних домах работяги да проголодавшиеся по дороге в космопорт путники, но и инженеры, и матросы. И даже офицеры с кораблей. Флотским Андрей относил еду всегда сам, а они в ответ уважительно кланяются. Владелец кафе поначалу удивлялся, корабельная братия даже перед инженерами-наземниками нос задирала. И дело тут было совсем не в возрасте, хотя дядя Андрей на взгляд тридцатипятилетнего Леха был почти стариком. На своей родине, где доступ к современной медицине могли позволить себе лишь немногие, Лех бы дал ему лет пятьдесят. Но здесь, на промышленной Орше, Андрею могло стукнуть и восемьдесят, и девяносто, и даже сто двадцать. Впрочем, скоро Лех догадался: как и старший брат отца, Андрей был ветераном, да не из простых. Армейского спецназа. И не рядовым в отставку вышел, явно не меньше чем сержантом. А спецназ – он не только с чужаками воюет. Если где пираты объявятся да корабль захватят – лихие ребята в синих беретах первыми на выручку спешат. Потому космонавты узнают их даже на пенсии, и почёт для них особый.

Андрей мыслям своего работодателя только усмехался потихонечку. Пусть Леху кажется, что никто и ничего по его лицу не поймёт и не догадается – разбираться в таких вещах отставного спецназовца учили ещё на втором курсе училища. Зато Лех никогда не пытался лезть в прошлое «дяди

Андрея». А что до некоторой наивности, свойственной всем попавшим на Оршу с патриархальных провинциальных планет, так для этого Кшиштоф и просил за племянником присмотреть. Андрей тогда, помнится, согласился поработать с полгодика – помочь мужику освоиться и заодно спокойно подумать, чем хочется заниматься на пенсии. За два срока полных контрактов, по двадцать пять лет каждый, от гражданской жизни Андрей изрядно отстал. Но вот неожиданно прикипел и к Леху, и к работе, с удовольствием вспоминая все рецепты, собранные за прошедшие годы и разные места службы.

Правда и вбитые навыки совсем уж забыть не получалось. Едва кафе начало приносить доход, тут же наведались несколько крепких парней и предложили «крышу». После того как Андрей выкинул из зала третью банду погромщиков и отправил в реанимацию шестерых, пытавшихся пустить «красного петуха», ему надоело. Он прошёлся по главарям – так, что шестёрки охраны разлетались, словно кегли – и предложил разойтись полюбовно. Они объявят «Лесное кафе» нейтральной территорией, а он передумает звонить сослуживцам из центрального полицейского управления города. Кое-кто из бывших коллег уже ходил там в высоких чинах и ордер на зачистку района от шпаны по просьбе старого друга подпишет не глядя. Репутация у Андрея была к тому времени жёсткая, и прислушались к нему сразу. Особенно после того, как «вспомнили», что отставники имеют

право на хранение стрелкового оружия полицейского класса. А дойди до серьёзной разборки, даже купленный местный судья, скорее всего, примет сторону армейского ветерана: потерять хлебное место, нарушая закон в отношении отслужившего полный срок отставника из особых частей, ни один чиновник не рискнёт. Но время от времени кто-то из «залётных» пытался и погромы устраивать, и даже пару раз грабить. Полиция в таких случаях подъезжала сразу с каретой скорой помощи, а местные устраивали тотализатор: что Андрей буяну сломал в этот раз.

Одной из традиций кафе был поход за травами и специями раз в месяц. Получался целый ритуал. С вечера пеклись булочки, утром ключи от кухни передавались Леху, который весь день варил для посетителей кофе – и надо признать, что в этом искусстве он превосходил даже своего повара. Большая полупрозрачная дверь на входе меняла рисунок с полной блюд скатерти-самобранки на большой кофейник и парящие горячим напитком чашки. Внутри кафе включались иллюзоры, превращавшие старинный интерьер хай-тека двадцать первого века Старой Терры – даже с имитацией настоящих свечей – в современный модный дизайн, когда кажется, будто столики расположились посреди луга или леса. На половину дня заведение становилось местом отдыха от деловой суеты и убежищем для влюблённых парочек.

Сам же Андрей отправлялся за покупками. Старик-хозяин магазинчика специй вёл счёт предкам ещё со Старой

Терры, из страны под названием Вьетнам. И сколько помнила история рода, семья Фам всегда занималась приправами, пряностями и редкими травами. Вот и сегодня в магазинчике Фам Динь Лонга можно было найти перец, имбирь и мускатный орех родом с Терры, душистый синий шафран с Мекона, астрис с Земли Лудда, радужный кофе с Альбии и тысячи других необычных трав и растений, а также их смесей. Андрей всегда шёл четыре квартала до нужного места пешком и едва переступал порог, хозяин подносил дорогому гостю один из своих особых травяных настоев. Летом охлаждающий, а, как сейчас, зимой – обжигающе-горячий, от которого по телу расползалось приятное тепло.

К удивлению Андрея, сегодня старик был не один. Закончив обговаривать, что нужно заказать к следующему приходу, Динь Лонг подозвал до этого сидевшего тихонько в уголке молодого парня лет двадцати с небольшим и представил:

– Господин Северин, это мой внук Ли. И в связи с этим у меня к вам несколько необычная просьба. Не нужен ли вам ученик?

– Ученик? – Андрей удивлённо поднял бровь. Просьба и в самом деле была необычная.

– Да. Дело в том, что мой внук хочет стать поваром. Ния, ни его отец не возражаем. Ли получил начальное образование, но вот дальше... Поступить в Университет у него нет возможности. Зато он может сдать на диплом экстерном, если ему поможет подготовиться и даст рекомендацию кто-то

из признанных Мастеров.

– И всё-то вы узнали, – усмехнулся «повар с дипломом». – Не обещаю, но с Лехом обсужу. Он хозяин, ему и решать – в состоянии мы нанять ещё одного человека или нет.

– Ли готов работать бесплатно...

– Вы Леху только не ляпните. После этого он точно обидится и откажет. Он из старокатоликов, а у них, знаете ли, заставить работать на себя чужого человека задаром приравнивается к воровству. Обжудить, занизить жалование, ещё что-то – это сколько угодно. Но хоть что-то заплатить нужно обязательно.

Разговор состоялся в тот же вечер, и согласился Лех сразу: если парень готов ещё и помогать внизу, то лишние рабочие руки придутся весьма кстати, сам он с потоком посетителей справляется уже с трудом. Потому всего через несколько дней подносы с заказами разносил высокий смуглый парень. А в часы, когда наплыв посетителей стихал, Ли поднимался на второй этаж, в ту часть, где расположилась кухня. И принимался помогать в священнодействии превращения свежих и замороженных продуктов в блюда, которыми кафе на Лесной улице прославилось далеко за пределами своего района. Ли был счастлив: наставник показывал и объяснял многое из того, о чём его прошлые преподаватели даже не подозревали. Довольным остался и Андрей. С одной стороны, ученик ему попался талантливый, с другой – впервые после армии он снова преподавал, только теперь рассказывал не про то,

как отнимать жизнь, а как сделать её приятнее.

Размеренная неторопливая жизнь тянулась до середины весны, пока не наступила первая суббота апреля. И мороки она доставила за все предыдущие спокойные месяцы разом. Началось всё с того, что Андрей назначил в этот день для своего ученика первый экзамен. Сам повар как обычно отправлялся за приправами, а Ли должен был на кухне заниматься выпечкой. Подавать то, что заранее приготовил Андрей, и вперемешку булочки помощника. И если привередливые завсегдатаи – а в такие дни в кафе ходили настоящие гурманы – не сумеют заметить разницу или, наоборот, больше похвалят готовку Ли, то экзамен сдан. Парень волновался, хотя внешне это и не было заметно. Волновался и Лех, к своему новому сотруднику он уже успел привязаться. Потому кофе варил с особым тщанием, шутил за стойкой больше обычного, а мысленно возносил молитвы святому покровителю всех трактирщиков Аманду Маастрихтскому, чтобы день закончился тихо, без происшествий... Судя по всему, к вечеру святой отвлёкся и перестал приглядывать за кафе. Потому что около восьми часов, когда посетителей становится больше всего, забрезжило первое облачко грядущих неприятностей: в кафе нанёс визит вместе с семьёй управляющий сети открывшихся недавно в их районе супермаркетов – некий господин Маддль Фордманн.

Маддль с порога проинформировал всех, что он «осчастливил это заведение своим присутствием», потребовал

лучший столик. А получив в ответ, что в центральной зоне в такие дни заказывать места принято заранее, обиженно надулся, поскандалил... И потащил жену с дочкой на указанное Лехом место около стены – уйти с позором под начинающиеся смешки Маддль не смог. Впрочем, быстро восстановил свой важно-надутый вид и сделал заказ, не забыв буркнуть по поводу обслуживания.

Стойку оставить без присмотра было нельзя – рядом на стульях расположилась компания шестнадцатилетних подростков, только-только получивших право заказать пиво и желающих пить его «по-взрослому». Конечно, все знают и про камеры, и про сигнализацию, но присутствие хозяина от глупостей удержит надёжней. Ли в это время возился на кухне, потому Фордманнам пришлось ждать заказа «в порядке общей очереди». Лех с интересом этим воспользовался – сравнить свои впечатления с тем, что слышал от других. Внешность Маддля и правда оказалась забавной. Эдакий невысокий, с брюшком, начавший лысеть субъект, – хотя деньги у него водились и на дорогого врача, не говоря уж о простенькой косметической реконструкции. Также забавно, мешком, висел на нём костюм из дорогой ткани. А галстук, который был для солидности повязан даже в кафе, сбился и выглядел так, будто его жевала собака, или на шее остался обрывок верёвки неудачно повешенного. Манеры под стать внешности: хамство разбогатевшего нувориша, в любой момент готовое при встрече с более сильным и обладающим

властью перейти в униженное заискивание.

Светловолосая женщина с короткой стрижкой, сидящая на соседнем стуле совсем другая. Высокая, худая как щепка, на лице тень какого-то затаённого страха, который не могут скрыть ни дорогое платье с украшениями, ни косметика. Стоит мужу на неё обратить внимание, еле заметно вздрагивает и словно хочет втянуть голову в плечи. Зато девушка с другой стороны стола – полная противоположность матери. Унаследовала только рост да медовый цвет волос, в остальном ни капли непохожа. Даже издали чувствуются негибкая воля и ярость. На главу семейства поглядывает, когда тот не видит, с неприязнью, если не с ненавистью. Не знай Лех, что дочь Фордманну не родная, и ей всего семнадцать – решил бы, что Маддль захватил с собой девчонку из офиса в качестве лакея.

Впрочем, никого в зале поведение Фордманна не удивляло: припортовые районы тем и отличались от остального города, что люди здесь жили хоть и небогато, но по-соседски. Потому знали всё и про всех. И история Маддля разошлась на сплетни за несколько дней. Мелкий служащий, который удачно женился на девушке выше себя по положению, а дальше – карьера в крупной торговой компании. Недавно он стал одним из мелких акционеров. Когда же корпорация решила освоить новый для себя рынок в жилых массивах рядом с космопортом, именно Маддля назначили заведовать новым сектором. Почти сразу директор открывшейся сети

супермаркетов купил дом в припортовом районе: по наивности многих нуворишей, считающих работяг простым быдлом, решил, что разница с небогатыми соседями превратится в непроницаемый барьер для тех, кто попытается о нём что-то узнать. Слухов о причинах бегства из центра города Леху рассказывали, наверное, с десятков. И глядя на Фордманнов сейчас, он склонялся к двум. Во-первых, Маддль жене и падчерицу явно поколачивает, но аккуратно. Чтобы доказательств не оставалось, и до полицейского разбирательства дело не дошло. А во-вторых, история, после которой родители готовы были отдать дочку любому, кто согласится взять порченный товар с ребёнком, до сих пор не похоронена, потому Маддль и уехал сюда... Додумать Лех не успел: спустился Ли, сообщил, что кофе заканчивается. Пришлось оставлять парня внизу, а самому спешить на кухню.

Вернулся Лех только через полчаса и попал прямо к скандалу. Затеял всё, естественно, господин Фордманн – показалось, что «официант заигрывает с дочерью и бросает непристойные взгляды». Остальной зал в ожидании бесплатного развлечения было замер, но разозлить Ли оказалось не проще, чем голыми руками проломить броню суборбитального челнока. Когда парень в пятый раз, не отвлекаясь от очередного заказа, выдал дежурную фразу извинения-пожелания «рады будем видеть ещё», Маддль переключился на хозяина заведения. Переходя на визг, он пообещал несусветные иски, потребовал немедленного увольнения виновного

сотрудника... В ответ прозвучало: «Попробуйте. Если считаете, что вы первый и у вас что-то получится». На этих словах от хохота загрохотал весь зал: история, чем кончилась попытка взять кафе «под крышу» именно таким способом, давно вошла в число местных легенд. Маддль не выдержал. Красный как рак, он ухватил жену и падчерицу и силком потащил за собой к выходу. Вроде бы всё завершилось благополучно, вот только Лех подозревал, что это ещё не конец.

К удивлению обитателей кафе, продолжение история получила необычное. Ровно через две недели рано утром, часа за два до открытия, Ли и Андрей засели на кухне – готовили какой-то кулинарный шедевр, на вторую половину дня кафе сняли под свадьбу. Сам хозяин возился с финансовыми документами. Когда во входную дверь раздался отчаянный стук, Лех услышал его не сразу, а, открыв, был весьма удивлён. На пороге стояла младшая Фордманн. Одна. Девушка, напротив, робеть не стала, а, потеснив хозяина, решительно вошла внутрь и села рядом со стойкой.

– И что это означает, госпожа...

– Ирэна. Я пришла наниматься к вам на работу.

После этих слов Лех на несколько мгновений потерял дар речи. Он плюхнулся с другой стороны стойки, задумчиво постучал ногтем по открытой дверце сейфа, после чего уточнил:

– Итак, на работу. И какую?

– Любую. Хоть официанткой, хоть уборщицей.

– И зачем? Только честно. Историю о том, как вам нужны деньги и потому вы готовы на всё что угодно, прошу оставить.

– Деньги мне и в самом деле нужны. Свои, чтобы не отчитываться и не таскать под угрозой наказания чеки даже за купленную жвачку. Но главное – вы единственные, кто готовы дать отпор моему отчиму. А я... – в глазах вдруг выступили слёзы. – Я хочу хоть ненадолго стать свободной, стать...

На улице раздался рёв приземляющегося фляера, и Ирэна побледнела, и помертвевшим голосом закончила:

– Простите. Кажется, я зря вас побеспокоила.

Лех не раздумывал ни секунды. Он выхватил из сейфа бланк контракта и электронную ручку-маркер, быстро заполнил пару нужных граф и сунул девушке.

– Пани Ирэна, роспись и отпечаток ладони с обратной стороны, быстро, – после чего вложил готовый контракт в сканер для документов. Когда в кафе ворвался отчим, подтверждение о регистрации уже пришло на коммуникатор.

Маддль начал орать прямо с порога:

– Дрянь неблагодарная, а ну, в машину быстро! Приедем домой...

– Минутку, господин Фордманн. Ваша дочь подписала контракт на работу в этом кафе.

– Какой такой контракт... – мужчина замер, словно налетел на невидимую стену. – Да что ты себе позволяешь, идиотка. А ты засунь себе этот контракт в задницу. Вместе с

неустойкой... – Маддль попытался прыгнуть вперёд и схватить падчерицу за платье, но наткнулся на загородившего девушку хозяина. Леху, конечно, до Андрея было далеко – но до двадцати пяти он работал на отцовской ферме, и по меркам горожан хватка у него тоже была железная.

– Не торопитесь. Пункт о неустойке в контракте открытый. Как и пункт о рабочем графике. И регулируются они только административным кодексом. Какая там у нас максимально возможная сумма? Кстати, ведь ваша дочь, насколько я знаю, не достигла совершеннолетия? Значит, платите вы. Я, пожалуй, открою ещё пару кафе...

На этих словах Маддль стал напоминать выброшенную на берег рыбу. Несколько минут ругательства лились из него потоком, после чего он развернулся и выскочил из кафе. С улицы раздался звук стартующего в режиме форсированного разгона флаера. А девушка бессильно опёрлась на стойку, её начала бить нервная дрожь.

В это время в зал спустились привлечённые шумом Ли с Андреем. На вопрос, что случилось, Лех коротко пояснил ситуацию, после чего добавил:

– Так что у нас новая официантка. Как раз лето на носу, будет кому столики снаружи обслуживать. Пани Ирэна, вы ведь ещё учитесь в гимназии?

– Д-да.

– Тогда рабочий день у вас будет начинаться... скажем, через полтора часа после окончания занятий. И до закрытия.

Вас это устраивает?

– Х-хорошо, – от последних слов Ирэна расцвела.

– Ли, будь добр, проводи нашу новую сотрудницу наверх, покажи ей хозяйство. И накорми заодно. Подозреваю, к нам она бежала без завтрака. Да, потом объяснишь ей, чем она будет заниматься: мне, извини, как-то теперь не по чину.

– И не только насчёт подай-разнеси, – вдруг добавил Андрей. – Тебе пора не только уметь учиться, но и учить. Так что, Лех, если ты не против?

– Нет, конечно.

Видно было, что неожиданно свалившееся «счастье» вывело из равновесия даже всегда невозмутимого Ли. Но парень быстро с собой справился, вежливо подал девушке руку и повёл за собой. Когда оба скрылись на лестнице на второй этаж, Андрей негромко спросил:

– Лех, ты специально, да? Ты же прекрасно понимаешь, чем кончится эта «помощь».

– Дядя Андрей, вы не лучше, – и оба рассмеялись.

Первое время Лех побаивался, что на работающую в кафе официанткой девушку будут заглядываться, как на дивное чудо: ведь её семья в деньгах не нуждалась. Оказалось напрасно. С одной стороны, в здешних районах начинали искать себе место рано, как правило, до окончания школы, чтобы заработать на учёбу в каком-нибудь техникуме или колледже, не обременяя родителей. Поступившая «как все» Ирэна посетителям пришлась по душе много больше старавше-

гося подчеркнуть разницу с соседями Маддля. С другой – сработала репутация Андрея и Леха, мол, плохого человека под своё покровительство они не возьмут. К тому же Ирэна оказалась человеком дотошным и с непробиваемым характером. В первый же рабочий день до самого вечера изводила хозяина кафе уточнением правил и своих обязанностей, а потом строго их придерживалась в любой ситуации. Местные остряки быстро сообразили, что вывести девушку из себя чуть сложнее, чем выжать воду из камня, и успокоились. Да и Лех намекнул, что готов закрыть глаза на шутку, но скандалистов будет выгонять из кафе с запретом появляться.

Для девушки принять новых знакомых оказалось чуть труднее, слишком уж они отличались от всего виденного раньше. Ли – педантичный, строгий до фанатизма и к себе, и к неожиданной помощнице по работе, едва кафе закрывалось, становился раскованным и весёлым. А когда поздно вечером провожал её до дома по требованию Андрея – мол, хоть места и тихие, бережёного Бог бережёт – рассказывал по дороге замечательные истории. Хозяин кафе Лех способен, кажется, выжать прибыль из пустого места, любую вещь приспособить к делу – но легко может от этой прибыли отказаться, если знает, что ценой дохода станет чужое несчастье. А уж Андрей был и вовсе сплошной загадкой.

Во-первых, жил он, в отличие от остальных, прямо в кафе – его квартира занимала почти половину второго этажа. И

никогда не приглашал к себе дальше прихожей. Во-вторых, Ирэна так и не могла угадать, каким она увидит повара на следующий день – весёлым мечтателем, задумчивым философом, хмурым исследователем нового рецепта или кем-то ещё. словно в одном человеке уживалось сразу несколько. Но главное, что ходили в гости к Андрею очень необычные люди, про которых и не подумаешь, что они специально будут ехать через весь огромный город, чтобы заглянуть в маленькое кафе на окраине. Особенно девушку потряс визит, который пришёлся на второй месяц её работы.

Был понедельник, кафе в этот день закрывалось рано. Браслет-коммуникатор на руке девушки как раз пискнул «двадцать-ноль-ноль», она проводила последних клиентов и едва отошла от входа, как двери с тихим шипением раскрылись и впустили нового посетителя. «Мы уже закрыты, пожалуйста, приходите завтра...» – девушка осеклась. Перед ней стоял заместитель криминальной полиции всего мегаполиса. Ирэна узнала мужчину сразу. Отчим любил таскать её по разным приёмам, то ли хвалясь, что может купить дорогие наряды и украшения, то ли выискивая на «товар» подходящего покупателя – потому лица и имена всех влиятельных людей столицы планеты она помнила назубок. Но вот встретить господина Корсуна здесь...

Тем временем мужчина с весёлой улыбкой отстранил девушку в сторону и громко крикнул:

– Лех! Север! Меня тут к вам не пускают. Говорят, вы уже

всё.

– А, пан Николай! Здорово, Крон! – ответ прозвучал почти хором.

– Лех, с тебя кофе. А то от бурды, которую варят в нашей столовой, у меня уже изжога.

Любопытство замучило девушку сразу. Вот только подслушанный кусочек разговора вопросов оставил больше, чем ответов. «Опять будешь звать в учебный центр?» – «Буду. Только в этот раз уже директором. Старик Лейман собрался на пенсию, упросить его остаться ещё хотя бы на годик-два мы так и не сумели». – «Не уговаривай, Коля. Хватит с меня. Устал я учить». – «Здесь, смотрю, у тебя получается по-прежнему неплохо. Взять хотя бы...» – «Это не то. Я устал гордиться, что мои ученики несут смерть лучше всех. Помню твои аргументы, что хорошо обученный полицейский – это не одна спасённая жизнь. Всё равно не проси».

Больше ничего узнать не удалось. Когда же Ирэна поинтересовалась у Ли, тот лишь пожал плечами. Мол, господин Корсун заглядывает раз в два месяца, знаком с Северином ещё по службе, а большего не знает даже Лех.

Дальше девушка выпрашивать постеснялась, а после разговор и совсем позабылся – и без тайн прошлого, к тому же наверняка под каким-нибудь государственным секретом, интересного в жизни теперь хватало. Новые люди, новые встречи, забавные или неприятные клиенты. Словно навёрстывая упущенное, Ирэна с радостью окунулась в большой

мир за пределами школы и дома. Время, которое раньше тянулось густой патокой, теперь неслось стремительным потоком, незаметно пролетели и весна, и лето. Зато когда в конце августа девушка отмечала своё восемнадцатилетие, была удивлена, сколько народу пришло её поздравить в кафе. Празднование затянулось далеко за полночь. И когда провожавший как обычно девушку Ли, едва парочка отошла в сторону и решила, что их никто не видит, обнял Ирэну за талию, Лех с Андреем понимающе улыбнулись.

Рёв затормозившей на стоянке рядом с кафе машины, шум на первом этаже и громкий зовущий крик Леха разбудили Андрея, едва начало светать – час, когда заря ещё не раскрасила горизонт, но воздух уже светлеет, превращая чернильницу ночи в размытую серость начинающегося утра. Сбежав вниз, Андрей застал, кроме Леха, и своего молодого ученика... Ли нёс на руках бледную как мел Ирэну, которую била нервная дрожь. Опыта бывшему военному хватило оценить состояние девушки с одного взгляда.

– Ли, неси её ко мне, – резко бросил Андрей и побежал вверх, готовить медкомплекс.

Когда Ирэна уснула в стеклянном саркофаге, опутанная датчиками и манипуляторами, Ли чуть успокоился и начал рассказывать.

– Там мы потом, ну... не сразу домой пошли. Мы гулять пошли, а потом... отчим увидел, как возле дома целовались, – парень чуть покраснел. – А дальше, я... ну... слу-

чайно, задержался. И услышал шум. Ворвался, а там...

Дальше продолжил Лех:

– Ирэна рассказала, что Маддль, едва она вошла через порог, заявил, если бы она легла не под нищего босяка, а под кого-то из нужных людей для пользы, он бы ей слова не сказал. А так – обозвал шлюхой. После чего потребовал разорвать контракт, мол, она теперь совершеннолетняя и пусть с неустойкой разбирается сама. А когда Ирэна высказала в ответ всё, что думает, начал избивать её шокером. Хорошо, Ли успел вмешаться.

– Маддль жив? – уточнил Андрей.

– Д-да. Я только замок на двери сломал и... – парень взглянул на сбитые костяшки пальцев. – В общем, Ирэну у него отобрал.

– Домой им нельзя, – вздохнул Лех. – Там будут искать в первую очередь. И в обычную больницу нельзя, хоть муниципальную, хоть частную. Несчастный случай с базой данных результатов осмотра эта сволочь купит не задумываясь. Удача, что Ли догадался сразу позвонить мне, а я вспомнил про ваш медкомплекс.

Андрей на пару секунд замер, просчитывая варианты:

– Лех, ты маяк дорожной службы отключил, как я показывал?

– Да, сразу после звонка.

– Значит, небольшая фора по времени у нас есть. Ли. Остаёшься здесь. Когда Ирэна очнётся, чтобы сидели тихо

как мышцы. Лех, бегом вниз. Когда вломится полиция, делай что хочешь, но задержи их, пока я не спущусь. Я звоню Коле, мой канал связи они ни взломать, ни заблокировать не смогут.

Лех успел на первый этаж вовремя. Всего через несколько минут рядом с кафе приземлились сразу три чёрно-синих флаера, из которых посыпались доблестные стражи порядка. Лех удивлённо присвистнул: разозлённый и испуганный Фордманн скупил всё местное отделение полиции. Впрочем, тут же злорадно пришла следующая мысль, что это и неудивительно. Защищая любимую девушку, Ли поставил негодяю хороший фонарь под глаз и явно заехал куда-то ниже пояса, уж очень характерно Маддль прихрамывал на ходу.

– Господа, вы по какому поводу? – Лех дождался, пока полицейские войдут в кафе, и встал перед ними, сложив на груди руки и излучая вселенскую скорбь непонимания. – Я никого не вызывал.

– К нам поступили данные, что в этом здании скрывается опасный преступник, похитивший девушку и нанёсший тяжкие телесные повреждения её отцу, – громко, на грани ора начал командовавший полицейскими лейтенант.

– А ордер у вас есть?

– При чём тут ордер? Па-а-прашу не мешать действию правосудия.

– Офицер, надо ещё разобраться, не сообщник ли это! – с визгливыми нотками добавил Маддль. – Не зря его машина

рядом стоит, уж не на ней ли мою дочь увезли...

– Ордер, – холодно произнёс хозяин кафе. – Согласно закону, в дом отслужившего полный двадцатипятилетний срок ветерана полиция имеет право вторгаться только с ордером, выданным судом. А для жилья служивших в войсках особого назначения – на ордере должна быть виза Имперской службы безопасности.

– При чём тут... – начал лейтенант, сразу потерявший часть своей напористости.

– А при том, – злорадно ответил Лех, – что половина здания принадлежит господину Северину, и здесь же находится его квартира. Вход в кафе и лестница на второй этаж на его половине. Стоило проверить перед вторжением. Вы, господин лейтенант, уже нарушили закон.

– Ничего, я напомню, – раздалось от лестницы.

От того, как выглядел спустившийся со второго этажа Андрей, обомлел даже Лех. Мундир был с капитанскими погонами! Но полицейских, кажется, больше впечатлил готовый к стрельбе разрядник армейского образца в руке.

– Я пока оставляю в стороне вопрос, по какой причине тут устроили выездной цирк полным составом. Если вы, лейтенант, немедленно арестуете господина Фордманна по обвинению в избиении несовершеннолетней с причинением тяжкого вреда здоровью. А вы, Маддль, забыли, что на нашей планете совершеннолетие наступает не в восемнадцатый день рождения, а только при получении паспорта. И то,

что его принято забирать из ближайшего отделения полиции утром, чтобы потом хвалиться на празднике – не больше чем традиция.

Лейтенант побледнел. Одно дело за взятку вломиться в кафе, уничтожить данные с камер наблюдения и результат освидетельствования – через сутки-двое следы от шокера пройдут, ничего не докажешь. На худой конец, подделать дату получения паспорта. И другое – нарваться на встречное обвинение высокопоставленного офицера, пусть и в отставке: капитан спецвойск по табели о рангах приравнялся к обычному подполковнику. К тому же запросто может вмешаться и всемогущая Служба. Вот успеют они повернуть дело и подчистить улики до того, как Андрей заявит официально... Кто-то из подчинённых лейтенанта подумал так же. Раздался выстрел, и один из полицейских с криком покатился по полу, схватившись за пробитую руку.

– Следующему прожгу дыру в брюхе, – пообещал Андрей. – И мне плевать, за шок-станером потянулся очередной придурок или за разрядником. Руки за голову и без глупостей!

– Север, это Крон. Мои ребята идут по выделенному коридору, будут через десять минут. У тебя стрельба, что случилось? – раздался из включённого на громкую связь коммуникатора голос заместителя начальника городской полиции.

– Всё под контролем. Коля, вызови заодно кого-нибудь из отдела внутренних расследований. Только не местной пре-

фектуры, а тоже из своих, центральных. У меня тут замечательный букет, от взятки и сокрытия преступления по отношению к несовершеннолетней до вооружённого нападения.

Суд над Маддлем Фордманном прошёл очень быстро. Корпорация, в которой он работал, хотела решить дело без огласки, пока случай не раздули журналисты и конкуренты. Потому судья легко согласился со всеми пунктами обвинения и назначил по каждому максимальный срок, с отбыванием на одной из планет-тюрем и лишением имущественных прав в пользу родственников. Ведь жена «удачно» сохранила девичью фамилию, а девушка за компенсацию от компании взяла фамилию матери, причём до получения паспорта. Почти сразу Ли, которому корпорация «в благодарность за помощь» помогла получить диплом, и Ирэна уехали в один из городов соседнего полушария. Через пару месяцев Лех и Андрей получили от них счастливое письмо, в котором Ли хвалился работой в престижном ресторане, Ирэна с гордостью рассказывала, как поступила в университет. И что оба «вот обязательно приедут, пусть только у девушки наступят каникулы».

Кафе на Лесной улице затихло, как и прежде неторопливо встречая посетителей после обеда и замирая по утрам. Жизнь шла своим чередом, Лех даже начал шутить, что без помощников скучно. В один из осенних дней Лех и Андрей сидели в пустом ещё зале и, глядя на бушующую за окном ноябрьскую непогоду, обсуждали планы на будущее: посе-

тителей стало больше, а бывшие помощники далеко, строят свою жизнь. Конечно, от желающих поработать в кафе отбоя нет, вот только кого попало не возьмёшь... Внезапно во входную дверь раздался стук, и несколько минут спустя Лех усадил за их столик гостью. Невысокая, хрупкая девушка с угловатой фигурой застенчиво осмотрелась, оглядела натёкшую с одежды и рюкзака лужу, стала сбивчиво извиняться. После чего торопливо, словно испугавшись, что её выгонят обратно под дождь, начала рассказывать. Её молодой человек перебрался в столицу полгода назад, теперь пригласил девушку к себе. Он должен был встретить на аэровокзале – но не встретил. А когда она нашла квартиру, которую тот снимал, соседи рассказали, что «молодого человека не было видно уже несколько дней». В полиции же её прогнали, мол, не родственница и вообще – два-три дня для парня в столице не срок. Вот она и оказалась в огромном городе одна. Хорошо, вспомнила, что её приятельница, Ирэна, рассказывала про своих знакомых и как они ей помогли.

– Честно-честно, я не вру, – покраснев, закончила девушка. – Ирэна даже посылку вам передала. Она у меня в рюкзаке, я достану...

Мужчины переглянулись с понимающей улыбкой.

– Потом найдёте, пани...

– Дина...

– Пани Дина. А пока давайте-ка я напою вас горячим кофе по особому рецепту. Простудитесь ещё.

– А я пойду, позвоню в полицию, – поднялся со своего места Андрей. – Мне, – он усмехнулся, вспомнив последний полицейский визит в кафе, – не откажут. Попробуем, Дина, вам помочь.

Ведь кафе на Лесной улице – необычное кафе.

Случайное совпадение

Кафе на Лесной улице – необычное кафе. И не только потому, что спряталось в небольшом двухэтажном домике в окружении сосен лесозащитной полосы. И не только из-за того, что слава заведения гремит далеко за пределами своего района, поэтому многие даже готовы сделать крюк по дороге в космопорт, лишь бы попробовать удивительный кофе, который варит хозяин заведения. Ещё кафе на Лесной известно тем, что к его хозяевам – Леху и Андрею – заглядывают самые разные посетители. А уж если добавить, что сослуживцев капитана Северина после отставки разбросало по самым разным городам и должностям, но старого друга они никогда не забывают, да и Лех, прежде чем осесть на Орше, успел несколько лет поколесить по Звёздной Ойкумене и набраться необычных знакомств – необычными гостями тут никого не удивишь.

В один из осенних дней Лех и Андрей сидели в пустом ещё зале и, глядя на бушующую за окном ноябрьскую непогоду, обсуждали планы на будущее. Посетителей стало больше, а помогавшие до недавнего времени Ли и Ирэна теперь далеко, строят свою жизнь. И если Андрей пока справляется, то Леху без ещё одного человека в зале не обойтись. Конечно, от желающих поработать в кафе отбоя нет, вот только кого попало не возьмёшь... Внезапно во входную дверь

раздался стук, и несколько минут спустя Лех усадил за столик гостью. Невысокая, хрупкая девушка с угловатой фигурой застенчиво осмотрелась, оглядела натёкшую с одежды и рюкзака лужу, стала сбивчиво извиняться. После чего то-ропливо, словно испугавшись, что её выгонят обратно под дождь, начала рассказывать. Её молодой человек перебрался в столицу полгода назад, теперь пригласил девушку к себе. Он должен был встретить на аэровокзале – но не встретил. А когда она нашла квартиру, которую тот снимал, соседи рассказали, что «молодого человека не было видно уже несколько дней». В полиции же её прогнали, мол, не родственница и вообще – два-три дня для парня в столице не срок. Вот она и оказалась в огромном городе одна. Хорошо, вспомнила, что её приятельница, Ирэна, рассказывала про своих знакомых и как они ей помогли.

– Честно-честно, я не вру, – покраснев, закончила девушка. – Ирэна даже письмо и посылку вам передала. Они у меня в рюкзаке, я достану...

Мужчины переглянулись с понимающей улыбкой.

– Потом найдёте, пани...

– Дина... Надин.

– Значит, пани Надин...

– Ой, лучше Дина. Не люблю, когда меня зовут полным именем. Как-то официально получается.

– Тогда пани Дина, – улыбнулся владелец кафе. – А пока давайте-ка напою вас горячим кофе по особому рецепту.

Простудитесь ещё.

– А я пойду, позвоню в полицию. Попробуем вам помочь, – поднялся со своего места Андрей. – И для начала, Дина, оставьте, пожалуйста, на сканере отпечаток вашей ладони.

– З-зачем?

– Подаю от вашего имени запрос на поиск пропавшего. Мне, – он усмехнулся, вспомнив последний полицейский визит в кафе, – не откажут.

Быстро выяснилось, что Дина не только промокла и замёрзла, но и ничего не ела с ночного самолёта. Да и еда в стратосфернике – бутылка воды и пара бутербродов. Поэтому, несмотря на очередную попытку заявить: «Да пожалуйста не надо, не беспокойтесь», – Лех сначала уговорил воспользоваться горячим душем, а затем посадил девушку за один из столиков в углу, поставил перед ней тарелку, сказал, что если надо чего-нибудь ещё, пусть попросит – всё за счёт заведения... В это время в кафе появились первые посетители, и мысли о неожиданной гостье тут же спрятались на задворки сознания. И без неё было чем заняться.

Весь день девушка сидела тихой мышкой за столиком в углу, достав коммуникатор и высветив перед собой виртуальный экран, куда время от времени тыкала пальцами. То ли читала что-то – заглушить беспокойство, то ли убивала время бесцельным серфингом по Сети. О себе Дина напомнила только во время обеда – да и то не по своей воле. В кафе

заглянула большая и шумная бригада докеров, закончившая смену. Заглянула не просто так: сегодня у самого новенького завершился испытательный срок, и традиция требовала это обязательно отметить. А где же ещё отмечать, как не в кафе на Лесной?

Неписанный обычай требовал, чтобы новичка в этот день только хвалили... В какой-то момент дифирамбы пополам с пивом и усталостью после смены ударили в голову. И парень, заметив одиноко сидевшую Дину, решил пригласить девушку за свой столик. Та отказалась. Парень пригласил ещё раз, потом ещё. И тут Дина, которая с самого утра была на нервах, не выдержала. Окинув с ног до головы высокого худого парня с копной торчащих во все стороны чёрных волос, она сказала:

– Знаете, ко мне не первый раз вот так подкатываются. Но вот чтобы пыталась пригласить на свидание швабра – это впервые.

Парень побагровел от злости. И неясно, чем бы всё закончилось, как вдруг один из докеров громко рассмеялся.

– А что? И правда, похож.

Следом захохотала остальная бригада, шуточки посыпались со всех сторон. Пунцовый парень сел обратно, явно мысленно проклиная тот миг, когда решился позвать девушку к себе за столик. Прозвище наверняка приклеилось надолго.

Больше к Дине никто приставать не пытался. Слишком

уж явственно у неё на лице читалось желание поругаться с кем-нибудь ещё. А едва ушёл последний посетитель, и вниз спустился Андрей, девушка чуть ли не бегом кинулась к нему: удалось ли хоть что-нибудь выяснить? Андрей пригласил всех за один из столиков, после чего принялся рассказывать.

– Новости никакая и хорошая. Про вашего молодого человека, Дина, пока ничего не узнали. Слишком мало времени прошло. Зато новость однозначно хорошая – вам есть где переночевать, – Северин хмыкнул. – Репутация – великая вещь. Стоило мне только позвонить в наше отделение полиции, как там сразу же кинулись проверять. Оказывается, Дина, что вы зарегистрированы как родственник, и на вас оформлен ключ в квартиру. Просто управляющий дома ленивая скотина, вы от него не потребовали, а сам он смотреть в базе не стал. Хотя был обязан, в заявке прилагались и ваша фотография, и личные данные, и отметка, что забрать ключ вы можете без хозяина. Так что сейчас давайте ужинать. Вы, смотрю, за целый день кроме сока и пары пирожных что-нибудь заказать постеснялись. Потом мы отвезём вас домой. А утром приходите сюда, может за ночь ещё что-то выяснится.

Когда мужчины, проводив девушку до квартиры, вышли из подъезда, Лех спросил:

– Дядя Андрей. Это ведь не всё?

– Да. Репутация всё-таки великая вещь. В местном отделении, едва узнали, что за нашу гостью прошу я, подпрыг-

нули как ошпаренные. И за день проверили не только квартиру, но и последние несколько дней Жерара Новака перед исчезновением. Это парень Дины, – пояснил он для Леха. – Так вот, две недели назад Жерар с помощью своего приятеля, который работает в «Галактик», перевёл на её сервера все свои звонки, сетевые аккаунты и остальное. Вроде какая-то акция там для избранных... Полицейские считают, что эта акция – лишь формальный повод. Логи – не содержание писем, в «Галактик» полиции их дают даже без запроса суда. В общем, вскоре после регистрации на сервере Жерару кто-то усиленно принялся названивать, они о чём-то договаривались. Эти же дни шло активное общение с кем-то через Сеть. После чего парень вдруг пропал.

Лех только молча кивнул. «Галактик» считался самым надёжным хранилищем информации во всей Звёздной Ойкумене. И если Новак вдруг перевёл свои контакты туда, значит, чего-то опасался. Жаль, что, согласно правилам «Галактик», содержание переговоров они могут выдать только по запросу всеимперского сената...

Утром Дина примчалась в кафе чуть ли не с рассветом. Но Андрей лишь развёл руками: ночью никто не работает, и новостей нет. Девушка посмурилась, ушла в себя... Когда хозяин кафе вдруг предложил ей присесть и сказал, что у него есть дело – то даже не сразу отреагировала.

– Я так понимаю, поиски несколько затягиваются. А вам надо на что-то жить и вряд ли у вас с собой много денег.

Дина смутилась, потом признала, что так оно и есть. И даже холодильник дома пустой, Жерар не успел ничего купить. Лех кивнул и продолжил:

– Тогда у меня к вам предложение. Мне нужна помощница, и вы вполне подойдёте.

Девушка растерялась.

– А вдруг я не справлюсь? Может кого-то другого лучше, кого вы знаете...

– Позвольте хозяину кафе самому решать, кого приглашать себе в помощь, – улыбнулся Лех. – Я вчера следил за вами весь день. Особенно когда случилась та неприятность с докером. Считайте, вы мне понравились. И экзамен пополам с собеседованием прошли.

– Но вы же ничего про меня не знаете. А вдруг я хочу втереться в доверие...

Тут уже рассмеялся Андрей.

– Знаете, полезно иметь сослуживцев в самых разных местах. Один из моих приятелей работает в бюро личных данных. А вы вчера оставили отпечаток ладони. Так что не переживайте, вас уже проверили получше службы безопасности какой-нибудь корпорации. Вы именно та, кем назвались.

Дина опять ненадолго замолчала, а затем решительно произнесла:

– Я согласна. И когда начинать?

День пролетел быстро, и Лех порадовался, что чутьё его не обмануло. Вчерашнее смущение у девушки прошло. Она

улыбалась, легко сходилась с людьми. И главное – умела чувствовать зыбкую грань, когда надо в ответ пошутить, когда просто вежливо поговорить и объяснить, а когда и остановить скандалиста резким ответом. А что Дина любила поболтать, так это в их работе совсем не недостаток.

Когда кафе закрылось, и девушка, обессиленная, опустилась на стул и задала немой вопрос «как я справилась», Лех без слов отвесил ей уважительный поклон и поцеловал руку.

– Пани Дина, вы были великолепны. А теперь ваш начальник предлагает до завтра забыть, что он начальник и подняться наверх. Узнаем у дяди Андрея, нет ли новостей.

Лицо Дины сразу нахмурилось, и она обеспокоенно кивнула. Скорей, скорей.

Хозяин квартиры встретил их на пороге, усадил в гостиной и принялся рассказывать.

– Вы вовремя. Я как раз говорил с Кроном.

Дина непонимающе посмотрела, и Северин пояснил:

– Господин Николай Корсун. Он с этого лета занял кресло начальника полиции мегаполиса.

Девушка ойкнула, покраснела и испуганно пискнула:

– Ой! Я. Ой... А такого важного начальника-то зачем.

Ведь я просто...

– Нет уж, Дина. Вы теперь не просто гостья, а работаете у нас в кафе. Своим же я привык помогать. Да и интуиция меня не подвела. А выйти на службу безопасности «Галактик» может только Крон.

Лех и девушка удивлённо переглянулись, и Андрей принялся рассказывать:

– Местные полицейские ещё вчера вечером выяснили, что Жерар уехал вместе с тремя друзьями. Все четверо не появлялись дома уже несколько дней. И один из этих друзей работает техником в центральном планетарном отделении «Галактик». Но сначала хорошая новость. Мы уверены, что Новак и остальные живы.

– Где он? – Дина вскочила, чуть не уронив стул.

Андрей покачал головой.

– А вот это уже плохая новость: пока не знаем. Давайте объясню по порядку. Кашу, судя по всему, заварил тот самый парень-техник. Он только недавно получил там работу, и старался доказать, что его взяли не зря. Как считает следователь, парень хватался за любое дело, даже если его не просили, везде старался помочь... И случайно наткнулся на следы одной готовящейся крупной махинации. Служба безопасности самого «Галактика» после сообщения Крона проверила и нашла следы. Причём подготовлено всё очень хорошо. Если точно не знаешь, что дело нечисто – не отыщешь. И если бы не случайное совпадение, – Андрей кивнул Дине, – ваш приезд и мои знакомства, вскрылась бы афера только тогда, когда организаторы с деньгами давно покинули Оршу. На подозрении несколько человек. Но для нас главное, что парень из «Галактик», видимо, пересмотрел боевиков. Оформил себе отпуск – якобы поехал в заповедник, гото-

виться к соревнованиям по альпинизму. Пока, мол, там последние сухие дни осени. А на деле позвал на помощь приятелей и попытался распутать всё сам. Вот только не рассчитал сил.

Девушка побледнела, и Андрей поспешил её успокоить:

– Наоборот, поэтому мы и уверены, что все живы. Заперты где-то, под наркотиками – но живы. Махинация затронет несколько транссистемных корпораций и звёздных систем. Если в деле появится хоть один труп, всё из ведения полиции перейдёт к Имперской службе безопасности. Так рисковать никто не станет.

В тревожном ожидании прошло два дня, когда неожиданно позвонил ведущий дело следователь. Появилась зацепка, и Дина как пострадавшая и родственница жертвы завтра утром может понаблюдать за допросом неожиданного свидетеля. Может, заодно вспомнит какую-нибудь мелочь, которая показалась неважной. Это тоже увеличит шанс скорее выйти на следы преступной группы.

На проходной центрального отделения полиции девушку сопровождавшего её Андрея встретил помощник следователя и по дороге в комнату, откуда можно будет наблюдать за допросом, ввёл их в курс дела. Согласно записям пункта проката, молодые люди улетели к месту отдыха, через день вернулись, сдали машины и вызвали такси, чтобы успеть на ночной экспресс до столицы. У всех парней был «зелёный билет» на месяц, поэтому в кассу вокзала они, естественно, не

заходили... Но ни турникеты, ни камеры на вокзале ничего не зафиксировали! Это вызвало подозрение, сервера компании по прокату аэрокаров тщательно проверили и обнаружили хорошо замаскированные следы взлома. Ещё одно косвенное свидетельство – двери гаража закрывала автоблокировка. Вряд ли человек, который несёт ответственность за арендованное имущество, будет на полчаса бросать гараж открытым и без присмотра. А вот если оба аэрокара гоняли в автоматическом режиме набрать километраж для фальшивой поездки, то могли о такой мелочи и не подумать – всё-таки организовали преступление не профессиональные киллеры, а «белые воротнички». Поэтому дежурившего в ту ночь администратора и задержали для допроса.

Большой экран показывал плотного коротко стриженного мужчину, с красным мясистым лицом. Внешне невозмутимый, отвечал он напористо, мол, сейчас вообще устрою скандал, что допрос идёт без адвоката. Вот только имевший немалый опыт Андрей видел, что и во взгляде, и в жестах свидетеля нет-нет – да и промелькнёт тенью что-то нервное. Обратил на это внимание и следователь, поэтому прессовал мужчину хоть и аккуратно, но жёстко.

– Значит, вы подтверждаете, что в названную мной ночь дежурили именно вы.

– Ну, это, да. Я уже говорил ведь.

– Когда оба аэрокара поставили в гараж, один из молодых людей зашёл к вам расписаться в том, что всё в порядке и

претензий нет.

– Так я ж говорил. Это, порядок такой у нас. Хотя в гаражах везде терминалы стоят, но это, всё равно потом хошь не хошь, а зайти к администратору полагается.

– Кто именно к вам зашёл?

Рука мужчины замерла ненадолго над фотографиями, потом ткнула в крайнюю.

– Вот этот. Так оно, это самое. Он же и заходил, когда расписывался за получение.

– В первый раз он заходил один? Вы не видели с ним никого постороннего или подозрительного?

– Один, один. И никого не было. А чё толпой переться?

На этих словах девушка закусил губу. Помощник следователя сразу заметил и тут же спросил:

– Госпожа Надин, вы что-то вспомнили?

– Д-да. Жерар всегда говорил, что любой поход начинается и заканчивается только на пороге дома. А до этого в горах нельзя товарища из виду терять. У них привычка была даже пока до места едут, всегда вместе ходить. Не мог кто-то один пойти!

– Ага, – довольно кивнул помощник следователя. – Госпожа Надин, вас не затруднит оформить показания официально? Наверняка и в первый раз, когда они «уезжали», никого на самом деле вообще не было. Тогда на выдаче аэрокаров работал тот же самый сотрудник. К тому же подозреваемый слаб к алкоголю: вот и хороший повод взять его на крью-

чок. Один раз подпоить на рабочем месте, а дальше шантажировать угрозой увольнения, если владелец проката узнает про пьянку во время работы. Показали ему фотографию, подделали записи. За электронную подпись на возврат и вызов автоматического такси наши специалисты уверены, да-та там точно поддельная. Заявка на аренду аэрокаров сейчас проверяется. Как только у нас на руках будут результаты второй экспертизы, да ещё вместе с вашими показаниями – расколом мы этого администратора в два счёта. Самое позднее завтра найдём и вашего Новака, и остальных.

Рабочий день и Дина и Лех провели как на иголках. Андрей был внешне не возмутим, даже шутил – и оставалось только гадать, то ли нервы крепкие, то ли очень хорошо тревогу скрывает. Когда кафе закрылось, домой девушка не поехала – сказала, что не может оставаться одна. Поддержали её и мужчины, поэтому все трое опять поднялись к Андрею. Когда раздался звонок, и домашняя система сообщила: «Вызов от господина Корсуна», все от неожиданности вздрогнули. Но, поскольку звонок шёл по защищённой линии, Северину пришлось идти разговаривать одному, оставив Леха и Дину сверлить нервными взглядами закрытую дверь.

Обратно в гостиную Андрей вышел неожиданно весёлый. – Живы! Нашлись и живы. А мы все – полные дураки. Меньше детективов надо читать.

Вскочившая было Дина охнула и без сил опустилась в кресло. Лех же невозмутимо поинтересовался:

– Почему дураки и при чём тут детективы?

– А при том, что случилось всё именно так, как выглядело, без всякого двойного дна. Этот парень, из «Галактик». Он как устроился, по рекламной акции сумел сделать друзьям аккаунты. «Это же круто и престижно, вести всю свою связь через сервер самого «Галактика», – передразнил Андрей. – Звонки, которым бомбардировали Жерара – это приятели уговаривали его съездить потренироваться. Тот отказывался, боялся не успеть вернуться к вашему приезду, Диночка. А дальше только они выгрузились, в аэрокарах автоматика сбойнула, обе машины сами и вернулись. Сами встали в гараж, подали сигнал о прибытии. Вот только администратор, дурак такой, в нарушении правил приятеля привёл на рабочее место. И оба нажрались в хлам. А утром идиот протрезвел, испугался крупного штрафа – туристы часто ленятся не только ставить отметку на терминале гаража, но и вводить подпись у администратора, поэтому хозяин проката строго требует за этим следить. Приятель, который вместе бухал, оказался спецом по базам данных, и уговорил скопировать предыдущую подпись, только исправить в ней дату. Вот только из старой накладной выдрать удалось всего одну подпись, поэтому подделали обе записи. А администратор божился, что оба раза заходил один человек, и расписывался один за всех. Хорошо, что в полиции нашёлся молодой и ретивый сотрудник, который от переизбытка сил решил съездить ещё и в заповедник. Оказалось, аварийный комплект

давно протух, хозяин держал его только для отчёта перед инспекцией. И когда оба аэрокара улетели, парни остались без связи и транспорта. Их подобрали, когда они отправились за помощью. Вовремя подобрали, четыреста километров пешком по осенней тайге идти долго и неинтересно. Сейчас всех проверяют в больнице, и завтра утром Жерар будет дома.

Дина, едва Андрей закончил рассказ, расплакалась от счастья, а потом радостно расцеловала обоих мужчин. Северин на это смущённо хмыкнул, Лех кивнул, а потом задумчиво сказал:

– Но афера-то в «Галактик» была?

– Да, мошенничество готовили самое настоящее. Именно оно и сбilo всех с толку. Ну да теперь это уже не наше дело. У нас остался другой вопрос.

Андрей переглянулся с Лехом, и хозяин кафе спросил:

– Дина, какие у вас планы на будущее. Вы ведь остаётесь жить в столице?

– Ну да. Так что надо искать постоянное... Ой, – девушка покраснела. – А вы хотите, чтобы я осталась у вас?

Лех кивнул.

– Раз уж вы попали к нам на работу таким необычным способом – значит ваше место точно здесь.

Ведь кафе на Лесной улице – необычное кафе.

Не доставленное письмо

Небольшое двухэтажное кафе на Лесной улице заведение известное. И не только поварским искусством Андрея Северина, так что многие даже готовы сделать крюк по дороге в космопорт, лишь бы попробовать что-то из блюд, рецепты которых Андрей собирал не одно десятилетие по всей Звёздной Ойкумене. Ещё про кафе все знают, что здесь можно отыскать пропажу. Ведь Андрею и Леху доверяют больше, чем полиции. Поэтому если найдут потерянную вещь, то сразу несут в кафе на Лесной. Первый год, когда заведение только открылось, Лех радовался. Мол, для дела это хорошо, сарафанное радио куда лучше и надежнее любой рекламы. На второй год он пытался ругаться, что кафе – не бюро находок, а место, куда приходят поесть. Потом махнул рукой и выделил целую комнату, а заодно обзавёлся каталогом. Теперь каждая вещь имела карточку-информаторий – Леху сразу вспомнить, на какой полке хранится и откуда взялся тот или иной предмет, а счастливому владельцу поскорее забрать потерю и не отвлекать от дела.

Лето выдалось жаркое, палить начинало с восходом солнца. Поэтому горожане старались без особой нужды в уличное пекло не выходить и передвигаться перебежками, от кондиционируемого подъезда до кондиционируемой остановки, по дороге делая передышку в каком-нибудь кафе или магази-

не. Так что когда с самого утра, стоило только хозяину приехать на Лесную, заглянул с большой коробкой в руках владелец расположенного неподалёку магазинчика, Лех сразу догадался – ему несут очередную пропажу.

– Доброго дня, пан Соломон. Никак опять у вас что-то забыли?

И быстро ткнул пальцем по интерактивному монитору на стойке, выбирая в меню пункт «Находки».

– Есть такое, – Соломон погладил роскошную бороду, согласно обычаю его народа не знавшую бритвы со дня совершеннолетия. – Всегда говорил, что алкоголь штука вредная. Покупают, употребят, а потом забудут прямо возле порога.

Лех кивнул: последняя неделя выдалась особенно жаркой. Поэтому история утери коробки наверняка была обычной. Кто-то по дороге домой заглянул в магазинчик, купил пива и выпил тут же на лавочке. От жары и усталости хмель сразу ударил в голову, вот коробка так и осталась стоять забытая. Лех быстро ввёл данные – сквер возле магазина у него давно был забит в шаблоны. И между делом беззлобно поддел хозяина магазинчика.

– Вы, пан Соломон, каждый раз так говорите. Но пивом всё равно торгуете, на лето под него даже ещё одну витрину высвободили.

Соломон на это опять погладил бороду и добродушно сверкнул зубами в улыбке:

– Что поделаешь, бизнес есть бизнес. И всё равно, хмель

есть зло. Ладно бы у меня в магазине забыл. Мальчишки эту коробку нашли и удумали, сорванцы. Вместо мишени для футбольного мяча уже приготовили.

– Уши оборвать.

– А как же, – фыркнул Соломон. – И вам тоже доброго дня, – он кивнул спустившемуся на голоса Андрею. – Ну да ладно. Не буду задерживать, у самого дел полно.

Как только за визитёром захлопнулись двери, Северин и Лех принялись осторожно вскрывать коробку. С одной стороны, содержимое тоже стоит внести в базу данных, владелец может спросить именно про содержимое. С другой – припортовый район место в некоторых отношениях особое, и отыскаться в забытых вещах может многое. К примеру, подкинуть могли чего. Пусть с отставным майором Северином местные криминальные боссы соблюдали осторожный нейтралитет, всегда найдутся слишком инициативные подчинённые. Или совсем недавно матрос с одного из судов потерял контрабанду, за которую сесть можно лет на пять. Доказывать «я тут не причём» в таких случаях можно долго. Проще проверять заранее.

Внутри оказался неновый, но роскошный трёхмерный монитор профессионального класса. Лех и Андрей осмотрели его со всех сторон: заводские пломбы целые, и уже собрались упаковывать обратно... Когда взгляд отставного майора зацепился за слишком уж лоснящееся место на задней крышке. Аккурат там, где между внешним кожухом и радиатором

охлаждения была щель.

– О-па! Лех, постой-ка. Кажется, мониторчик-то с секретом, – Андрей ткнул пальцем в потёртость. – Смотри.

– Ага, – Лех тут же достал фонарик, посветил в щель, потом аккуратно поддел ногтем листок. – Судя по количеству бумажной пыли и обрывкам, как почтовый ящик эту щель используют давно.

В это время входная дверь хлопнула, и в кафе ворвался растрёпанный лохмато-бородатый тип. Под глазами гостя набухли похмельные мешки, поэтому Лех сразу подумал, что перед ними хозяин утери. Явно с утра проспался, вспомнил и кинулся на поиски – рубашка застёгнута наперекосьяк, туфли на босу ногу, одна штанина вообще оказалась заправлена в носок. Увидев монитор, мужик издал радостный вопль:

– Вы нашли его!

Затем испуганно добавил:

– Ох, с ним что-то не так?

– Да нет, – как можно теплее улыбнулся Лех. – Цел и невредим. Просто нам его только-только занесли. Даже в список потерянного не успел внести, а хозяин раз – и отыскался.

– Д-да, да, мой он, мой. Я даже документы на всякий случай захватил.

Мужик шлёпнул пачку на стойку, и Андрей переглянулся с Лехом: самым первым лежал чек о покупке со вчерашней датой. Значит, к письму нынешний хозяин монитора не

имел отношения. К тому же из обрадованного мужика так и полился фонтан слов:

– Я дизайнер частный, понимаете? Мелкие заказы там и сям. Для меня монитор такого класса – чудо просто, да ещё с гарантией. Зашёл вчера случайно в магазин на углу Седьмой линии и проспекта Исследователей, они там всякую технику по утилизационному сбору распродают...

Остальные словоизлияния гостя Лех слушал вполуха. С монитором всё было понятно. По закону по истечении первого срока амортизации любая фирма платила так называемый «мусорный налог», даже если оборудование продолжало использоваться. Физические же лица это делать были не обязаны, чем многие и пользовались. Сбивали годную технику, зачастую даже с гарантией, через специальные магазины частникам по остаточной цене.

Как только обрадованный дизайнер, в благодарность купивший целый мешок оставшихся со вчерашнего дня сладких булочек, ушёл, Андрей вынул письмо и положил на стойку. Задумчиво почесал кончик носа и принялся рассуждать вслух:

– Значит, письмо не его.

Развернул листок, и оба внимательно принялись всматриваться в текст. Всего две строчки, написанные разными людьми. Верхняя – почерк узкий, резкий, решительный.

«Буду ждать послезавтра. Встречаемся в 8 утра возле карандаша. Я всё объясню».

Ниже шёл ответ. Буквы округлые, все в завитушках.

«Я так рада, что ты нашёлся. Извини, послезавтра я не могу. Давай одиннадцатого там же и в то же время».

Лех побарабанил пальцами.

– А монитор продали, и ответа этот «он» не получил. Мне кажется, стоит поискать и помочь. Вот только кому?

– Ага, кому? И что тут от меня скрывают? – раздался голос Дины.

Девушка успела переодеться в рабочую униформу официантки – клетчатое платье с передником, вошла в зал проверить, всё ли готово к приёму посетителей и услышала последнюю фразу. Маленьким вихрем пронеслась до стойки, выхватила записку, пробежала глазами и вынесла вердикт:

– Ответ писала девушка. Старше двадцати, но моложе двадцати пяти.

– С чего ты взяла? – усомнился Андрей.

– А вот, – Дина подчеркнула ногтем одно из слов. – Так пишут только посетительницы клуба «Сладкая лилия», это вроде знака для своих. У меня подруга туда ходит. Пускают только девушек не моложе двадцати и не старше двадцати пяти.

– А ещё она блондинка, – добавил Лех. – Я когда светил, заметил длинный светлый женский волос.

– Ну, уже что-то, – подвёл итог Андрей. – Завтра наведаюсь в тот магазин и постараюсь выяснить, откуда монитор. На всё у нас три дня.

Следующим утром Андрей стоял на перекрёстке проспекта Искателей возле магазина с крикливой голографической вывеской, где мельтешили разнообразные приборы, увитые надписью «Отличные товары почти даром». Внутри магазин оказался забит витринами – бесконечные стеллажи из прозрачного пластика, переполненные разнообразной техникой или уменьшенными копиями-муляжами. Немедленно подскочил менеджер-продавец. В ранние часы клиенты почти не ходят, поэтому если вечером каждый выбирает товар сам и несёт к кассе – сейчас парень был готов обихаживать любого посетителя. Убедить что-нибудь купить, а заодно и скуку развеять.

– Здравствуйте, – тут же начал Андрей. – Я это, у приятеля вчера был. Он у вас монитор купил. Для дизайна, – Северин сделал жест руками, показывая размеры. – Во-о-от такующий. Мне бы такой же.

Видимо, подобная техника в магазине была редкостью, поэтому продавец погрузился и сразу же ответил:

– Увы. Монитор у нас поступил только один. Оставьте свои координаты, как только у нас появится такой же, мы вам сразу сообщим.

– Ну вот, – расстроился Андрей, плечи поникли, с губ пропала улыбка. И вдруг, словно идея пришла только что, Северин загорелся: – А может скажете, откуда у вас монитор? Я узнаю, может у них ещё есть?

Сотрудник магазина строго посмотрел.

– У нас не принято говорить постороннему о фирмах, с которыми мы сотрудничаем. Эта информация только для покупателей.

– Так не запрещено же! – Андрей простодушно хлопнул продавца по плечу. – Ты это, давай так? Я у тебя куплю...

Взгляд зашарил по стеллажам, пару секунд спустя палец ткнулся в портативную видеокамеру. Судя по сниженной цене, у неё скоро истекал срок хранения, и магазину придётся пополам с фирмой-владельцем платить утилизационный сбор.

– Во! Давай камеру куплю. Только скажи, а? Ну очень надо, – Андрей провёл ребром ладони по горлу.

Несколько секунд в глазах парня жадность боролась с осторожностью. Но формально никаких инструкций и правил, сообщая постороннему о поставщиках, продавец не нарушал. А вот премия напрямую зависела от количества проданных и пошедших на утилизацию товаров.

– Пойдёмте, надо посмотреть на кассе. Но исключительно для вас.

Вернувшись в кафе, Андрей сразу же наткнулся на Леха и Дину, жаждущих узнать результат. Северин широко улыбнулся, показал кулак с выброшенным вверх большим пальцем.

– Есть. Монитор продали из центрального офиса дизайнерской компании «Концепт». А карандаш – это, судя по всему, магазин одежды «Стройный как карандаш», в одном

квартале от офиса. Я заехал и проверил.

Дальше разговор не получился. До открытия оставалось меньше часа, а надо было ещё переодеться и приготовить кухню. Но вечером все трое опять собрались возле барной стойки. Лех достал записку и сказал:

– Ну что? Надо встретить эту девушку и рассказать, что письмо не дошло до адресата. Думаю, узнаем мы её теперь без труда.

– Согласен.

– И я с вами, – тут же добавила Дина. Мужчины на это с сомнением переглянулись, так что девушка погрозила им пальцем. – Ну-ну. Мне, между прочим, тоже любопытно.

В указанный в записке день все трое сидели под летним тентом за столиком небольшого кафе, удобно расположенного через дорогу от магазина. Посетителей в этот час оказалось совсем немного. Кроме них троих – влюблённая парочка, с аппетитом поглощавшая мороженое, да пара мужчин, завтракавших внутри кафе. Через бликовавшее окно во всю стену лиц рассмотреть не получилось, самое большее – оба средних лет, да и не за ними друзья пришли... Всё равно отчего-то взыграла паранойя, наследие прошлой работы. Андрей сел так, чтобы краем глаза держать под наблюдением спрятавшихся от свежего воздуха посетителей. Впрочем, о своих подозрениях Северин говорить не стал – Леху и Дине и так нашлось чем заняться. Они азартно спорили, наблюдая за девушками перед витриной магазина.

– Смотри, вот она.

– Нет, там волос совсем светлый был, почти платиновый.

А эта скорее пшеничная. Вон та.

– Точно не она. Постояла, посмотрела и ушла. А наша ждать должна.

Спор журчал фоновым шумом, Андрей неторопливо ел ложечкой заказанный пудинг – на его профессиональный взгляд весьма неплохо приготовленный. И снова на разговоре сосредоточился, лишь когда спорщики сошлись во мнении: вот теперь точно она.

Андрей тут же поднял взгляд и посмотрел на магазин. Перед витриной стояла очень впечатляющая девушка. Высокая, светлокожая, не меньше метра девяноста. Простое синее платье эффектно подчёркивало и грудь, и точёную фигуру – наследство природы явно было отшлифовано походами в спортзал. Изящные, тонкие и правильные черты лица, которое не портили даже чуть пухловатые губы – скорее наоборот, добавляли шарма. И платиновая волна волос, свободно рассыпавшаяся по плечам.

– Значит, Лех, думаешь это она?

– Уверен. Возраст, цвет волос вроде совпадают. И стоит у витрины, переминается, явно кого-то ждёт.

– Вот значит как, – Андрей положил ложечку, привстал потянуться за салфеткой и как бы невзначай показал на посетителей внутри кафе. – Видишь этих двоих? Мне не нравится, как они всё время смотрят на ту же самую витрину. И

внимательно следят за девушками – не остановится ли кто-то рядом подождать?

– Ух! – у Дины загорелись глаза. – Надо предупредить.

– А ещё лучше – подменить, – подал идею Лех. – Мы сидим так, что из кафе Дину не видно. Пришли позже. Дядя Андрей, вы давайте на подстраховке. А я подойду к этой красавице и покажу записку. Окажется её – объясню насчёт слезки, и придём сюда. Дина, давай-ка отойди в сторонку. Если мы отошли вдвоём, подходишь и занимаешь место возле витрины. Похоже, эти типы тоже не знают точно, кого ждут. Вдруг клюнут?

Лех вслед за Диной пересёк улицу и подошёл к девушке перед витриной. На тот случай, если наблюдатели умеют читать по губам или у них есть интерфейс распознавания речи – остановился так, чтобы из кафе было хорошо видно лицо, и произнёс:

– Извините, что заставил ждать.

И тут же сделал ещё шагок ближе к собеседнице. Естественное движение быть поближе... Заодно самому повернуться спиной и загородить собеседницу. Девушка на обращённые к ней слова резко обернулась. Побледнела, глаза округлились, губы задрожали. Похоже, она действительно кого-то очень ждала, но из-за шума сразу не разобрала голос. Теперь поняла, что пришёл чужой человек. А ещё боялась: в первое мгновение спина была, как будто хозяйка проглотила палку. Девушка напоминала сжатую до предела пружину.

жину. Но стоило понять – обратился совсем посторонний, как напряжение отпустило, плечи поникли. Поэтому вместо гневной отповеди «кто такой и зачем пристал» попыталась собраться с мыслями, проямлила:

– Извините, но вы, кажется, ошиблись. Мы не...

Лех показал записку.

– Ваша?

Девушка растерянно сначала помотала головой, затем кивнула.

– Моя. А откуда...

В глазах загорелся огонёк отчаяния загнанной в угол жертвы, которой всё что осталось – продать жизнь подороже.

– Так получилось, что ваш необычный почтовый ящик, – Лех улыбнулся, – продали вместе с письмом раньше, чем адресат получил ответ. А ещё кто-то очень не хочет вашей встречи. Поэтому предлагаю так. Мы сейчас сядем напротив, видите столики?

Девушка закивала.

– А вместо вас у витрины подождёт моя подруга. Ваши недоброжелатели, похоже, не знают вас в лицо. Пока они следят за ней, мы перехватим вашего молодого человека на подходе.

– Откуда?.. Зачем вам?..

Девушка растерянно обшарила Леха взглядом. Одновременно пытаясь сообразить, зачем посторонний человек вмешивается, и страшась ухватиться за подвернувшуюся соло-

минку. Наконец решилась, взяла Леха под руку и неторопливо продефилировала вместе с ним к столику. Дина тут же заняла её место у витрины. Принялась нервничать: теревить сумочку, смотреть то на прохожих, то в витрину, переминаясь с ноги на ногу и делать вдоль магазина по несколько шагов взад и вперёд.

За столиком незнакомка наконец сумела собраться. Если не вглядываться в глаза, где по-прежнему скрывались усталость и отчаяние, рядом с Лехом и Андреем сидела уверенная в себе молодая женщина.

– Я так понимаю, за свою помощь вы потребуете рассказать, что же у меня случилось и к чему найденная вами записка?

Лех и Андрей, не сговариваясь, переглянулись и пожали плечами. Затем Андрей ответил:

– Да как хотите. Не настаиваю. Если честно, мы просто нашли записку и решили помочь. Если считаете, что это не наше дело – можете промолчать. А пока съешьте пудинг, – Андрей пододвинул тарелочку с только что принесённым заказом-добавкой. – Поверьте профессионалу – вкусно.

– Влезть в чужие неприятности по доброте душевной, – съязвила девушка.

– Хотите, верьте, хотите – нет, – прокомментировал Лех. – Но помогли мы именно потому, что у нас была возможность, а оставлять человека наедине с проблемами – не в моих правилах.

Гостья молчала долго, хмурила лоб, с сомнением переводила взгляд с одного собеседника на другого. Затем всё-таки решилась.

– Хорошо. Вы правы, так получилось, что у меня с моим молодым человеком тут назначена встреча. После... Скажем так, разногласий. Меня зовут Анджела, мне двадцать четыре. Я сотрудник дизайнерской компании «Концепт». А Мартин работает... один из корпоративных клиентов. Начальство косо смотрит, если сотрудники заводят отношения с заказчиками. Вот на случай, если не получается кинуть сообщение или позвонить, а надо срочно связаться, мы и придумали способ. Мартин довольно часто бывает в нашем центральном офисе по работе... И вы правы, есть человек, который хочет нам помешать.

Андрей пододвинул девушке пудинг, сам же вдруг поднялся из-за стола.

– Так. Вы пока ешьте и отдыхайте. А я отойду. Наши непонятные шпионы похоже приняли Дину за вас, Анджела.

Северин пересёк улицу и застрял перед автоматом по продаже напитков. Принялся, шевеля губами, читать надписи, проверять цены. Со стороны всё выглядело так, будто он никак не может выбрать, что же ему купить. Никто не свяжет его с Диной, зато Андрей сможет всё услышать и успеет вмешаться.

Через несколько минут подошли оба наблюдателя из кафе. Один что-то сказал. Тихо, чтобы не расслышали посто-

ронние. Девушка ответила нарочито громко:

– Никуда я с вами не пойду!

– ...

– Я же вам сказала! Оставьте меня в покое!

Мужчина попытался настоять силой, Дина вырвала ладонь из захвата и, недолго думая, вlepила наглицу пощёчину. Андрей понял, что пора ему вмешаться. В несколько шагов оказался рядом, перехватил занесённую для ответного удара руку. С силой дёрнул обидчика так, что тот чуть не полетел на мостовую.

– Барышня, что случилось? Может, вызвать полицию?

Второй из наблюдателей кисло посмотрел на Андрея, оценил крепкую фигуру и быстро, пока девушка не успела пожаловаться, процедил:

– А вас не учили не лезть не в своё дело? Мы сами разберёмся. Идите своей дорогой.

Андрей добродушно улыбнулся:

– Как раз наоборот. Меня воспитали если надо – помогать не спрашивая. А когда я демобилизовался, на прощание пожелали не забывать: обещание служить и защищать – это на всю жизнь. Барышня, так я вызываю полицию?

Услышав, что перед ним военный отставник, собеседник Андрея погрустнел: этот точно просто так не отвяжется. Поэтому быстрым движением достал карточку-удостоверение какого-то частного детективного агентства. Махнул перед носом Андрея, чтобы он заметил логотип планетарного

МВД, подтверждающий, что удостоверение настоящее... но не успел разобрать имя и название. И быстро затараторил:

– Мы ведём расследование. Эта девушка подозревается в совершении правонарушения. Нам необходимо пригласить её для разговора.

– Замечательно, – расцвёл Андрей. – Всегда мечтал поймать преступника. Но этим же занимается полиция? Поэтому я вызываю патруль. А ну стоять, – с командным металлом в голосе рявкнул Северин. – Сейчас мы все вместе едем в участок. А на случай, если попытаетесь сбежать до приезда полиции, – Андрей ткнул в прикреплённую на рубашку камеру: до этого она стояла в режиме хамелеона, а теперь проявилась серым прямоугольником, – я всё заснял. И ваше имя, и как вы пытались от меня его утаить.

Спустя час Андрей, Лех и обе девушки сидели у начальника местного полицейского отделения. Сам хозяин кабинета расположился по другую сторону стола и растерянно переводил взгляд с одного посетителя на другого.

– Эти двое и в самом деле детективы и ведут расследование. Они прислали отчёт... Сейчас их допрашивают мои следователи. Вашу запись тоже анализируют. Мастер Северин, вы всегда таскаете с собой видеокамеру сверхвысокого разрешения?

Андрей пожал плечами:

– Да так, случайно купил на днях. А потом забыл выложить из кармана.

Начальник отделения подозрительно посмотрел: ага, так я и поверил. Но ничего не сказал, а продолжил объяснять.

– Если верить их материалам, некий злоумышленник сумел получить доступ к одному из лабораторных компьютеров компании «Любавин синтетикс» и выкрал их последнюю разработку. По обнаруженным на месте преступления клеткам эпителия они вышли на преступника. Но поскольку в суде этого мало, решили взять с поличным, когда он готовился передать информацию покупателю. В вашей сумочке, Дина, нашли кристалл с похищенной информацией... Бред полный, – полицейский потёр виски. – Дина, в день и час кражи я же сам с внуком был у вас в кафе, и вы мне как раз помогали выбирать десерт. Я это хорошо помню.

Анджела побледнела и охнула:

– Они всё-таки решились... Я... Я, кажется, должна...

– Для начала вы должны успокоиться, – мягко поправил её Лех и протянул стакан воды.

Лишь когда пальцы Анджелы перестали нервно дрожать, а лицо прекратило напоминать бледную посмертную маску, Лех осторожно коснулся ладони девушки своей и кивнул: теперь рассказывайте.

– Я уверена... Да, это определёнno «Футурис». И... наш директор. И...

Вышло сумбурно, поэтому девушка опять замолчала и несколько раз медленно вдохнула и выдохнула. Окончательно взяла себя в руки. Теперь за столом опять сидела собран-

ная деловая молодая женщина.

– Хотя нет. Начать лучше всего с нашего, – она улыбнулась краешком рта и посмотрела на Леха, – с нашего почтового ящика. Мы познакомились с Мартином почти два года назад на одном из мероприятий, которые часто приглашают организовывать нашу фирму. Я тогда как раз только заняла должность координатора и это был мой первый проект... Презентация... Неважно. А Мартин приглядывал со стороны заказчика. Он работает там в административном отделе, должность «принеси то, не знаю что».

Анджела вздохнула.

– Мы начали встречаться. Но поскольку моё руководство отрицательно относится к личным отношениям с заказчиком, а «Транспорт-Галактик» наш крупнейший корпоративный клиент. В общем, если не было возможности связаться через Сеть или позвонить, мы оставляли письма в мониторе.

Андрей хмыкнул: ну да, заодно дополнительная романтика. Записки через тайник. Хозяин кабинета на рассказ участливо кивнул, вид самый что ни на есть располагающий и доверительный – ни дать ни взять добрый дедушка. Сам же забарабанил пальцами по столу. Поверхность только со стороны посетителей казалась сплошной имитацией красного дерева. На самом деле ближняя к рабочему месту половина представляла собой сенсорный экран. И начальник отделения, судя по всему, параллельно слушал и отдавал приказы, на что следователям обратить дополнительное внимание.

Анджела тем временем продолжала.

– Где-то месяцев пять назад директор подошёл ко мне с предложением. Мол, я очень понравилась хозяину «Футури-са» – это тоже наш крупный клиент. И потребовал не ломать-ся, мол, «такой солидный человек меня в золото оденет». Я в ответ...

Девушка на секунду закусила губу.

– Я его послала матом, – она покраснела, – первый раз в жизни на людях. Мне мой Мартин хоть и без денег, но дороже. И пообещала, что ещё один такой намёк, и фирма лишится своего лучшего координатора. Уволюсь в тот же день. Всё, вроде, утихло, забыли...

В глазах выступили слёзы, по лицу и вновь задрожавшим рукам явно было понятно, что Анджела еле сдерживается, чтобы не заплакать в голос.

– Я ждала, уверена... была уверена, Мартин вот-вот сделает предложение. А два месяца назад начались неприятности. Директор снова потребовал от меня стать любовницей хозяина «Футури-са». Уволиться я не смогла, непонятно откуда нашёлся огромный долг перед фирмой. Мне стали угрожать расправой, я сменила квартиру, только это вроде и помогло. Бросилась к Мартину, а он... – она всё-таки не выдержала и заплакала. – Он пропал. Внёс мой телефон в чёрный список, на почту не отвечает, все аккаунты соцсетей тоже меня в чёрный список, дома его нет. И тут записка, что Мартин нашёлся и всё объяснит. Я и на работу-то продолжа-

ла ходить... Надеялась... Хотя на меня директор и давил...

Анджела вытерла слёзы платком, который ей подала Диана. Ненадолго умолкла, и уже без слёз, но совершенно потерянным голосом закончила:

– В назначенный день я прийти не могла. У меня лучшая подруга попала в больницу. Муж в командировке в другой системе, свекровь прилететь могла только через две недели. Просила с дочкой посидеть... Я написала ответ, кинула в наш почтовый ящик. Сегодня ребёнка наконец получилось отвести в детсад, сама сюда... Остальное вы знаете.

Повиснуть молчаливой паузе хозяин кабинета не дал. Быстро проглядел глазами что-то на экране стола, рассмеялся и с видом фокусника, который сейчас из шляпы достанет зайца, сказал:

– Зато вы знаете только половину. Для начала – ваш Мартин если и виноват, то в некоторой скрытности. Видимо, хотел понравиться сам по себе. На самом деле он занимает довольно высокий пост в «Транспорт-Галактик». Читали про инцидент на Тандиле? Вот его и послали возглавить расследование. Он написал вам письмо, что срочно уезжает в командировку и его не будет пару месяцев. Но ваш почтовый ящик взломан, причём довольно грубо. Отделу кибербезопасности даже не пришлось прилагать усилий для восстановления переписки, – и добавил тихонько уже себе под нос: – Совсем страх потеряли, – и уже в полный голос закончил. – Вот узнав, что вы остались беззащитны, ваши недруги

и решили действовать.

Андрей кивнул и задумчиво уточнил:

– Я так понимаю, с чёрным списком аккаунтов и телефонными номерами тоже всё организовал заказчик из «Футури-са». Если вспомнить, что через них идёт половина оборудования по корпоративной безопасности столицы – запросто. Но почему такая сложная комбинация с подставой?

– О-о-о! – весело продолжил полицейский. – Вы не следите за изменениями в законах. Года три назад был интересный случай, после которого внесли одно дополнение в уголовный кодекс насчёт мотива заказного преступления. Если дело вскроется, – начальник отделения хищно усмехнулся, – организаторам светит лет по двадцать. Или же попытаться закон обойти: они создают условия, когда нужный человек окажется в нужном месте, а исполнители узнают его по косвенному признаку. И докажи потом, ведь заказчик не назвал ни имени, ни внешности. Случайное совпадение – и точка.

Хозяин кабинета побарабанил пальцами по столу.

– Уверен, кроме вашего директора, Андже-ла, замешан начальник службы безопасности. Как только вы написали ответ на фальшивое приглашение, потайная камера над вашим рабочим местом его прочитала. От монитора тут же избавились на случай, если заглянет Мартин. А дальше на вашей записи, мастер Северин, мы наверняка увидим, как кто-то подкладывает носитель с похищенной информацией и касается кожи жертвы экспресс-анализатором. Отчёт в полицию

прислали только полчаса спустя, уйма времени вставить результаты в приготовленную заготовку. Ну да это вас уже интересовать не должно, – он потёр руки. – Это уже наша забота. А вы... – за дверью раздался шум. – Ага, вот и он.

Дверь открылась с такой силой, что грохнула об стену, и в кабинет ворвался ещё один посетитель: высокий худой мужчина лет тридцати. Андрей машинально отметил: в дорогом деловом костюме, одни запонки с псевдоалександритами чего стоят. Видно, так торопился, что даже не стал наводить «маскировку». Гость тем временем, увидев Анджелу, буквально сорвал её со стула, прижал к себе и забормотал:

– Нашлась! Цела! Я уже и не знал, что делать. Телефон и через Сеть не отвечает, с квартиры съехала, на работе сказали – уволилась.

Лех громко, чтобы его услышали все, прокомментировал.

– Вы бы за своей девушкой следили и не бросали её так надолго. А то пока вас не было, одни нехорошие люди чуть не свернули ей шею.

Мартин внимательно посмотрел на Леха и, не отпуская Анджелы из объятий, ответил.

– Вы правы. И чтобы такого не повторилось. Ты выйдешь за меня замуж?

– Это предложение?

– Да.

Девушка потёрлась щекой о щёку Мартина и промурлыкала:

– Очень необычное предложение. Поэтому да. Я твоя и до конца жизни.

Лех негромко прокомментировал Андрею и Дине:

– Карма у нас, что ли, такая? За последние три недели уже шестая пара, которую приходится мирить и которая тут же делает предложение о замужестве. Не в кафе работаю, а в каком-то брачном агентстве.

Андрей и Дина в ответ весело улыбнулись и пожали плечами. Что поделаешь? Ведь кафе на Лесной улице – необычное кафе.

Состязание разумов

Кафе на Лесной улице – необычное кафе. И не только потому, что одиноко спряталось в небольшом двухэтажном домике в окружении сосен. И не только из-за того, что слава заведения гремит далеко за пределами своего района, поэтому многие даже готовы сделать крюк по дороге в космопорт, лишь бы попробовать удивительный кофе, который варит хозяин заведения. Ещё кафе на Лесной известно тем, что его владелец Лех слы́вет человеком азартным, легко загорается и потому часто уступает по мелочам... Но вот заставить его поспорить по какому-то серьёзному поводу очень сложно. А если уж всё-таки удалось – Лех неизбежно выиграет.

Именно про то, что его опять хотят втянуть в очередное пари, Лех почему-то сразу и подумал, когда незадолго до самого закрытия к нему заглянул необычный гость. Владелец одной из крупнейших транспортных компаний Йохан Гривс в небольшое кафе просто так заходить не станет. Даже если знаком с хозяином лично. А мистер Гривс, судя по мокрому снегу на плаще и шляпе – март выдался с противной погодой, и на улице бушевал настоящий буран – даже приехал на городском монорельсе и шёл от самой остановки пешком.

Кафе работало до последнего клиента, потому никого из завсегдатаев не удивило, что хотя формально уже пора было закрываться, сидевшего за столиком в углу старика никто

не прогонял. Кто-то даже пожалел Леха. Официантка Дина сегодня отпросилась пораньше, потому убирать зал хозяину придётся одному, и домой он наверняка вернётся за полночь. Лех сочувственные восклицания принимал с подобающим озабоченным выражением лица. Его сейчас волновало совсем другое. С чем заявился Йохан? Они познакомились, когда Леху пришлось распутывать его семейные проблемы. Но с этой стороны, если верить газетам и светской хронике, всё по-прежнему в порядке. Компания «Транспорт-Галактик» тоже процветает. Вариант, что прожжённый бизнесмен вдруг пришёл за деловым советом к простому владельцу кафе, можно смело отмести в сторону. Так зачем?

Мистер Гривс дождался, пока уйдёт последний посетитель. Затем пересел на стул возле кассы и барной стойки – прямо напротив Леха. Тяжко вздохнул, почесал запястье и спросил:

– Здравствуйте ещё раз. Извините, что так поздно. Но у вас найдётся пара минут? В прошлый раз вы изрядно выручили моего внука...

Лех на этих словах хмыкнул. История с Гривсом-младшим тогда вышла прямо-таки Шекспировских страстей. Хорошо хоть, в отличие от пьес великого барда, закончилось всё благополучно.

– Да ладно уж, Йохан. Я сразу понял, что у вас проблемы. Иначе бы вы не приехали тайно, аж на монорельсе. Отвыкли, наверное? Небось, последний раз катались ещё студентом?

Бизнесмен улыбнулся какому-то воспоминанию, затем потёр поясницу и, непроизвольно поморщившись, буркнул:

– Это точно. Я и забыл, какие там жёсткие сиденья. За столько десятилетий – и ничего не изменилось.

Дальше вернулись привычки прожжённого дельца. Все хвори были отодвинуты подальше, вместе с воспоминаниями о милых годах юности. Перед Лехом сидел матёрый волчара крупного бизнеса. Немолодой, усталый, но по-прежнему цепкий.

– Я пришёл к вам, друг мой, потому что и в самом деле не вижу иного выхода. Готов хвататься хоть за гадалок, хоть за хиромантов. А ещё лучше за вас, если слухи про вашу удачливость не врут.

Хозяин кафе побарабанил по столу, мысленно поставив плюс своей интуиции.

– На самом деле несколько преувеличивают. Но давайте расскажите, а я подумаю.

Гривс кивнул – его устраивает, понятно, что никто не хочет брать кота в мешке. И принялся объяснять.

– Вы, наверное, знаете, что наша корпорация владеет не только солидным транспортным флотом, но также имеет долю во многих космопортах, причем не только у нас, но и в Соединённых мирах.

Лех вежливо кивнул, хотя до этой минуты структурой бизнеса «Транспорт-Галактик» никогда не интересовался. Гривс, наоборот, воодушевился, залпом допил поставлен-

ную перед ним чашечку кофе и продолжил.

– Некоторое время назад к нам обратилась компания «Микротех». С предложением заменить везде диспетчеров компьютером последнего поколения. Сплошные выгоды. Все шесть смен – а это ещё и члены семей, замещаются всего лишь четырьмя операторами. Да ещё вдобавок компьютер самообучающийся, потому в состоянии прогнозировать поведение и пилотов, и техники. «Он знает про ошибку пилота ещё до того, как тот её совершит», – передразнил кого-то Йохан. – Директор столичного космопорта лоббирует идею, словно кувалдой бьёт. Наш совет директоров в полном составе тоже «за».

Гривс замолк, вытер губы салфеткой, потом тихо закончил.

– Против один я. И не только потому, что мне жалко увольнять столько хороших сотрудников. Моих людей.

Лех кивнул: патернализм в отношениях начальник-подчинённый не одно поколение был одним из столпов «Транспорт-Галактик».

– Понимаете, Лех... Я боюсь. Ни одна машина не может сравниться с человеком. Кончится всё катастрофой, дурацкой неучтённой случайностью...

Владелец кафе задумчиво посмотрел на гостя, потом побарабанил пальцами по стойке.

– И вы хотите сделать такой вот случайностью меня? М-м-м... Киньте-ка мне описание этого чудо-агрегата.

Гривс, заметив в глазах собеседника интерес, энергично закивал. Явно всё было готово заранее, так как стоило гостю коснуться экрана наручного коммуникатора, на компьютер кафе пришёл файл. Несколько минут Лех задумчиво смотрел в монитор и листал документы.

– Вот задача... Но любопытная. Йохан, считайте, вы меня заинтересовали. И только не надо пока благодарностей и всего остального, – остановил Лех вскочившего было гостя. – Для начала договоримся насчёт испытаний.

Лех не стал доставать коммуникатор, а пробежался пальцами по сенсорному экрану возле кассы, набирая номер и включая громкую связь, но без видео. Директор космопорта ответил практически мгновенно. Явно ждал звонка.

– А, Лех? Доброго вечера. Я так и знал, что мистер Гривс пойдёт к вам. Он там рядом?

Лех приложил палец к губам, чтобы Йохан не выдал себя ненароком и ответил:

– Для начала, вас с приближающимся юбилеем.

– Спасибо.

– Теперь насчёт дела. Рад, что ничего объяснять не надо.

Предлагаю небольшое пари.

На другом конце линии ненадолго затихло. Видимо, директор тоже поддался магии историй про везучесть Леха. Но быстро себя переборол.

– Договорились. Пари. Моя ставка – любая ваша просьба.

– Принято. Условия: через две недели я приду в лабора-

торию к вашему чудо-агрегату. С собой принесу... Не важно что. Пусть это останется секретом. И предложу сыграть в какую-нибудь игру. Если компьютер сумеет предсказать мои ходы, вы выиграли. Нет...

Директор рассмеялся.

– Не будет никакого «нет». И ваша ставка. Когда проиграете, уговорите вашего повара Андрея Северина, чтобы он поработал на праздновании моего юбилея.

– Договорились.

Лех отключил связь и подмигнул Гривсу.

– Ну вот. Через две недели тоже заглядывайте. А пока... – Лех на секунду в задумчивости взглянул за окно, где давно стемнело. – Своим ходом в это время ехать попросту глупо. Такси вызывать тоже не стоит, нечего светить ваш визит. Так что подождёте минут двадцать, пока я закончу с уборкой? Поеду домой, заодно и вас подброшу.

Йохан кивнул, чувствуя, как напряжение последних недель его отпускает. И даже дуэтом к хозяину кафе принялся насвистывать весёлый мотивчик.

Главный офис «Микротеха» выглядел небольшой – всего десять этажей – высоткой, в окружении парка, занимавшего несколько гектаров. И пусть на самом деле комплекс напоминал айсберг с многочисленными подземными уровнями, снаружи всё получилось очень красиво. Особенно сейчас, ведь за прошедшие дни снег окончательно растаял, и в город пришла весна. Поэтому Лех отпустил такси у ворот, а

сам двинулся к центральному зданию по гостевой дорожке. Тем более что вещей у него почти не было – сумка на плече да клетка с попугаеобезьяной: цветастым полуметрового роста зверьком, в котором причудливо смешались черты птицы и животного.

К дверям гостевого холла Лех подошёл в умиротворённом и самом благодушном настроении. Чего не скажешь о встречающих: они явно спустились, как только охрана на входе предупредила о посетителе, и не ожидали, что визитёр окажется столь неторопливым. Лех тем временем поставил клетку на пол, успокаивающе похлопал по прутьям, расстегнул куртку и принялся осматриваться.

Холл весь был отделан пластиком и хромированным металлом, раскрашен в цвета логотипа корпорации – пурпурный, жёлтый и голубой. Аналогичных цветов были и костюмы сотрудников. Худощавой женщины лет сорока пяти с лицом, напоминающим лошадиную морду – бейджик сообщал «генеральный инженер-конструктор». И начинающего полнеть и лысеть круглолицего мужчины «референта совета директоров». Лех сразу подумал, что выделиться среди встречающих эти двое решили не зря: пусть гость сразу поймёт, кто здесь хозяин. Он не ошибся. Едва двери за спиной захлопнулись, отсекая шум улицы и щебетание птиц, а Лех поздоровался с Йоханом и директором космопорта, референт напористо затараторил:

– Здравствуйте, господин Лех. Меня зовут Аарон, это наш

генеральный конструктор Грета Миллер. Я так понимаю, что именно вы поставили под сомнение эффективность нашей системы? Так вот, сразу хочу вас предупредить, что вы зря потратите своё и наше время.

Лех с улыбкой в уголках рта дослушал референта. Затем галантно поцеловал женщине руку:

– Приятно познакомиться. Меня никто не предупредил, что генеральный конструктор – женщина. Потому прошу меня извинить, – он развёл руками, – но я, увы, не догадался захватить с собой даже самый маленький букетик, – после чего взглянул на референта, улыбнулся уже открыто и сказал: – И вам здравствуйте, приятно познакомиться.

Конструктор застеснялась, к мужским комплиментам со своей внешностью она явно не привыкла. И чтобы скрыть смущение, агрессивно ответила:

– Спасибо. Но я всё-таки предпочитаю судить о человеке по делам, а не по полу. Вы поставили под сомнение возможности моей разработки.

Лех поправил на плече съехавший ремень сумки и согласился:

– Ну не так категорично. Но в целом – да. Ведь именно для этого мы сегодня и собрались?

Конструктор в ответ фыркнула, и референт заторопился вступить в дело.

– Я так думаю, что дела лучше обсуждать не здесь. Если верхняя одежда вам не нужна, предлагаю оставить в гарде-

робе и подняться наверх.

Когда все вышли из лифта на одном из административных этажей, Лех уточнил.

– Мне понадобится место, из которого ваша система не сможет меня видеть.

Мгновенно последовал ответ:

– Переговорная подойдёт?

Осмотрев предложенное место – небольшая комнатка в оливковых тонах, круглый стол в центре и пара каких-то цветов на подоконнике, окно прикрыто односторонним стеклом – улицу видно, снаружи зеркало, Лех кивнул. Потом достал из сумки сканер, извинился:

– Простите за осторожность, но всё должно быть по-честному, – и дотошно проверил комнату на предмет жучков и скрытых камер.

Конструктор на такое недоверие высокомерно фыркнула, референт стал глядеть настороженнее. Сканер был не гражданский, а полицейский. Причём легальный – за дотошную работу систем безопасности здания сотрудник «Микротеха» был уверен. Человек, который имеет возможность использовать подобную технику, не так прост, каким кажется на первый взгляд.

– Всё в порядке. Итак, уважаемые господа.

Лех достал из сумки два комплекта для игры в шашки.

– Я предлагаю вашему компьютеру сыграть со мной в простую игру. Обе доски синхронизированы.

Он тут же продемонстрировал: стоило сдвинуть шашку на одной, как аналогично смещалась шашка на другой.

– Если ваше устройство сумеет предсказать мои ходы скажем... Пять игр подряд. Устроит?

Конструктор кивнула. Вслед за ней согласились и остальные.

– Так вот. Если мои ходы угадают, я признаю своё поражение.

Разработчик, не скрывая своего презрения, фыркнула.

– Глупость. Наша система расколет вас гораздо раньше. И не поможет даже то, что играть будет обезьяна.

Лех пожал плечами. Мол, не будем спорить раньше времени. Затем уточнил:

– Чтобы понять, с кем она имеет дело, вашей системе понадобится нас сканировать?

Теперь, не скрывая превосходства, ответил референт:

– Любой предмет оставляет информационный след. Ещё только когда вы вошли в здание, наш компьютер всё выяснил и про вас, и про ваше животное всё. Даже то, про что вы давно забыли или никогда не знали.

– Вот и хорошо. Дайте мне полчаса на подготовку и можно начинать.

Комиссия наблюдала за игрой из кабинета референта. Стену напротив длинного стола целиком удобно занимал большой экран. Система разделила его на два сегмента: слева отображалась текущая позиция, справа – прогнозируемые

ходы. Первые четыре игры правая часть экрана оставалась пустой. На пятый раз, когда на поле уцелело всего по три шашки с каждой стороны, суперкомпьютер отобразил дальнейшее развитие партии. Свой выигрыш в шесть ходов... Вот только противник внезапно принял откровенно глупое решение, и проиграл всего за два.

Правая часть экрана тут же снова погасла. Директор космопорта обеспокоенно взглянул на сотрудников «Микротеха». Генеральный конструктор на это откинулась на спинку кресла и безмятежно ответила:

– Ничего страшного. Я ожидала чего-то подобного. До этого шашки переставлял зверёк. Его выдрессировали соблюдать правила. А сейчас для большей случайности вмешался человек. Не переживайте. Система скоро расколется и его.

И действительно, ещё через семь партий компьютер уверенно отобразил развитие следующей игры с начала и до конца... И ошибся на первый же ход!

Йохан Гривс, не скрывая злорадства, посмотрел на коллег по комиссии. Директор переживал в открытую, постоянно вытирал лоб и шею платком. Сотрудники корпорации пытались сохранять внешнюю невозмутимость. Ведь отображающая прогноз половина экрана не гасла... Вот только совпадения предугаданных ходов было, словно компьютер тыкал пальцем в небо.

Одна партия, вторая, третья, десятая. Наконец конструктор

тор не выдержала. С криком: «Невозможно!» – она выско-
чила и побежала в комнату к Леху. За ней отправились
все остальные. Уже на месте женщина чуть притормозила в
нерешительности, потому другие члены комиссии смогли её
догнать. И в комнату они вошли вместе.

Лех стоял возле окна, прихлёбывал из крышки термоса
кофе и жевал булочку. Заметив остальных, оторвался от вида
на улице и произнёс:

– У вас очень красивый парк.

А попугаеобезьяна в это время увлечённо играла. Рядом
с доской на столе стояла коробка и семь стопок карточек,
отсортированных по цветным полоскам наверху. Противник
сделал ход, шашка сдвинулась. Зверушка потрясла коробоч-
ку, что-то там схватила, потом кинула обратно. И с бешеной
скоростью принялась перебирать стопку с фиолетовыми по-
лосками. Достала одну из карточек, повторила манипуляцию
с коробочкой и сделала ход.

Представители «Микротеха» и директор растерянно пе-
реводили взгляд с Леха на попугаеобезьяну. Наконец рефе-
рент задал вопрос:

– Но как?!

Лех осторожно поставил кофе на подоконник:

– Я так понимаю, признаёте поражение? – и дождавшись,
пока оппоненты согласятся, принялся объяснять: – На самом
деле всё очень просто. В коробке семь одинаковых бусин раз-
ного цвета. Наша красавица выбирает одну из них, причём

на ощупь бусины абсолютно одинаковы. Дальше ищется карточка, у которой наверху полоска того же цвета и при этом совпадает позиция на доске. Разноцветными стрелками показаны ходы, ход тоже выбирается с помощью бусины. Так что следующий ход предугадать можно только с некоторой вероятностью, а мы договаривались – точно.

Лех усмехнулся:

– Всё оставляет информационный след. Да не всё. Бусины и карточки я распечатал в кафе на три-д-принтере. Там на день изготавливаются одноразовые стаканчики и салфетки. С городской сетью принтер не связан, да и расход картриджа каждый день настолько разный, что хоть слона печатай – никто не заметит. Самое сложное было научить играть нашу красавицу. Попугаеобезьяны славятся своими способностями, но всё равно ушло почти две недели.

Лех допил кофе, завинтил крышку, убрал термос в сумку. Затем скормил остаток булочки зверушке, а пока она жевала, посадил в клетку.

– Доски и остальное оставлю вам на память. А сам, уж простите, спешу, Лех подхватил сумку и клетку. – Надо вернуть эту красавицу хозяину. Да и кафе скоро открывается. Всего вам наилучшего. Меня просто так выпустят? Или ещё надо пропуск подписать?

Референт подавлено кивнул, а со стороны директора космопорта послышалось злобное шипение:

– Чтобы я ещё хоть раз с ним заключил пари!

Когда Лех уже выходил из комнаты, его нагнал громкий смех Йохана Гривса.

Птица

Кафе на Лесной улице – необычное кафе. И дело не только в том, что расположилось оно не в подвале или на первом этаже какой-нибудь из высоток, как остальные сёстры-кафешки – а в небольшом уютном двухэтажном домике у самого края широкой лесополосы, разделяющей жилые массивы и шоссе в космопорт. На всю округу Лесная улица известна поваром Андреем Северином: ведь он мало того что легко посоревнуется с любым, даже самым именитым, рестораном, так ещё и целый отставной капитан космического спецназа. А там, где все живут работой в космопорте и для космопорта – это многое значит. Не зря даже местные воротилы ночной жизни с господином Северином здороваются исключительно вежливо, словно с губернатором, а сам домик объявили неприкосновенной территорией... И старательно делают вид: всё только из уважения к господину Андрею – а обещание свернуть шею любому, кто попытается на заведение «наехать», вроде и не звучало.

А ещё Кафе на Лесной известно тем, что хотя его хозяин и слывёт ценителем хорошего вина, а про спрятанный в подвальном этаже погребок и домашнюю пивоварню немногие приглашённые счастливчики рассказывают самые настоящие небылицы, пьяных Лех терпеть не может. Поэтому все местные любители тянуть горькую заведение обходят далеко

стороной. Ладно бы просто бил, пьянчужкам не привыкать. Вот только Лех поил какой-то дрянью собственного изобретения, после которой не просто трезвеешь, вдобавок от спиртного после неё не меньше месяца воротит. И когда за одним из столиков под летним тентом обнаружился странный посетитель – несмотря на жару в плаще и накинутом капюшоне, да ещё и в обнимку с литровой бутылкой водки – можно было не гадая сказать, что мужик не местный. Впрочем, это ничего не меняло. Поэтому уже через несколько минут незнакомца втащили внутрь, усадили в углу. Андрей нажал на какую-то хитрую точку под подбородком, и, пока «гость» судорожно по рыби хватал воздух, Лех щедро влил в глотку протрезвляющее снадобье. Дальше всё пошло по накатанной. Чужак закашлялся, пьяная мусть в глазах сменилась безумием внезапной трезвости... После чего мужик так и остался сидеть в углу неподвижным дополнением к интерьеру. Посетители про него тут же забыли: действие снадобья завсегдатаи видели не раз и точно знали, что новых развлечений с залётным алкашом не предвидится.

Мужчина просидел на своём месте до самого вечера. А когда закрылась дверь за последним клиентом, и Лех вместе Диной принялись приводить зал в порядок, скинул капюшон, зачем-то провёл правой рукой по короткому ёжику светлых волос и негромко спросил:

– Зачем? Зачем вы это сделали?

– А затем, – Лех ненадолго оторвался от барной стойки,

которую в этот момент протирал, – что проблем таким способом не решишь. Даже хуже. Каждый день в обнимку со спиртным уменьшает шанс хоть что-то изменить, исправить.

Мужчина в ответ на нравоучение вдруг горько вздохнул, лицо – красивое лицо, явно работа хорошего пластического хирурга, отметил про себя Лех – исказила гримаса. Гость язвительно бросил:

– Шанс? Да что вы понимаете в моих проблемах?!

– А ты расскажи, расскажи, Птица, – с лестницы на второй этаж вдруг раздался голос Андрея. – Может, чего и надумаем вместе.

Мужчина на слова Андрея отреагировал странно: дёрнулся, словно от удара, поник... стал похож на шарик, из которого внезапно выпустили воздух.

– Птица... Вы догадались. Тогда должны меня понять, – мужчина взял со стола металлическую ложку и левой рукой смял её в стальной шарик. – Левая нога у меня тоже железка.

Все сочувственно посмотрели на гостя: киборг. К искусственным добавкам в организм в разных местах относились по-разному. Соединённые миры в кибернетизированных надстройках организма не видели ничего предосудительного, даже один из проконсулов щеголял многофункциональными камерами вместо глаз. На планетах Содружества, наоборот, киборгов вообще не считали людьми, и баловались имплантатами в основном пираты. Империя занимала позицию где-то посередине. Если после травмы не получа-

лось вырастить нормальный орган и приходилось ставить искусственную замену, то человек не лишался никаких прав, а просто считался... инвалидом.

– Да ладно вам. Я уже привык, что нет больше удалой Птицы, гордости имперского военно-космического флота лейтенанта Эрика Густафссона. Есть калека, которого не возьмут даже в гражданский флот. Хотя и лицензия сохранилась, да и медкомиссию любую пройду хоть сейчас.

– Ну и что? Пока ты жив – жизнь не закончена, – раздался со стороны входной двери голос Жерара Новака. Молодой муж приходил за Диной каждый вечер, помочь и проводить до дома. И спор, судя по всему, слышал с первого слова.

– Да что ты понимаешь! – вдруг взорвался Эрик. И тихонько добавил: – Когда земля уходит вниз, укрывается дымкой, уплывает в предрассветные сны. Набираешь высоту, синева тает в черноте космоса, уступая дорогу звёздам... Тот миг, когда из-за края планеты вырывается светило, прямо по курсу, слепит, выбивает слезу. Когда паришь в необъятной пустоте и каждой клеточкой тела чувствуешь тысячи тонн брони и миллиардную мощь двигателей. Это невозможно описать словами – и всё это я потерял навсегда.

– Да ладно тебе, – улыбнулся Жерар. – В жизни есть много чего, кроме твоих железок. Например, девушки. Тем более что парень ты вполне ничего. Правда, солнышко?

– Точно-точно, – подхватила игру Дина. – Вы очень даже привлекательный мужчина, а руку совсем незаметно. Кстати.

У меня есть подруга, которую я не прочь бы познакомить с кем-то вроде вас.

Лех тоже улыбнулся и добавил:

– Слушай-слушай, Дина у нас просто так комплиментами сыпать не будет. Трать лучше свою пенсию не на водку – всё равно теперь бесполезно, а на цветы и конфеты. И ещё... Зайди-ка к нам через недельку. Много хозяин небольшого кафе не обещает, но кой-какая мысль есть.

Через неделю Эрик в кафе не появился. Но повздыхать о загубленной зазря судьбе у Леха не получилось, так как Дина, готовившая зал к новому дню, заметила на лице хозяина кафе расстроенное выражение и затараторила:

– Помните, я рассказывала про свою подругу, Юлике? Мы через Сеть познакомились, а потом, как сюда переехала, оказалось, что она тут рядом живёт?

Лех пожал плечами: не говорила. Впрочем, такие мелочи Дину, если уж она разошлась, никогда не останавливали. Поэтому оставалось только слушать дальше.

– Так вот, она ну очень себя стесняется. И что высокая – аж метр девяносто, и волосы тёмненькие, и фигура такая округлая, никак не модель худая. Так вот, я ей говорила всегда, что с её-то ростом, наоборот, всё как надо и смотрится. Так вот, ну не в этом дело. Я давно уж отчаялась её хоть с кем-то познакомить, она всё ни в какую. Стесняется, видишь ли. А тут с этим Эриком уж не отвертеться – надо вот помочь человеку, компанию на вечер составить. Договорились

с обоими быстренько, ждём, значит, этого Эрика в кафе. Он и появляется с букетом... Ужас просто. Набрал охапку, как будто первый раз в жизни. Хоть бы с продавцом посоветовался. А Юлике вдруг возьми и ляпни что-то про редкое сочетание пестика и тычинок у какого-то цветка. Ну, думаю, всё. Погибло свидание. Молчу, соображаю, как это дело к шутке свести... Так этот ненормальный обрадовался, отвечать стал. Мол, бывал он на планете, откуда цветок родом... В общем, они сначала между собой болтали, Юлике его к себе домой повела. Назавтра встречаю её, смотрю – вообще до утра не спала... Я за неё даже обрадовалась, думаю, быстро она мужика – того. Так оказалось, эти двое всю ночь над каталогами и справочниками по всяким цветочкам просидели! Ненормальные!

Лех в ответ улыбнулся. Ненормальные – это кому как. На его родине деликатные ухаживания, беседы и общие интересы считались куда лучшим поводом для романтических отношений, чем упражнения на кровати. Впрочем, это и неважно. Главное – что, кажется, отставной калека Густафссон скоро исчезнет, и вместо него появится влюблённый парень Эрик.

Эрик пришёл в кафе только через две недели, в сопровождении Юлике. И Лех, который не без основания считал, что в людях разбирается неплохо, с удовольствием отметил, как эти двое подходят друг другу. Не только ростом. Внешне порывистый, но в поступках, если не касалось его любимых ко-

раблей, неторопливый светловолосый мужчина – и спокойная черноволосая девушка, характером напоминающая едва уснувший вулкан. И при этом, на взгляд хозяина кафе, очень стеснительная: когда Эрик представил свою спутницу, Лех галантно поцеловал девушке руку... а Юлике в ответ залились румянцем и спряталась за кавалера. После взаимного обмена любезностями, извинений «простите, опоздал» и ответа, что, мол, не всё так страшно, Лех перешёл к делу.

– Сам понимаешь, найти работу пилота тебе будет сложно. Да и эмигрировать ты пока не можешь.

Эрик кивнул: после увольнения даже матросы военного космофлота пять лет не имели права выезжать за пределы Империи, а для офицеров срок был ещё больше.

– С контрабандой ты, думаю, тоже вязаться не планируешь...

Отставной лейтенант на это снисходительно фыркнул. В голове военного пилота хранится столько секретной информации о прыжковых точках – пусть всё и защищено гипноблоками от пыток и «сывороток правды» – что даже пираты стараются на свои корабли таких не брать. Несмотря на квалификацию. Так как разбираться с полицией – это одно, а вот сажать себе на хвост всемогущую Службу безопасности – совсем другое.

– Но ты говорил, что хотел бы снова видеть, как земля уходит вниз и уступает дорогу звёздам. Мы тут поговорили с одним человеком. Он согласен взять тебя техником в бри-

гаду, которая доводит корабли до готовности перед дальними рейсами. С выходом на орбиту. Переучиваться придётся немного.

Эрик заколебался... Юлике резко, порывисто сжала его ладонь в своей: соглашайся.

– Хорошо. Куда и к кому мне обратиться?

После разговора прошло несколько месяцев, отзолотился сентябрь, закончился багряный листопад октября, заявили свои права на город ноябрьские дожди. Дина, обрадованная, что Юлике, наконец, выглянула из своей раковины затворника, принялась звать подругу в кафе сначала каждую неделю... Через месяц у девушки даже появилась привычка ждать окончания смены Эрика именно в кафе, чтобы потом вместе ехать домой. Лех в ответ всегда теперь встречал гостью-завсегдатая сам, усаживал на одно и то же место и подавал свой знаменитый на всю округу фирменный кофе с десертом. Бывший же лейтенант стал для обитателей дома на Лесной одним из многих, кому помогли в кафе... Шумно отряхивая водяную пыль, в пустой ещё по раннему часу зал буквально ворвался начальник отдела кадров космопорта. Которого летом и просили об одолжении Лех с Андреем.

– Здорово, кулинарные крысы! Лех, с тебя фирменный кофе! И признавайся, кого ты мне сосватал там в июле?

– А что случилось?

Лицо гостя, вроде бы весёлое, не обвиняющее. Но вопрос странный.

– А то. Сидим, значит, дней пять назад на совещании у директора, когда вламывается этот твой Эрик и с порога начинает: «Убийство корабля – это хуже, чем убийство человека!». После чего показывает на начальника складской службы и матом, что он сволочь, вор и саботажник. И чуть не угробил новый суперсухогруз «Дельфин», который как раз должен в свой первый рейс уйти. Наш старший завсклад побагровел, начал про хамство и, мол, добьётся и выкинет с волчьим билетом... А директор вместе с главным инженером бледные, мел и тот чернее, лепечут: что значит чуть не угробил? С новыми-то правилами страховки судов, если на «Дельфине» по вине наземных служб авария случится, расплачиваться будем до второго пришествия. Ну, Эрик и отвечает: «Я, мол, не один год такие же корабли водил. Что, не знаю, когда фокусировка на вспомогательных движках дрожать начинает? Тут либо рефлекторы прогорели, либо рабочее тело некондицию залили. Так корабль только с завода, а на всех ордерах по выдаче расходных материалов его подпись стоит», – и пальцем тычет в нашего завхоза. В общем, у нас теперь проверяющая комиссия и свеженькая вакансия начальника складской службы. Хотя, пока ваш Густафссон работает, искать мы человека на эту вакансию будем долго. Геморроя много, а левых прибылей не предвидится.

Лех сумел сдержаться, хотя первая пришедшая на ум мысль была: «Strzel się w głowę! Jesteś chory umyslowo!»¹. Хо-

¹ Польск. В русском аналог: «Застрелиться можно! Совсем без мозгов!»

зьяин кафе весело поздравил знакомого с ценным работником, тем же вечером через Юлике передал Эрику приглашение: мол, мужика за спасённый корабль повысили, надо бы отметить. Праздник вышел необычно шумным и многолюдным, история уже успела разлететься, и желающих поздравить Эрика нашлось немало и среди соседей, и среди экипажей кораблей. Лех встречал гостей у порога, шутил, произносил здравицы и тосты... Улучив момент, когда на виновника торжества перестали обращать внимание, Лех и Андрей отвели Эрика в укромный уголок на втором этаже, где хозяин кафе дал волю гневу.

– Psa krew! Ты соображаешь, что делаешь?.. Jestes chory umyslowo?

– Но я должен был...

– Esusie Kochany, co ty wyprawiasz!² То, что вмешался, сообщил – это молодец. Людям жизнь спас. Вот только какого ты вламывался напрямую к директору?! Ты должен был сообщить главному инженеру, а он бы сделал остальное как положено. Вместо этого в героя решил поиграть? Детство шилом в заднице засело? Mam to w nosie, твоя шкура, не жалко. А ты о Юлике подумал? Если с тобой что случится? Или когда в следующий раз опять на рожон полезешь, а на ней отыграются?!

² Польск. В русском аналог:– Твою мать! Ты соображаешь, что делаешь?.. Со всем без мозгов?– Но я должен был...– Господи, что он творит!Mam to w nosie – деликатный перефраз, сохраняющий смысл «мне до задницы»

Эрик от этой мысли посерел, а Андрей тем временем добавил:

– Сам, если хочешь, в петлю голову суй, не маленький. Но вот если Юлике увижу из-за тебя в слезах, учти. С того света достану и морду начищу. Понял?

– Ладно, – смилостивился Лех, – будем считать – дошло. Так понимаю, планы у вас серьёзные?

– Да. На август мы решили...

– Да не стесняйся ты так. Свадьбу решили сыграть – молодцы. Не пропадите, заглядывайте почаще. Хотя бы раз в неделю–две.

– Хорошо.

– Вот и славно, – и одними губами, так, чтобы не услышал начавший спускаться на первый этаж Эрик, Лех добавил: – А то оставишь такого обормота без присмотра...

Оба обещания – заглядывать вдвоём почаще и не влезать ни в какие неприятности, Эрик исполнял честно. Не считать же за нарушенное слово историю, когда к Юлике на работе начал подкатывать один из начальников отделов с намёком стать любовницей в обмен на спокойную жизнь... Едва Эрик про это узнал, девушку в обед на проходной встретил отставной лейтенант Густафссон, в мундире и при наградах. А незадачливому ухажёру осталось только кусать локти. Была ещё пара случаев, связанных уже с ремонтом кораблей, но оба раза тоже всё обошлось. Лех попытался намекнуть – могло кончиться и не очень хорошо. Но Эрик слегка высо-

комерно ответил, что точно рассчитывать риски в любом деле он способен. И лишний раз на рожон лезть не приучен. Иначе отметил бы уже первую годовщину выпуска из училища в гробу из подбитого транспорта. Андрей только задумчиво покачал головой, вспомнив скандал с завскладом, но промолчал.

Время возобновило свой ленивый бег. Отшумел Новый год, прошли зимние метели, почернел и спрятался до следующего декабря снег. На деревьях, ещё робко, зазеленели первые листочки. А погода уже манила призраками весенней жары и миражами подступающего летнего пекла, стараясь обмануть доверчивых горожан. Не избежал коварных апрельских сквозняков и Андрей, слёг с простудой. Причём самым обидным было то, что окажись болезнь посерьёзнее – медкомплекс поставил бы на ноги за два-три дня. Но пичкать лекарствами при температуре всего тридцать семь и семь умная аппаратура отказалась, а вызванный врач с ней согласился. Мол, лучше, если организм сам справляется с заразой, крепче иммунитет станет. Вот и пришлось целых десять дней безвылазно сидеть в своей квартире на верхнем этаже кафе.

Андрей пробездельничал бы, может, и дольше – под конец, когда болезнь уже отступила, но врач ещё советовал побережься, ничего не делать ему понравилось. Даже стали закрадываться мысли устроить себе небольшой отпуск. Тем более что на днях должен будет приехать старый друг

Кшиштоф: проведать сослуживца и навестить племянника. «Махнуть на побережье, посидеть по старой памяти с удочками...» – крутилась в голове ленивая мысль. Внезапный звонок от Юлике – девушка рассказывала сквозь слёзы, что Эрик пропал и даже на работе не появлялся несколько дней – заставил мечты о пляже растаять, словно дым. Чутьё так и кричало: мужик вляпался в неприятности. Поэтому быстро надел кобуру с разрядником и накинув поверх скрывающую оружие мешковатую куртку, Северин бегом спустился вниз. Вот только Лех, который в ожидании приезда любимого дяди последние дни порхал, словно бабочка, и весь ушёл в подготовку встречи, ничего сказать не смог. Лишь растерянно почесал в затылке и сообщил, что Эрик и правда не заходил уже почти две недели. Но дней семь назад бывший пилот попался ему на улице под руку с каким-то типом. Явно чужаком: даже выше бывшего пилота, худой, лицо костистое, плотный загар. Или в орбитальном поселении родился и вырос, или на поверхность из космоса почти не спускается. Лех сумел ещё вспомнить странную примету. Чужак всегда носил полумаску, но тогда, похоже, думал, что никто не видит, снял её глотнуть какое-то лекарство – и губы инопланетника были странного зеленоватого оттенка... Андрею оказалось достаточно. Выругавшись – хотя в кафе он такого себе никогда не позволял, Северин выбежал на улицу. Вскоре со стоянки раздался звук стартующей в небо с места трифибии.

Найти логово инопланетника-хишаха оказалось не так уж

и сложно. То есть полиция бы искала очень долго, но Андрея в округе знали хорошо, многие были ему чем-то обязаны. И вообще, если господин Северин про кого-то спрашивает – значит, не просто так, не из праздного любопытства. Довольно просто получилось разобраться и с охраной. Трое накачанных мужиков, может, и были хорошими бойцами, вот только слишком много времени безвылазно провели в космосе. И как бывает почти со всеми в таком случае – попав на планету, расслабились. Позволили себе заказывать с доставкой в номер, где и держали Эрика, разные деликатесы... Этим и воспользовался отставной капитан, перехватив очередного курьера прямо возле отеля в глубине припортовых трущоб. Даже обошлось без стрельбы. Вот только идти с Андреем бывший пилот вдруг отказался...

Вернулся Андрей только под вечер. Ему пришлось звонить в дверь: по случаю приезда дяди кафе сегодня закрылось пораньше, а браслеты-коммуникаторы со встроенной удалённой идентификацией отставной капитан не признавал. Доставать же карточку-ключ, когда второй рукой тащишь старательно связанного и брыкающегося мужчину, оказалось крайне неудобно. Дверь открыл седой богатырь – словно из куска скалы неведомый резчик начал творить человека, старательно сделал лицо, а остальную фигуру хватило терпения лишь наметить лёгкими штрихами.

Богатырь усмехнулся в роскошные пшеничные усы.

– Ты, командир, вижу, сноровки не теряешь, – Кшиштоф

играючи перехватил «поклажу», занёс в зал и посадил в дальний угол. – За что ты его?

– Ты знаешь, что начудил этот идиот? – Андрей тяжело упал на соседний с Кшиштофом стул и благодарно кивнул Дине, принёсшей стакан воды. – Связался с хишахом, который ищет пилота в обход Трудовой биржи.

Кшиштоф удивлённо присвистнул, а Северин принялся объяснять Леху и Дине.

– Систему Хишах заселили давно, ещё во времена Терранской федерации. Поначалу туда ссылали каторжников, впрочем, когда после Войн распада система отошла к Империи, тюрьмой Хишах быть уже перестал. Неизменными остались две вещи. Добыча «зелёной пылицы» полностью контролируется государством. И для всех кораблей и пилотов в системе обязательна отметка Службы безопасности, а коренным обитателям доступ в пилотские школы закрыт. Эй, Птица, – Андрей выдернул кляп, – ты хоть понимаешь, для чего тебя нанимали? И что стрелять ты будешь по своим бывшим товарищам?

– Вы не понимаете! – на лице Эрика блуждала идиотская улыбка, глаза горели лихорадочным блеском. – Мне пообещали, что я снова смогу летать!

– Недолго, – покачал головой Кшиштоф. – Ребята в охране там серьёзные, поэтому нелегалов отстреливают довольно быстро.

– Да хоть сколько!

– Хоть сколько? – сквозь зубы прошипел Андрей. – А о Юлике подумал? Я даже не про то, что тебя могут взять живым, а потом до гроба закатать на рудники. Подумал, как её будет трясти Служба безопасности, когда узнает про твой контракт? А проверять на связь с контрабандой пыльцы эс-бешники будут всех, кто с тобой хоть словом перемолвился.

Лицо Эрика дрогнуло и на какое-то время приобрело осмысленное выражение. Кшиштоф и Андрей понимающе переглянулись, после чего Северин продолжил:

– Юлике я предупредил, она сегодня на работе задержится до утра. Начальник охраны там мужик толковый, с пониманием к этому отнесётся. Лех, Дина, вы давайте-ка наверх. Кшиштоф, проводишь? Заодно подберёшь себе чего по руке, код от сейфа – день того самого конфуза Вивьена из второй роты. А мы тут, внизу, гостей подождём. Нашего балбеса выручать.

Богатырь понимающе кивнул. Вернулся он минут через десять и стул поставил за столик Андрея так, чтобы Эрик оказался спрятан за спинами ветеранов. А перед собой демонстративно положил разрядник.

Ждать пришлось ещё минут сорок, закат уже почти отгорел, когда рядом с входом остановились две тонированные наземные машины. В кафе вошли шестеро: хишах в полумаске, четверо плотных крепышей-охранников и невысокий смуглый господин в дорогом костюме – один из «ночных отцов» припортовых кварталов.

– А, здравствуйте, господин Риччи, – встретили гостей слова Андрея. – Прошу вас, присаживайтесь. Не желаете ли кофе? За счёт заведения. Обсудим судьбу вон того недотёпы. За которого я в своё время поручился словом, а он меня, видите ли, разочаровал.

Смуглый словно налетел на невидимую стену, замер, в глазах на мгновение загорелся нехороший огонёк. Ровным голосом Риччи обратился к хишаху:

– Почему вы меня не предупредили, что нужный вам человек находится под покровительством мастера Северина?

– Это имеет значение? – недовольно дёрнул плечом инопланетник. – Когда я пришёл к вам, вы мне обещали. И у меня мало времени.

– И всё-таки присаживайтесь. Кшиштоф, налей гостям, пожалуйста, кофе, – мягким голосом сытого тигра продолжил Андрей. – У вас семейное с этим напитком обращаться, думаю, господин Риччи оценит особый рецепт. Поверьте, – слова были адресованы уже только смуглому, – такого вам не предложат даже на фирменном банкете.

Риччи вежливо кивнул, пододвинул стул и присел.

– Спасибо, не откажусь. За вашим великолепным кофе и в самом деле куда приятнее обсуждать наши проблемы.

В хишаха полетел новый неприязненный взгляд. Чужак в ответ сбросил полумаску, зеленоватые губы самым уголком скривились в презрительной улыбке, со снисходительным видом он тоже пододвинул стул и сел... Напряжение вы-

давала неестественно прямая спина. Оставшиеся стоять телохранители, наоборот, облегчённо расслабились. Нет, прикажи шеф напасть, они бы кинулись в драку не раздумывая. И шанс против двух ветеранов спецвойск у них даже был... Примерно как у четвёрки овчарок, угодивших в клетку к разъярённым медведям. Но если дело пошло миром – пусть лучше миром оно и закончится.

Когда чашки опустели, разговор продолжился.

– Кофе у вас как всегда бесподобен. Но предлагаю перейти к нашему затруднению. Итак, мастер Северин, мне заплатили, чтобы вот этот груз, – палец ткнулся в сторону связанного Эрика, – был доставлен на борт заказчика для выполнения контракта.

– Пилот каботажных рейсов, – кивнул Андрей. – Особые условия были?

– Заказчик сказал, что неизвестные вывели охрану из строя, и он подозревает происки конкурентов. Инцидент, назовём так, случился на моей территории. Поэтому на случай, если груз и в самом деле окажется у кого-то из моих коллег, попросили о моём личном участии.

– Тогда неустойку я возьму на себя. Хотите – деньгами, хотите – буду должен вам услугу. В пределах разумного, конечно.

– Слово?

– Слово.

– Тогда, мастер Северин, лучше я приму вашу помощь. У

меня как раз наметилось одно небольшое затруднение. Предлагаю, как вы освободитесь, мне зайти ещё раз. Столь важные дела не терпят суеты. Думаю... Через две недели вас устроит?

– Устроит. Жду вас в гости, господин Риччи.

– Вот и хорошо. Тогда за этим предлагаю попрощаться. У меня на сегодня, извините за нетерпеливость, ещё некоторые дела.

Риччи встал, уважительно пожал руку Андрею и Кшиштофу, махнул телохранителям следовать за ним и направился к выходу.

– А меня спросить не хотите? – сорвавшийся на визг вопль резко вскочившего хишаха разорвал тишину кафе.

– Неустойку я вам выплачу в любое время, как только обратитесь, – холодно прозвучал голос ночного дельца.

– А... От нас вам тоже ведь надо платить неустойку? – издевательски добавил Андрей. – Как положено по закону, – на этих словах от смешка не удержались даже телохранители, – подайте жалобу в Трудовую биржу. Они, как положено, проверят корабль и маршрут, оценят необходимую квалификацию пилота и сложность поиска замены. И выставят счёт. Пришлите, я оплачу...

Когда за гостями закрылась дверь, наглухо отсекая звуки с улицы, Кшиштоф развязал Эрика и посадил на стул рядом с собой. Мужчина так и остался неживой куклой, даже не попытался сделать хоть одно движение, лицо напоминало по-

тухшую маску.

– Ну и что нам теперь с ним делать? – неожиданно весело спросил Андрей. – Риччи тип изворотливый и злопамятный, способ ощипать нашему орлу перья найдёт, не нарушая данного мне слова.

Эрик вздрогнул, а Кшиштоф вдруг широко улыбнулся:

– Баран. Но баран в своё дело влюблённый. Годится.

– Забирай, – буркнул Андрей. – Может, хоть ты из него воспитаешь человека. Раз мне не удалось.

– Я ведь, мой дорогой, из-за тебя сюда летел. Попросили меня, видишь ли, хорошие приятели пилота им найти. А то колония есть, деньги есть, корабль есть... Только глушь такая, что какую сумму ни пообещай – соглашается одна зелёная молодёжь после училища. А им, сам понимаешь, пока хоть годик не отлетают, не то что тяжёлый сухогруз – бочку ржавую нельзя доверить.

...Через три месяца Андрей, Лех и Дина читали письмо и любовались свадебными фотографиями, где Юлике – то есть теперь госпожа Густафссон – вместе с мужем стояла на фоне новенького транспорта. Глядя на счастливые лица, Лех довольно хмыкнул:

– Вот и хорошо. Мир, счастье и покой. И там, и здесь. И обратите внимание на два положительных момента. Во-первых, до стрельбы не дошло. И, во-вторых, искать новую помощницу нам тоже не пришлось. А то я как-то уже привык к вам, Дина.

– Да. То есть нет. То есть не совсем, – девушка вдруг густо покраснела. – Я... Честное слово, случайно. Я тогда, в тот день... Переволновалась немножко и ошиблась ночью... Немножко, – и чуть слышно добавила. – Но вы не переживайте, несколько месяцев найти кого-нибудь ещё есть...

Лех картинно схватился за голову со стоном «ай-ай-ай», потом мужчины переглянулись и рассмеялись.

– Не переживайте так, Диночка, – ответил за обоих Андрей. – Значит, судьба у нас такая. После каждой необыкновенной истории что-то менять в жизни.

Бродяга

Кафе на Лесной улице – место необычное. И не только из-за того, что аккуратно спряталось среди сосен защитной лесополосы и поэтому единственное гордо носит нечётный номер дома. Поваром в кафе работает Андрей Северин, который рецепты собирал не одно десятилетие по всей Звёздной Ойкумене. И не просто так считается одним из лучших в столице. Андрея не раз пытались переманить к себе самые именитые заведения города, владельцу кафе Леху предлагали сделать на Лесной шикарный ресторан... Но оба с улыбкой отказывались. Поэтому только здесь можно увидеть за соседними столиками и рабочего, и хозяина крупной компании за одними и теми же размышлениями: каким необычным десертом порадовать сидящее в нетерпении чадо?

Есть у кафе и свои традиции. Раз в месяц большая полупрозрачная дверь на входе меняет рисунок, вместо заставленной блюда скатерти-самобранки появляется большой кофейник и парящие горячим напитком чашки. С вечера заранее пекутся булочки, ключи от кухни передаются Леху, который весь день варит для посетителей кофе. Заведение становится местом отдыха от деловой суеты и убежищем для влюблённых парочек... Сам же Андрей отправляется за травами и специями в магазинчик Фам Динь Лонга. Ведь только там можно найти сразу перец, имбирь и мускатный орех

родом со Старой Терры, душистый синий шафран с Мекона, астрис с Земли Лудда, радужный кофе с Альбии и тысячи других необычных трав и растений, а также их смесей.

Андрей всегда шёл четыре квартала до нужного места пешком, даже если погода была как сегодня – не по октябрьски холодная, со злым кусачим ветром и промозглой сыростью. Что отставному капитану какой-то промозглый сквознячок? Вот только порывистый западный ветер пополам с дождём Андрей недооценил. И последние метров сто зубы против воли принялись отбивать барабанную дробь, а промокшие ноги пришлось уговаривать идти фразой «бывало и похуже». Сразу понявший состояние гостя хозяин лавки без слов сунул в руки свой особый согревающий настой – и кружку Андрей выхлебал в два глотка, даже не пытаясь насладиться неповторимым вкусом. Старый Динь Лонг на это лишь усмехнулся и подал вторую чашку. Её Северин пил уже как полагается не торопясь.

Список необходимых заказов в этот раз обсуждали долго, у Андрея как-то разом подошли к концу почти все запасы. На носу же сначала череда ноябрьских праздников Первой посадки, потом и до Нового года рукой подать. А уж Рождество – это вообще отдельный разговор. Каждая ветвь христианства земной календарь пересчитывала по-своему, и заказы на парадные рождественские блюда сыпались не меньше полутора месяцев. Под конец, когда списки были согласованы, возле каждой строчки проставлены даты доставки,

а Андрей добавил в конце свою электронную подпись, Динь Лонг вдруг замялся и попросил навестить двоюродного брата... Если уважаемому господину капитану будет нетрудно. Кузен не подавал вестей уже два месяца, и семья за него беспокоится.

Андрей понимающе кивнул. Господин Динь Тунг был тем, про кого за пределами родни упоминать обычно не принято. Когда-то гордость семейного дела. Дослужился до шеф-повара круизного суперлайнера «Всегалактических линий», после двадцати лет в космосе вернулся на Оршу, где его сразу же уговорил пойти к себе один из самых фешенебельных ресторанов планеты... Десять лет назад Тунг вдруг всё бросил и ушёл бродяжничать. Переехал в столицу и поселился среди бомжей, обитавших под опорами кольцевого городского монорельса. Среди отбросов, которых даже городские побирušки считали ничтожнейшими из обитателей дна. Динь Тунга пытались образумить, вернуть обратно чуть ли не силой – кончилось всё тем, что мятежный отпрыск семьи Фам вдрызг разругался с роднёй и перестал со всеми разговаривать. Лишь изредка соизволяя послать весточку, что ещё коптит небо.

Исключение за все годы было сделано лишь единственное: когда Динь Тунг приехал в стратопорт, проводить на челнок уезжавшего в соседнее полушарие внучатого племянника Ли. И заодно проверить, какую невесту парень себе выбрал. Там Динь Тунг и познакомился с отставным капитаном

Северином. А узнав, что именно Андрей сначала познакомил Ли и Ирэну, а потом здорово помог обоим, когда у девушки случились неприятности с отчимом – преисполнился к Андрею глубокого уважения. Даже пригласил заглядывать к себе в гости, если капитан пожелает... Этим-то и пользовался иногда владелец лавки пряностей, когда у двоюродного брата случался приступ плохого настроения.

Андрей согласился, хотя каждый раз приходилось ехать чуть ли не через половину мегаполиса на кольцевом монорельсе, потом на такси через заводские кварталы до километровой защитной зоны... А дальше пешком. Про ветку монорельса любили рассказывать самые разные байки. И что вдоль опор всякие магнитные поля, вредные для здоровья, гуляют, и прочую ерунду. Мол, вагоны-то защищены – а если просто так подойдёшь, полжизни на лекарства работать будешь. К тому же кротостью нравов обитатели здешнего отстойника общества похвастаться тоже не могли, и таксисты ломили «за доставку к самому месту» такие деньги, что проще было прогуляться туда и обратно на своих двоих.

Первым признаком, что до транспортной ветки осталось недалеко, стала тепловая завеса. До этого Андрей шёл, пытаясь как можно сильнее натянуть капюшон куртки, чтобы защитить лицо от ледяного ветра и холода. Но стоило выйти из-за высоких стен заводских корпусов на пустырь, как температура воздуха мгновенно скакнула до плюс восемнадцати. И такой она здесь была всегда – и зимой и летом.

Андрей непроизвольно вздрогнул, потом расстегнул куртку, прикинул, где находится нужная ему опора, и двинулся вперёд. Огибая кучи всякого мусора: ещё одну обязательную деталь здешнего пейзажа. Городские власти на несанкционированную свалку на пустующих территориях смотрели сквозь пальцы. Проще было раз в полгода вывозить мусор из одного района, к тому же стараниями бомжей уже разобранный и отсортированный, чем собирать то же самое в десятках мест по всему городу, да ещё тратиться на извлечение пригодных к переработке материалов. «Вот только могли бы вывозить почаще!» – мысленно ругнулся Андрей, сначала споткнувшись о скелет какой-то бытовой техники, а потом еле увернувшись от обломков свалившихся с соседней кучи останков роскошного стереовизора.

Впрочем, о том, что скоро на свалку пожалуют мусоровозы, явно думал не только Андрей. В прошлый его визит возле опоры монорельса, где обитали «сливки» местного бездомного общества, стоял целый городок из старых пластиковых транспортных контейнеров. А сейчас не насчитывалось и десятка – все остальные их обитатели заботливо сложили и приготовились на время бесчинства уборочных автоматов отнести подальше. К счастью, Динь Тунг паникёром не был и оставался на месте. У него даже кто-то гостил. Но с посетителем из «чистого» мира гость общаться не пожелал. Не успел Северин переступить через порог, как паренёк тут же выскочил наружу, едва не врезавшись в посетителя. «Невы-

сокий, черноволосый, смуглый, нос с горбинкой», – на автомате профессионально отметил про себя Андрей.

– Здравствуйте, Динь Тунг, – Северин аккуратно присел на стул из старого ящика. – Извините, что сразу о делах. Я к вам от родственников. Вы бы им хоть звонили изредка. А то мне и отказать неудобно, и желания каждый раз сюда ездить никакого.

– Как и остальные, боитесь зловредного влияния дороги? Или свалки? – усмехнулся в ответ старик, не вставая со своего ящика.

– В глупости я не верю, – пожал плечами Андрей, – в завышающих по ночам призраков брошенной техники, что бы ни рассказывали прихожане Бастиона Стального Ангела, тоже. Но вот бесполезно потерянного времени каждый раз жалко. Завтра у нас в кафе празднуют день рождения, и мне ещё делать Семицветный торт. А вместо этого я вынужден ездить через весь город и обратно. Значит, спать мне ночью теперь на два часа меньше.

Бывший знаменитый шеф-повар блюдо оценил, поцокал языком, даже с интересом обсудил с Андреем несколько кулинарных тонкостей изготовления торта. После чего извиняюще улыбнулся и произнёс:

– Ну простите, мастер Северин. Больше не буду. То есть наоборот, буду звонить. А пока передайте, что всё хорошо. Даже зверушку домашнюю себе завёл, – старик опять улыбнулся, но в этот раз почему-то грустно. – Видели паренька?

Дикий он совсем. Но, может, научу ещё, что даже на свалке нужно помогать и принимать помощь. Ну да ладно. Ещё раз прошу прощения, – после чего серьёзно добавил. – Радужный торт суеты и торопливости не любит. Так что не буду задерживать.

Обещание «не беспокоить по пустякам» Динь Тунг выполнил. И звонить стал даже не раз в два месяца, как раньше – а раз в две недели, как рассказал обрадованный владелец лавки специй. Андрей от благодарности только отмахнулся и тут же выбросил сумасбродного бродягу из головы. Началась полоса декабрьских праздников, у детей каникулы – и забот в кафе стало хоть отбавляй. Лех даже был вынужден отказывать некоторым просителям снять кафе под какой-нибудь праздник – чтобы не превращать на следующий месяц заведение в закрытый ресторан. Праздники начинаются и заканчиваются, а если распугивать постоянных клиентов, то летом, когда затишье, и разориться недолго. Но настроение хозяину кафе и Андрею это не поднимало, хотя они и утешали себя: мол, всех денег не заработаешь.

Когда на коммуникатор Андрея пришёл входящий звонок с пометкой «Семья Фам», Северин чуть не зарычал от злости. С самого утра он уже полтора часа воевал с новым непослушным рецептом соуса, а тут к нему опять с проблемами затерявшегося родственника. Впрочем, крамольную мысль звонок не услышать Андрей сумел затушить – хотя и очень хотелось послать всех подальше. Без крайней нужды Фам

День Лонг беспокоить не будет.

К удивлению Андрея, коммуникатор спроецировал голограмму Фам Динь Тунга. Причём одет был «принципиальный бродяга» очень прилично. И даже не в костюме, хранившийся для «выхода в свет» – скажем, когда нужно сходить в банк за деньгами. Сейчас Динь Тунга легко можно было принять за обеспеченного старика, живущего не на муниципальную пенсию, а на солидную корпоративную.

– Извините, мастер Северин. Но мне нужна ваша помощь, причём срочно. Не могли бы вы подъехать? Я встречу вас на станции монорельса.

– Да куда ж я денусь, – вздохнул Андрей. – Всё равно воюсь с утра, и ни черта не получается.

– О!.. – присмотрелся Динь Тунг. – Вижу, вы пробуете соус «Райское огорчение»? Есть там одна тонкость, про которую не сказано ни в одном рецепте. Сам на этом в своё время погорел. Давайте так. Я на обратной дороге загляну к вам и объясню.

Выключив связь, Андрей удивлённо поднял бровь. Чтобы старик не просто покинул свою обожаемую свалку, а вдобавок соизволил вспомнить профессию? Значит, случилось и нечто впрямь из ряда вон выходящее.

Расспросить сразу не вышло: прямо возле станции ждало такси, которое доставило обоих к границе свалки. Переступив порог тепловой завесы, Динь Тунг сразу же расстегнул куртку, чтобы не вспотеть. Андрей последовал его при-

меру, после чего оглянулся. Явно не так давно заглядывали мусоровозы: земля была почти чистая. Когда же мужчины добрались до опоры, Андрей в своей догадке только укрепился. Городок из контейнеров по сравнению с предыдущим визитом вырос в несколько раз, причём большинство жилищ закрепили капитально, надолго. Тем временем старик довёл гостя до своего обиталища и пригласил внутрь. На импровизированной кровати в углу контейнера метался в бреду тот самый паренёк, чуть не сбивший Андрея с ног в прошлый раз.

– Самое обычное воспаление лёгких. Как он его умудрился заработать?

– Его зовут Марко, – ответил Динь Тунг. – Он появился здесь прошлой весной. Жалко мне его стало. Хоть и строит из себя зверька... Есть люди, к нашей жизни, – старик обвёл вокруг рукой, – не приспособленные совсем. Здесь нужен особый нюх. После уборки на свалке долго ничего не добудешь, приходится в город ходить. Ну а дальше сами понимаете.

– Зачем вам я? Его поставят на ноги в любой муниципальной клинике за два – три дня. А закон об обязательной социальной реабилитации давно отменён, так что парень спокойно может продолжить бродяжничать. Или на нём что-то висит, и он не хочет связываться с властями?

– В том-то и дело, – тяжело вздохнул старик. – Перед законом Марко чист. Но насколько я смог из него вытянуть,

он случайно узнал какую-то тайну... И почему-то боится – обычная полиция его защитить не сможет, а службы посерьёзнее не поверят. Результаты же генсканирования муниципальная клиника тут же копирует в планетарную базу данных. Его найдут и...

– Ваш племянник проболтался про медкомплекс у меня дома и моё знакомство с начальником городской полиции, – догадался Андрей. – Хорошо. Везём ко мне. Обещаю о вашем протезе позаботиться. Но в таком случае, – Северин решил не упускать удачного случая, – с вас не только «Райское огорчение», но и ещё кое-что.

– Договорились.

Марко попытался протестовать даже в состоянии полубытья и горячечного бреда. Но старшие всё равно записали парня в такси, затем засунули в медкомплекс. Проводив Динь Тунга и договорившись, что старый повар заглянет через несколько дней проведать Марко и поговорить насчёт рецептов, Андрей поднялся обратно к себе. Болезнь и лечение автомат уже определил, но неплохо бы запустить и общую диагностику организма. Вдруг парень подцепил на свалке что-нибудь ещё? А тут без участия оператора уже не обойтись.

Оборудование у отставного капитана стояло хоть и списанное как выработавшее первичный ресурс, но снятое с военного транспорта. Северин весь ушёл в работу, видел лишь данные диагноста... Когда домашняя система вдруг сообщит-

ла о попытке несанкционированного доступа, причём сразу на уровне оранжевой угрозы. Андрей от неожиданности выругался, переключился на связь с сервером защиты, запустил программу поиска источника атаки... И снова выругался, теперь от растерянности. Нападение шло из медкомплекса. И источником мог быть только лежавший в саркофаге парень. А никаких имплантантов у Марко не было! И если бы не укол снотворного по команде с клавиатуры, в обход медицинского процессора, парень через несколько минут не просто отключил саркофаг, а заставил охранные системы считать врагом хозяина квартиры.

Андрей нахмурился и в задумчивости почесал подбородок. Рассказ Марко, что его ищут, из придуманного страха превращался в реальность. Эспер, способный подключаться к компьютерным системам. Вот только необученный. Иначе бы не прятался на свалке, а легко создал себе новые документы. Скорее всего, проявлялось всё случайно, помимо воли. И до какого-то момента ни сам Марко, ни окружающие про его особые таланты не подозревали. Поэтому парень за просто мог оказаться среди obsługi какого-нибудь политика или младшего персонала крупной корпорации. И случайно влезть в закрытую сеть или базу данных. Возвращать на свалку Марко было нельзя, убежище отнюдь не такое надёжное, как кажется. Полицейские рейды с проверками там случаются регулярно, бесконечно уходить от облав не получится. Но как удержать парня в нормальной жизни, ни одной

мысли не приходило.

Удачно вышло, что Лех уже был в кафе, но официантка Дина, которая обычно готовила зал к открытию, ещё не подошла. Поэтому Андрей смог рассказать всё не торопясь и с самого начала. Умолчал лишь о необычных способностях Марко, только коротко пояснил, что парень случайно проник в какую-то политическую или корпоративную тайну. Закончил Северин рассказ тем, что как вытащить парня со свалки – не представляет. Лех на это задумчиво почесал в затылке стилусом от интерактивного экрана, через который как раз оформлял заказ для пневмодоставки, и ответил:

– Долечивать у вас, дядя Андрей, парня нельзя. Из-за прошлой службы придётся подавать запрос эсбэшникам на проживание постороннего, они обязательно сделают принудительную идентификацию...

Северин согласился:

– Я в наших эсбешниках, конечно, уверен. Этому неведомому «хозяину» хвост они прижмут. Но Марко «предательство» Динь Тунга сломает.

– Вот-вот, – закивал Лех. – Поэтому, как медкомлекс Марко выплюнет и отправит долечиваться на кровати, везём его ко мне. Квартира у меня большая, выделю ему гостевую комнату. Дней пять выиграем.

Андрей тоже кивнул, затем в задумчивости взял из стаканчика на одном из столиков очищающую салфетку и принялся складывать из неё самолётик. Закончив, он запустил

подделку в стоящую у входа урну и спросил:

– А дальше?

– Для начала, я сделаю ему документы. Начальница иммиграционной службы припортовой префектуры давно намекает насчёт отпраздновать в кафе именины внучки. Пожертвую одним из наших резервных свободных дней. А взамен попрошу услугу. Оформить Марко вид на жительство и работу без соцпакета. И никаких идентификаций, и окружающие подумают ровно то, что нужно.

Андрей широко улыбнулся. Возле космопорта «упрощённой» никого не удивишь, таким способом обманывают каждого второго иммигранта. Пока приезжий не узнает, что по планетарным законам если работник при заключении контракта подаёт заявление, то базовый соцпакет фирма за свой счёт оформить ему обязана.

Как только Марко смог ходить, чтобы после нескольких шагов не кружилась голова, то сразу приехал в кафе. Прощаться и вернуть гостевой ключ. Мол, он честный человек, и пусть хозяин квартиры потом его не заподозрит, если чего пропадёт. Лех молча взял карточку, затем протянул парню листок:

– Подпиши, пожалуйста. И вот здесь, – кончик ручки показал на золотистую полоску сканера внизу бланка, – оставь отпечаток пальца. Это счёт за твоё лечение и проживание. – Мастер Северин, – последовал кивок в сторону стоявшего рядом Андрея, – засвидетельствует, что ты всё сделал добро-

вольно. И заодно потом отнесёт Фам Динь Тунгу для оплаты.

– Вы!.. Вы!.. Да как вы смеете! Жалкий торгаш! – Марко аж задохнулся от негодования.

– А ты как думал? – усмехнулся хозяин кафе. – Ничего бесплатного в нашем мире не бывает. Впрочем... Можешь отработать сам. Документы для этого уже готовы.

– Вы! – Марко сжимал и разжимал кулаки, лицо перекошило от ярости и ненависти к мужчинам напротив. – Вы это задумали с самого начала!

– Конечно, – спокойно кивнул Лех. – Плохой вышел из меня бизнесмен, если бы я не мог в любом деле отыскать прибыль.

– Что вам от меня надо? – обречённо и устало ответил парень.

– Вот! Другой разговор. Значит так. Квартиру я тебе подыскал. Работу тоже. Сам знаешь, автоматика справится не везде. Поэтому займёшься разгрузкой товаров у нас и в соседнем супермаркете, а также уборщиком поработаешь. Где пылесосами поуправлять, а где и самому шваброй доделывать. Держи, – в руки к Марко полетели несколько карточек. – Это твоё разрешение и доступ к зарплате. Уже настроено, что за долг часть денег будет списываться автоматически. Только учти, личных данных там нет, если потеряешь – пеняй на себя. Никто не вернёт. Обедать и ужинать будешь в кафе.

– А вы с меня за это ещё и сдерёте, – Марко скривился,

будто съел что-то очень кислое. – Но я так понимаю, выбора у меня всё равно нет. С чего начинать?

Лех кивнул, переглянулся с Андреем и показал на девушку, которая забежала в кафе, бросила: «Всем привет», – и помчалась переодеваться. – Вот Дина тебе всё и покажет. Только ты с ней поаккуратнее.

– Потому что она новенькая, всеобщая любимица и всего боится. Понял, – вздохнул Марко.

Андрей и Лех в ответ рассмеялись от души.

– Скажешь ещё, – сумел наконец выдать из себя Лех. – Дина у нас давно и, помнится, даже в первый день не особо смущалась. А ещё язык у неё как бритва и без костей. Обидится, даст какое-нибудь прозвище – потом не отвяжешься.

Когда Марко ушёл вслед за девушкой в подвал к приёмнику пневмодоставки, Андрей негромко, чтобы слышал лишь хозяин кафе, произнёс:

– Лех, ты гений. Вот только надолго ли мы его на этой цепочке удержим?

– Месяца четыре, думаю. Пока не догадается посмотреть не только остаток, но и движение денег по счёту. И не обнаружит, что его «долги» на самом деле просто уходят на именной счёт.

Лех оказался излишне оптимистичен. Но сработала не подозрительность Марко, а автоматическая программа привлечения инвестиций из банка: робот увидел у клиента счёт, на который деньги лишь поступают, но ничего не расходуется,

и прислал письмо с предложением инвестировать средства в какой-то фонд... Марко пришёл скандалить уже на следующий день. Вот только хозяин кафе парня не стал даже слушать: в заведении отмечали свадьбу, и забот было не в поворот. А когда парень всё же попытался высказать свои претензии, Лех буркнул:

– Слушай, не порть людям праздник, а?

Тут же отвернулся и про разговор забыл, так как к нему подошла тамада что-то уточнить, пока гости делали перерыв в еде и общались друг с другом.

Смущения Марко хватило только невразумительно извиниться и отойти от кафе на несколько шагов. После чего он решительно развернулся, зашёл в кафе через чёрный ход и отправился ругаться уже к Северину. Андрей встретил парня радостным возгласом:

– О! Вовремя ты. Не успеваю! Бегом раздевайся, мой руки и ко мне. С аршибанами когда-нибудь дело имел?

– Чего?

Марко ошеломлённо замер на пороге кухни. Он ожидал всего, чего угодно, мысленно отрепетировал каждую фразу скандала. Но вот что ему сразу дадут в руки ножик и корзинку зелёных в жёлтых пятнах шаров размером с человеческую голову, не мог даже предположить.

– Значит, так. Самому надо бы, но не успеваю. Кожицу срезаешь аккуратно, чтобы нож шёл по белому слою. В мякоть не залезать, испортишь.

– Так комбайн же есть? – слова вырвались сами собой, и совсем не те, что хотелось.

– Загубить хочешь?! Там всё в порезах будет, перед выпечкой не замажешь никак. И вообще, хватит зубы заговаривать. Бегом! А то не успеем.

Когда Марко вручил блюдо с чищенными белыми шарами, Андрей только удивлённо сказал, что у парня талант. После чего тут же приставил к новому делу, а потом к следующему. К ночи, когда праздник наконец закончился, Марко устал с непривычки так, будто целый день таскал на себе тяжёлые ящики. Но хотя запал и пропал, всё же решил поскандалить. А для этого буквально вломился в квартиру Северина.

Андрей слушал претензии внимательно, не прерывая и не произнося ни слова. После чего посмотрел на Марко таким взглядом, от которого парню захотелось провалиться на месте.

– Ладно, твоя дурная голова – пропадай, если хочешь. Но тянуть в могилу старика Фама, который так о тебе заботился, не смей. Хочешь – бросай всё и уходи прямо завтра. Вот только чтобы на свалке я тебя больше не видел!

– Да что вы знаете! – взвился парень. – Да если бы вы знали...

– И не особо горю желанием узнать, – оборвал его отставной капитан. – За годы службы я и так нахватался всякой ерунды под грифом «прочитавшего расстрелять». Зато ты не

понимаешь одной простой вещи. Искать тебя будут в первую очередь по разным трущобам. А когда найдут – убьют на всякий случай всех, с кем ты общался.

Марко долго молчал, переваривая услышанное, потом буркнул:

– Как будто вы сможете меня защитить. А кафе, вам, значит не жалко?

Андрей в ответ усмехнулся, потом вдруг неувловимым движением оказался рядом с парнем и вышиб из-под него кресло. А пока Марко приходил в себя и потирал ушибленный об пол копчик, Северин плавным кошачьим движением вернулся на своё место.

– Это тебе раз. Два, насчёт кафе. Про твои способности эспера в округе никто не догадывается, даже Лех. Для всех ты – сумевший легализоваться эмигрант, въехавший без визы. Выловить тебя в общей массе таких же приезжих невозможно. К тому же ты парень замкнутый, с работодателем откровенничать не станешь... Инерция мышления – штука серьёзная. Что ты можешь проболтаться кому-то здесь, никто даже не подумает. Ну а третье... Ты не доверяешь ни полиции, ни Службе безопасности?

Марко скривился, будто разом проглотил пригоршню соли, и процедил:

– У меня есть на это причины.

– Так вот, Андрей кивнул. – А у меня и там, и там остались сослуживцы. И если я замечу нехороший интерес к ка-

фе и к себе, для друга они сделают всё, что надо... Даже если кто-то из крупных чинуш попытается на них давить. Ну что? Передумал сбегать?

Андрей внимательно посмотрел на задумчивое лицо Марко и улыбнулся.

– Вот и хорошо. И, кстати, после работы вечерами заглядывай. Не знаю, захочешь ли ты становиться поваром, но задатки у тебя есть.

Марко в ответ тоже кивнул, сухо попрощался и ушёл. Когда на следующий день он появился в кафе помочь Дине разобрать доставленные ящики и коробки, про вчерашний разговор и желание сбежать парень не напомнил ни единым словом или жестом. Северин только мысленно усмехнулся: как он и рассчитывал. Но вот то, что через пару дней Марко заявится и с нахальным видом напомнит про приглашение «опробовать таланты» – застало Андрея врасплох. Обещание он давал для красного словца. Но слово есть слово.

Впрочем, обязательство учить оказалось не таким уж и обременительным, Марко был способным учеником. И через несколько лет из него мог выйти отличный специалист... Вот только захочет ли парень? И не вернуться ли обратно через год-два мысли побродяжничать? Андрей вспоминал все уроки психологов, которые вбивали на службе, заводил разнообразные случайные разговоры, пытаясь понять, что у Марко на душе. Но ответа так и не нашёл, поэтому вскоре забросил все размышления. Ведь непонятно, каким Марко

станет через год, если всего за несколько недель в кафе он так переменялся?

Дни неторопливо ползли за днями, будни сменялись выходными, поугубил последними холодами март, обманул ранним теплом апрель и прикинулся первым летним месяцем май. А вот июнь наоборот, принёс с собой затяжные дожди и холодную погоду, в которую не хочется вылезать из-под тёплой крыши ни за какие коврижки. Особенно вечерами, когда темно, а ветер и дождь расхулиганились вовсю. Поэтому звонок в домофон застал Андрея врасплох. Когда незнакомец поднялся и снял плащ, удивление выросло ещё сильнее: Марко. А ведь парень всегда заглядывал исключительно по делам, хотя между ним и Северином последнее время и установились вполне приятельские отношения.

Андрей провёл Марко в гостиную, налил горячего чая, после чего пододвинул к столику второе кресло и спросил:

– Что-то случилось? Иначе ты бы не стал идти три квартала в такую погоду, а подождал до завтра.

Парень обнял чашку ладонями, согревая застывшие руки, отхлебнул глоток и негромко сказал:

– Нет... пока ещё нет. Но я хочу рассказать вам мою тайну. Она давит...

– У царя Мидаса ослиные уши, – хмыкнул Андрей. – Понимаю.

– Какие мидасовы уши? – ошеломлённо спросил Марко, в лице и голосе сразу исчезла вся наигранная пафосность...

Андрей на это только усмехнулся.

– Была такая легенда в древности. Один парикмахер каждый день стриг царя, и под страхом смерти ему запретили говорить, что у правителя ослиные уши. А рассказать хотелось. Вот он выкопал ямку и нашептал в неё свою тайну. Предлагаешь мне стать такой ямкой? Почему?

– Вы недавно вытащили господина Густафссона из таких неприятностей...

– Меньше слушай, что болтают, – расхохотался Андрей. – Ну да ладно.

– А ещё... – не обращая внимания, продолжил Марко, – Я не получил письма от Динь Тунга. То есть... Ну как сказать? Мы арендовали информационную ячейку на сервере «Галактик».

Северин кивнул: «Галактик» считался самым надёжным хранилищем информации во всей Звёздной Ойкумене не просто так. А ещё корпорация не выдавала содержимое ячеек клиентам никому, разве что могла в виде исключения пойти навстречу просьбе самого императора или имперского Сената.

– Мы писали друг другу не реже раза в неделю. А сейчас Динь Тунг не отозвался на три моих последних письма. Я... вспоминая ваши слова. Пусть знает ещё хоть кто-нибудь, кроме меня. Моя тайна... тайна состоит в том, что я искусственный эспер.

– Не может быть! – категорично отрезал Андрей. – Искус-

ственно талант эспера пытались привить многие, особенно когда стали наткаться на артефакты Предтеч. И признали – это невозможно.

Марко горько усмехнулся:

– Попыток не бросили. Кто-то раскопал очередной артефакт Предтеч и решил попробовать. Лаборатория была здесь, в городе – в мегаполисе проще добывать материал и избавляться от отходов. Мы попадали туда разными путями. Конец был для всех один. На вскрытие, разобраться, почему не сработало.

Взгляд Андрея заглодел.

– За эксперименты на людях, особенно с использованием наследия Предтеч, Имперская служба безопасности обычно отстреливает без суда. Я вполне представляю, скажем так, моральный облик соответствующих ведомств. Но опыт Селены Октавии повторять никто не рискнёт. Почему ты не пошёл к ним?

Марко в ответ горько усмехнулся.

– Я не знаю его имени. Видел лишь кусок переписки во время побега. Транскорпорацию, занимавшуюся исследованиями, прикрывал кто-то из планетарной администрации и планетарного отделения Имперской службы безопасности. В неофициальном порядке. Вот только мне от этого не легче. Я случайно уцелел. Мы... Я... Нас после процедур в доме где-то на севере города держали. В камерах. И разные способы пробовали, чтобы какой-нибудь талант активизиро-

вать. В общем, я узнал, что через несколько дней меня отправят на вскрытие как неудачный материал. Вот и пробудилось, инстинкт самосохранения сработал. Взял под контроль компьютерную систему, с помощью сторожевого комплекса справился с охраной, всё спалил. Вот только там ещё внешнее кольцо было, они как увидели, начали стрельбу. Зачистку. Я один сумел уйти. Но данные кроме лаборатории где-то ещё хранятся. Поэтому стоит засветиться в планетарной информационной базе, и сразу найдут.

Ответил Северин не сразу. А потом заговорил медленно, словно на ходу обдумывал каждую фразу.

– В чём-то ты прав. Напрямую в Службу безопасности соваться нельзя, даже мои связи не помогут. Но вот затруднить твои поиски можно. Я без подробностей намекну кое-кому в полиции, что, мол, слух про нелегальные исследования на территории мегаполиса был. Ему хватит, он начнёт рыть. Либо чего найдёт, либо таких проблем доставит, что не до тебя будет. Выиграем время... А дальше, глядишь, чего и подвернётся.

К начальнику городской полиции поболтать о давних временах совместной службы Андрей заглянул уже на следующее утро. Николай понял всё без лишних слов, как и намёк, что у нелегалов есть покровитель наверху. Дело можно было считать сделанным... Разные мысли насчёт рассказа Марко уходить никак не желали. О неведомом артефакте и лаборатории Северин думал и во время своего ежемесячного

похода в лавку пряностей. Поэтому, когда рядом резко затормозила машина, из которой вышли трое крепких парней, Андрей машинально постарался обойти их стороной. Нападения посреди оживлённой улицы, при свидетелях, он, конечно, не боялся... Но какая-то подсознательная опаска работала. Молодёжь редко пользовалась носовыми фильтрами для обогащения воздуха кислородом, а у одного из крепышей под носом серебрилось маленькое пятнышко: видимо, когда набрызгивал себе фильтр, неаккуратно держал баллончик. Парни на поведение Андрея отреагировали мгновенно. Если бы кто-то из них начал доставать разрядник или парализатор, решил бы просто скрутить отставного капитана и затащить в машину – капитан успел бы уклониться... Вот только ближний просто кинул на землю газовую бомбу. Последней мыслью угасающего сознания стало: «Самоуверенный идиот! Мог бы тоже сунуть в нос фильтры».

Пришёл в себя Андрей привязанный. Осторожно и стараясь сделать это незаметно, приподнял веки... Большая, метров тридцать в длину комната, напоминающая больничную палату – схожий зелёный биологически нейтральный пластик стен, пола и потолка. Окон нет. И никого. Андрей открыл глаза и принялся осматриваться уже внимательно. Та часть, в которой он лежал, и в самом деле напоминала больницу: три привинченных к полу койки. Вот только вторую половину занимали два кресла и несколько столов, заставленных разными приборами и хирургическими инструмен-

тами – которые заставили сердце бешено стучать. Очень уж знакомые приспособления для допроса любой степени. Не зря одно из кресел и один из столов имеют фиксаторы.

Шанс у Андрея был. Судя по всему, похитители знают только про его гражданскую часть жизни. Связали так себе, явно не рассчитывали, что от большинства дурманящей химии у него стоят блоки, поэтому очнётся Северин быстро и не вялым после наркоза, а готовым к бою. Значит, когда его потащат к креслу, можно попытаться напасть... Додумать Андрей не успел, так как дверь в комнату открылась и пришлось срочно прикидываться лежащим без сознания.

– ...уверены, что это именно тот самый?

Андрей сразу отметил говорившего как начальника. И, составив по первым фразам впечатление о нём, решил, что ему хоть в чём-то повезло. Шеф явно пересмотрел боевиков и решил поиграть в крутого мафиози. Вмешаться в процесс и лично всё проконтролировать... Не зря второй, видимо заместитель, хоть и отвечает, приказы выполняет... Но в голосе сквозит недовольство.

– Осторожно, компьютер сообщил, что объект пришёл в себя.

– Ерунда, – отмахнулся главный. – Он всё равно пока ничего не понимает. Я проверял, химия ещё действует. Значит, тот самый, про кого таксист утверждал, что объект вывез именно он. К тому же он точно что-то знает, иначе бы не испугался там, на улице.

Андрей мысленно усмехнулся: дилетант. Северину-то ещё в училище вбили, что доверять надо в первую очередь своей голове, а потом технике. Сымитировать постнаркотический синдром для тренированного специалиста ерундовое занятие. А раз поверили показаниям компьютера, теперь можно и подыграть. Заодно осмотреться... Андрей открыл глаза, повёл мутным взором. Шестеро. Трое охранников. Мужчина в дорогом костюме рядом со столом для пыток – это главный. Рядом помощник. Ближе к двери худощавый, наверное, специалист по допросам. Словно подтверждая, начальник опять заговорил:

– А у него всё со здоровьем в порядке? Может, ему тоже какие-нибудь таблетки надо сначала дать? Как бы не подох, как тот старикан со свалки. А то мистер Греко покойников допрашивать не умеет.

Андрей подавил ярость усилием воли: так вот куда пропал старик Фам... Но сейчас не время. Тем временем главный повелительно произнёс:

– Начинайте. И поторопитесь. К полуночи мы должны успеть зачистить следы.

– Моё искусство не терпит суеты... – закапризничал было палач.

Начальник в ответ его резко оборвал: времени мало. Они и так из-за неуместной активности городской полиции вынуждены были везти его в основной центр, а не в дом на окраине. Палач нервно дёрнул головой, соглашаясь, и мах-

нул рукой начинать. Охрана двинулась к пленнику. Андрей просчитывал варианты. Начальники и палач не угроза. Остаются подручные. В его возрасте форсирование организма даром не пройдёт, но выбора нет. Как только двое подойдут, рвать верёвки и нападать. За счёт неожиданности вывести из строя ближних... А дальше кто быстрее: дальний охранник достанет пистолет или Андрей успеет сорвать у ближнего с пояса нож и бросить. Шаг. Ещё один. Андрей незаметно для врагов напрягся как пружина, готовясь прыгнуть.

Внезапно дверь отворилась снова... В комнату вошёл Марко.

– Здравствуйте, господа. Вы не меня искали?

И почти сразу глаза парня загорелись зелёным светом, а рука одного из охранников вытащила, несмотря на сопротивление хозяина, пистолет и начала стрелять. Последний выстрел достался владельцу руки.

– Вот поэтому в пехоте и не держат киборгов. Поможешь развязаться? – прозвучали вместо эпитафии слова Андрея. – И давай поторопимся. Пока ещё кто-нибудь не нагрязнул.

– Ну, с этим можно не беспокоиться, – усмехнулся Марко. – Они решили, что у меня телепатия проснулась, и в прошлый раз я считал у охраны пароли. Поэтому везде, где можно, людей на автоматику заменили. И киборгов с собой таскать стали. В здании сейчас больше никого.

Пожар Андрей и Марко наблюдали с соседней улицы, подалее от толпы зевак. Но даже отсюда были хорошо замет-

ны пожарные флаеры, пытавшиеся залить пеной охватившее небоскрёб пламя, и шум техники на земле... Оба знали, что все старания бесполезны. Марко заблокировал сигнализацию, и приехали пожарные только когда всё здание уже охвачено пламенем.

– Что собираешь делать дальше? – спросил Андрей.

Марко задумчиво пожал плечами.

– Не знаю. Мои способности опять ушли. Эти, – он махнул рукой в сторону бывшего небоскрёба, – дураки. Им и в голову не могло прийти, что просыпается всё от желания помочь, кого-то спасти... Так было и в прошлый раз. Теперь же артефакт сгорел, а данные на себя в планетарной базе данных я поправил.

– Будешь мстить?

Марко вдруг улыбнулся.

– Нет. Я хотел, я тысячу раз представлял, как найду всех покровителей. Сегодня я даже отыскал ниточку, по которой могу всё распутать... А теперь не хочу. Не знаю почему, но я больше не желаю превращать свою жизнь в месть. Они всё равно когда-нибудь получат возмездие. Но без меня.

Андрей положил парню руку на плечо и сказал.

– Это потому что ты из загнанного зверя стал человеком. Кстати. У тебя же никаких планов на будущее? Оставайся в кафе. Нам понадобится новый помощник Леху. Видишь ли, у Дины скоро будут другие, семейные, заботы. Согласен?

Марко кивнул, и мужчины пожали друг другу руки.

– Согласен. Будет у вас, мастер Андрей, необычный ученик.

Беспокойные гости

Кафе на Лесной улице – необычное кафе. И не только потому, что готовят в нём не хуже, чем в дорогом ресторане, а в ученики к Андрею мечтают попасть многие. И дело даже не в том, что уютное двухэтажное здание спряталось среди дубов и берёз лесной полосы, словно ещё одно дерево, и делает вид – «высоткам по другую сторону дороги я не родственник». Кафе на Лесной известно как самое тихое место в округе. Даже отчаянные хулиганы предпочитают бузить где-нибудь подальше: у владельца Леха рука по-крестьянски тяжёлая, а повар, капитан Северин, своих армейских навыков не растерял. Да и помощник Андрея, Марко, за себя постоять может – как-то заезжий гость начал громить столик, так парень сначала успокоил буяна хлёстким ударом в ухо, а уже потом вызвал полицию и извинился. Поэтому когда тихим майским вечером Лех и Марко убрали из-под навеса уличные столики и услышали с другой стороны кафе взрыв брани, а потом истошный женский вопль: «Помогите, убивают!» – то не сразу поверили своим ушам.

Лех стоял у самого угла и выбежал на пустую уже стоянку первым. Как раз чтобы увидеть загадочную картину: высокая девушка в цветастом сарафане пыталась оттолкнуть непонятного типа, почему-то одетого в застёгнутое наглухо пальто. Только вот вырывалась девушка тоже странно – то

дёргалась, то застывала на месте. Лех успел заметить, что непонятный мужчина стоял неподвижно, прикрыв глаза, и удерживал девушку только за бретели сарафана... Одна из тонких матерчатых лент оторвалась, а вторая выскользнула из рук нападавшего. Жертва с новым криком сразу же кинулась прочь. Мужчина выхватил из кармана что-то, напоминающее длинный фонарик, в спину девушке ударила полоса света, заставила упасть неподвижной куклой... Дальше наблюдателем Лех оставаться не пожелал. В два прыжка настигнув незнакомца, он нанёс сильный удар в живот, потом опрокинул на землю, а подоспевший Марко от души пнул тупа под рёбра. Однако непонятный человек почему-то лишь тихонько взвизгнул – хотя должен был кататься по земле от боли, никаких бронежилетов под пальто не было – вскочил и изо всех сил бросился прочь. Бросил на стоянке и жертву, и неожиданных защитников.

– Мастер Лех, её надо срочно в медкомплекс.

Хозяин кафе кивнул: до того как прибиться в ученики к Андрею, Марко успел несколько лет побродяжничать, и в уличных травмах и неприятностях разбирался даже лучше отставного капитана.

– Я под руки, ты за ноги. И бегом, смотри, кажется, у неё начинается удушье.

Как только девушку опустили в саркофаг, а медицинские датчики заботливо опутали больную с ног до головы, мужчины склонились над экраном, куда диагност вывел предва-

рительные результаты.

– Где-то я уже такое видел, – задумчиво почесал в затылке Андрей.

– Можете не лезть в справочник, – почти сразу ответил Марко. – Я и без него скажу. У неё все признаки отравления эйфоринном. И тот в плаще, когда стрелял из парализатора, чуть её не убил. Я такое видел. Раз или два.

– Хуже, – добавил Лех, который продолжал вчитываться в сообщённую медкомплексом информацию. – В легальной лекарственной форме эйфорин применяют исключительно в виде таблеток. А у неё большая часть этой дряни осела в лёгких. Но не настолько много, как если бы она курила дозу. Значит, кто-то заставил вдохнуть дым...

Внезапно девушка открыла глаза, сквозь прозрачную крышку саркофага улыбнулась. Лех невольно отметил, что девушку смело можно назвать красивой: правильные черты лица, сочные губы, золото с медью волос – не портит даже короткая стрижка. Тем временем взгляд спасённой сместился на Марко, она дико закричала, забилась в конвульсиях. Потом снова затихла от укола снотворного.

– Чего это она?

– А ты, Марко, похож на того, в плаще. Он тоже черноволосый, смуглый, нос с горбинкой. Действие эйфорина, если верить диагносту, сейчас перешло в депрессивную фазу.

– Тогда так, – начал отдавать указания Андрей. – Я вниз и вызываю полицию. Марко, ты со мной как свидетель. Лех,

останешься с нашей гостьей, чтобы не запаниковала. Если очнётся – и рядом никого.

Полиция приехала быстро, но поговорить с девушкой получилось не сразу – хотя к этому времени она уже пришла в себя. Когда её укладывали в саркофаг, сарафан второпях разрезали не жалея. Поэтому сначала пришлось минут пятнадцать ждать, пока городская почта доставит заказанное по Сети платье, потом уговаривать, что одно подаренное платье Леха не разорит. Не идти же ей общаться со следователем, завернувшись в одеяло? А дальше ловить гостью на лестнице – от предложенной Лехом руки девушка, покраснев, отказалась, но наркотик вышел не до конца, и координация движений была плохая.

Незнакомку звали Александрой, и приехала она с одного из провинциальных миров, работать бухгалтером в головном офисе хорошо известной на Орше корпорации «Сёренсен групп». Уже здесь и познакомилась с компанией молодых людей, среди которых был сын владельца фирмы: отец решил, что отпрыску будет полезно пройти все ступени служебной лестницы в семейном деле. Этот самый Дидрик парнем вроде был нормальным, не то что всякая золотая молодёжь. И когда начал с ней флиртовать, то Саша даже загордилась перед коллегами, даже втихаря мечтала – неужели в самом деле влюбился? Парень пригласил её на небольшую дружескую вечеринку, девушка согласилась без опасений. Вот только курить там кальян вместе с остальными она не стала:

после первой затяжки «за компанию» с непривычки закружилась голова, сделалось дурно, и Саша вышла прогуляться на свежем воздухе. Возле кафе её нагнал Дидрик, попробовал вернуть обратно силой... Но ему помешали.

– Госпожа Александра, продиктуйте, пожалуйста, где находится эта квартира.

Записав адрес, следователь быстро отдал несколько приказов по рации, после чего продолжил:

– Судя по показаниям господина Леха и господина Марко, можно предположить, что ваш спутник успел вдохнуть полную дозу и употребляет наркотик не первый раз. Поэтому вам лучше остаться под охраной, пока мы всё не выясним. Можете или проехать с нами в участок, или...

– Или пусть лучше посидит здесь, – продолжил Андрей.

– Не возражаю.

За ничего не значащими разговорами о всяких пустяках прошло два часа, когда, наконец, на коммуникатор Андрея пришёл звонок. Громкую связь Северин включать не стал, поэтому Марку и Леху оставалось лишь гадать, отчего его лицо становится всё смурнее, и с чем он соглашается.

– В общем, так, – начал Андрей. – Новости у меня почти сплошь неприятные. Притон они взяли. Вам, Александра, крупно повезло, что вы сделали всего одну затяжку и убежали. Две другие жертвы накачали наркотиками и изнасиловали. На этом хорошая часть заканчивается. Дидрика там не было. После того как его Марко и Лех обработали, пошёл

отлёживаться куда-то в другое место. Запись с наших камер тоже нечёткая, словно работал генератор помех.

– Это, наверное, модель, – тихонько сказала девушка. Остальные не поняли, и пришлось объяснять. – Дидрик ходит в клуб реконструкторов «Джеданы», они там копируют старую технику.

– А-а-а, – кивнул Андрей. – Наслышан от Коли. Формально, – пояснил он остальным, – клуб по интересам, там восстанавливают технику и образ жизни существовавшего на заре звёздной эры полурелигиозного ордена освоителей космоса. На деле – самая настоящая секта, хотя верхушку организации по этой статье уголовного кодекса пока ещё ни разу не удалось зацепить. Для нас дело принимает крайне неприятный оборот. Папаша теперь наверняка разберётся, с какой компанией связался отпрыск, и примется отмазывать сынка вдвое сильнее. Ваши показания как сотрудника фирмы отца Дидрика суд не примет, запись с камер кафе порченная, остальные видели парня мельком. Свидетельства наркоманов из притона тоже юридической силы не имеют. Вам надо срочно увольняться, пока господин Сёренсен не превратил жизнь в ад.

– У меня корпоративный контракт на столичный округ, – еле слышно пролепетала Александра. – Я не имею права уехать.

Мужчины переглянулись, хотелось выругаться. Корпоративные контракты были придуманы для защиты иммигран-

тов со слабо развитых планет от произвола крупных компаний – но те в ответ быстро нашли способ с помощью «дополнительных приложений» превращать работников в крепостных. По требованию Леха девушка запросила текст договора, и обитатели кафе принялись внимательно разбирать пункт за пунктом, выискивая лазейки.

– Вот, – Марко чиркнул ногтем по распечатке. – Бухгалтером вы работу найти не сможете ещё года три, как и не сможете до окончания действия договора уехать из столицы. Но трудоустройство без предъявления диплома не запрещено.

– Но я больше ничего не умею...

В уголках глаз выступили слёзы. В ответ Андрей и Марко посмотрели на Леха.

– Да понял я, понял, – владелец кафе шутливо поднял над головой руки. – Сдаюсь. И помню, что сам всего неделю назад предлагал искать помощницу. Пани Ольга, вы согласны?

– Согласна, – выдавила из себя девушка. – Только я Александра. Или Саша.

– Нет уж, – улыбнулся Андрей. – Привыкайте. Если Лех уж признал вас «своей», то пани. А если пани – то на его родине ваше имя для друзей звучит как Ольга.

Работа в кафе Александре показалась жутко сложной, куда труднее привычной цифири и возни с законами. Как разобраться, когда улыбайся – а когда будь серьёзной? Успей убрать, запомни сразу несколько заказов, принеси или объ-

ясни, что блюдо ещё готовится на кухне? Вот у Леха и Марко всё получалось как-то само собой. А она мало того что неуклюжая, так если и пытается им подражать, то всегда невпопад. Ошибаться же вдвойне страшно, вдруг передумают и выгонят? Тогда останется только помирать от голода под опорой городского монорельса...

Остальные обитатели кафе над страхами, которые были так и написаны на лице девушки, только негромко посмеивались. Пусть только придёт в себя, поймёт, что сдерживаться и притворяться забитой «серой мышкой» больше не нужно – остальное наладится само собой. Главное – что девушка вовремя сумела поменять работу, и ни Дидрик, ни его отец ничего не могли поделать. Хотя парень и попытался: меньше чем через неделю он пришёл в кафе «мириться». Сначала ультимативно потребовал от девушки сходить с ним «уладить одно дело»... А когда Саша отказалась – прямо в зале начал скандалить и настаивать пойти вместе с ним к отцу и подтвердить, что Дидрик ни при чём, и что его в том притоне вообще не было. Девушка испуганно отступила назад, Дидрик потянулся, явно намереваясь увести силой... Продолжения никто ждать не стал. Из-за ближайшего столика встали два здоровенных докера и помогли Леху вытолкнуть парня на улицу.

Сёренсен-старший отреагировал на визит отпрыска на Лесную улицу сразу же. На следующий день Саша пришла на работу напряжённая, как струна, всю смену ошибалась, буд-

то первый день в кафе. А когда ушёл последний посетитель, и Александра начала собирать чашки, то вдруг споткнулась, поднос с посудой полетел на пол, а девушка села прямо посреди осколков и разревелась. Успокаивать её пришлось долго. Наконец, сквозь всхлипы Саша смогла хоть что-то объяснить, выяснилось: господин Сёренсен нашёл чем её прижать, «чтобы шлюшка и наркоманка больше не клеилась к его сыну». Согласно тому же контракту, работники жили либо в общежитии, либо на съёмной квартире. Во втором случае фирма брала на себя часть расходов, но требовала согласования договора найма – то есть могла наложить вето на любую квартиру. А за общежитие со следующего месяца корпорация потребовала такую арендную плату, что не хватит и двух зарплат.

Договорив, Саша вновь зарыдала в голос. Андрей на это вдруг пристально посмотрел на Леха. Тот испуганно отшатнулся:

– Ja pierdole³, дядя Андрей! Вы это серьёзно? Я... Я не...

– У нас есть другой выбор? Если уж мы взялись помогать, то бросать в беде нельзя. И где ты предлагаешь? У меня – это зарегистрировать ещё одного человека на доступ в комнату с сейфом. С учётом запроса на родину Ольки – неизвестно сколько. У Марко всего одна комната, неприлично. А у тебя большая квартира. Выделишь гостевую спальню, поставим в

³ Ja pierdole (польск.) – междометие, означающее удивление. Что-то вроде русского сленгового «блин», «это самое»

дверь замок. Олька, вы не против?

– Не против, не против, – ответил за неё Марко. – Выбора у нас и правда нет.

Сашины вещи Лех перевозил на своей машине, и в виде компенсации с удовольствием поругался с юристом, который требовал «согласования договора найма и осмотра квартиры». А получив в ответ, что девушка просто переезжает к нему без денег, замер с открытым ртом. Когда же Александра добавила, что, мол, может, она вообще надумала выйти замуж, скоро сменит регистрацию на местную, и ей все запреты работать будут вообще без разницы – юрист стал похож на карася на сковородке. Лех же демонстративно взял девушку под руку, усадил в машину, после чего заговорщически подмигнул собравшимся на скандал зевакам.

Стоило им отъехать, как Александру будто подменили. Она испуганно сжалась, постаралась как-то отодвинуться и жалобно сказала:

– Вы... Вы меня извините. Я... Я ничего такого... Я даже никогда и не думала...

– Да ладно тебе, – чуть натянуто улыбнулся в ответ Лех. – Ты молодец, сыграла, будто заранее договорились. Этот Сёренсен, конечно, сволочь, но человек умный. *Czego oczy nie widz, tego sercu nie al*⁴. Приглядывать насчёт чем тебя прижать, если подвернётся случай – будет. Но специально копать поостережётся, наверняка уже навёл справки, кто такой

⁴ *Czego oczy nie widz, tego sercu nie al* (польск.) – С глаз долой – из сердца вон

дядя Андрей.

Дома Лех предложил выбрать любую из двух гостиных, показал, где ванная и кухня, а где его кабинет и спальня – и куда заходить запрещено. После чего сухо попрощался и ретировался: в кафе Лех привык общаться с самыми разными людьми и в любой ситуации, но присутствие в доме постороннего человека вызывало растерянность. Поэтому и на вопросы товарищей «как прошло» Лех лишь ограничился коротким пересказом событий. Андрей в ответ только многозначительно хмыкнул, за что тут же удостоился укоризненного и негодующего взгляда. Марко же, наоборот, обеспокоенно сказал, что это для Сёренсена-старшего намёк со свадьбой более чем понятен. А вот с Дидриком всё не так просто. Если верить кое-каким слухам, отец собрался его отправить на перевоспитание в какой-то из окраинных филиалов. Потому-то парень вокруг Ольки и кружит, считает, что её слова могут помочь оправдаться. Но самое неприятное: у любителей курить эйфорин мозги работают набекрень. Запросто может поверить, что это Саша всё и подстроила, чтобы «оттолкнуть его ухаживания и окрутить выгодного жениха».

Леха слова Марка было встревожили: Дидрика и в самом деле видели пару раз недалеко от кафе уже после «попытки мириться». Но вскоре в город к родителям удачно заехали Ирэна и Ли, и через них выяснили, что Сёренсен всё-таки загнал парня в одну из клиник лечиться от наркозависимости.

мости. Да и место младшего менеджера на одной из дальних транспортных баз Дидрика уже ждёт, стоит ему только выйти из больницы. Поэтому на ближайшие три-четыре года про парня можно забыть, тем более что и без надуманных страхов Александра и Лех умудрялись доставлять друг другу немало неудобных моментов. Саша никак не могла привыкнуть, что хозяин квартиры с женщинами вежлив даже в мелочах, например, свой плащ с вешалки не снимет, пока не поможет ей одеться. А Лех... Первым делом, желая хоть как-то отблагодарить за гостеприимство и помочь в меру своих сил, девушка решила прибраться в квартире. Хозяин не знал, ругать или хвалить: достаточно переложить кое-какие вещи, чуть изменить настройки освещения и убрать пыль, не доверяя автоматическому пылесосу, как жильё становится намного уютнее. Вот только в результате получается уже не его привычная холостяцкая квартира! Второй сюрприз девушка преподнесла, когда заглянула в холодильник и обнаружила только остатки каких-то полуфабрикатов. Приехав в кафе, Саша спросила: а где уважаемый хозяин обычно покупает продукты домой? Ведь если обедать можно в кафе – то отправляться работать на пустой желудок неправильно. Лех в ответ буркнул нечто маловразумительное, а Марко и Андрей смеялись до слёз: оказывается, хозяин самого известного во всей округе заведения не умеет готовить. Кончилось тем, что, слегка успокоившись, Андрей весело пообещал «сделать из пани Ольки приличного подмастерья». А

когда девушка испуганно попыталась отказаться, мол, у неё к этому таланта нет, отрезал: «Повара я из вас и не собираюсь готовить. Да и поздновато переучивать. Но вот я буду не я, если не выучу хотя бы до сносного уровня». После чего командным взором зыркнул на Леха, который уже собирался что-то возразить... Слова протеста застряли где-то поперёк горла. И пришлось, вместо того чтобы встречаться с Александрой только за час до начала работы кафе, будить девушку прямо с утра и везти к Северину. Впрочем, через месяц Лех даже начал находить какое-то удовольствие в том, что и дом теперь прибирает женская рука, а не глупая автоматика, и что завтракаешь нормальной кашей, а не наспех разогретыми пельменями или пиццей. Освоилась понемногу и Саша. Уже не пряталась вечерами сразу же в свою комнату, в кафе не боялась разговаривать с посетителями и даже пыталась шутить в ответ.

А в августе стало не до мелких разногласий. Лех наконец-то решил превратить летние столики под навесом в отапливаемую веранду, заказал ради этого огромные фото-стёкла и специальные проекторы объёмных иллюзий. Тут-то и возникла проблема. Стёкла могли поэлементно менять цвет и прозрачность, образуя настоящие картины, проекторы могли сотворить хоть собаку, хоть солнечный протуберанец... Но чтобы всё работало, нужны были видеоролики и сменные рисунки. Не меньше сотни только на один вариант дизайна. А в идеале – вообще три или четыре разных темы

оформления, которые раз в две-три недели будут сменять друг друга. Вот только цену профильные фирмы запросили такую, что оставалось растерянно чесать в затылке. Споры и обсуждения шли каждое утро на протяжении недели, пока однажды Саша вдруг робко не сказала.

– Я... Я могу попробовать. Я дома рисовала и даже заочно факультет дизайна закончила, – девушка покраснела.

– Как же вы, милая, бухгалтером-то к нам попали? – улыбнулся Андрей.

– Я... Я... Дизайнеры с чужих планет никому не нужны, а экономфак нашего Политеха я по желанию мамы закончила. Она всё хотела, чтобы я куда-нибудь переехала. А потом вербовщик от корпорации на Оршу предложил... Только у меня диплом дома остался... Ой. Копию пока закажешь...

– Ну, я не рекламное агентство, – усмехнулся Лех. – Мне бумажки без разницы, если вы сумеете сделать дешевле, чем наши пролоты.

– Да я и просто так сдела...

– А вот про это, пани Олька, даже не заикайтесь, – резко оборвал её Лех. – Чтобы я – и заставлял кого-то работать задаром? Не позорьте.

– Хорошо, – кивнул Андрей. – Только ей понадобится терминал с доступом к фотоматериалам центральной городской библиотеки. Лех, ты же вроде у себя дома заказывал полный пакет услуг?

На этих словах Лех поперхнулся, улыбка мгновенно

сползла с его лица. Терминал у него, конечно, был... Но стоял он в кабинете, последнем убежище одинокой холостяцкой жизни. Даже убиралась там по-прежнему только автоматика. Взгляд заметался между Андреем, девушкой и стопкой прайсов дизайнерских фирм, зацепился за цифру «стоимость одной полной темы оформления»... И крепость пала:

– Ладно. Будет ей доступ.

Впрочем, всё оказалось не так уж и страшно. Первую неделю Саша тихонечко сидела у терминала, выискивала нужные ролики и фотографии и пыталась не мешать Леху работать. Потом как-то случайно подошла посоветоваться, какой из вариантов Леху нравится больше, заметила, как у хозяина кафе что-то не ладится с налогами – и будто само собой вспомнилось, что не зря она целых полтора года отработала в крупной корпорации. И может дать кое-какие полезные советы по документации. Через пару дней Лех пригласил девушку подумать над очередной ведомостью уже сам... А дальше каждый вечер, едва Саша заканчивала свою работу, то подсаживалась к Леху помочь проверить очередную бухгалтерскую всякую всячину. Когда Андрею пришёл конверт с печатью Службы Безопасности, Лех даже не поинтересовался: не долгожданные ли это результаты проверки и нельзя ли, наконец, переселить беспокойную соседку?

К концу сентября Саша закончила первую тему – «золотая осень» – и вывела её на фотостёкла. Все ахнули. Марко даже попытался проверить, не растворились ли стены и не

заглянул окружающий лес прямо в кафе. А Лех, едва к нему вернулся дар речи, восхищённо сказал.

– Всё, пани Олька. Готов сам работать официантом и поселить вас в кабинете – лишь бы поскорее увидеть следующую тему. Но сперва... Во-первых, это вам, – он передал смущённой девушке небольшой пластиковый листок, – уведомление, что деньги переведены на ваш счёт. А во-вторых. Помнится, я обещал, что если у меня не будет ни одного замечания к работе, с меня подарок.

– Господин Лех, да не надо, – залепетала девушка. – Я...

– Нет-нет, – рассмеялся хозяин кафе. – Обещание положено выполнять. Но, если позволите, объясню не сейчас, а после закрытия. Мне надо будет ещё кое-что подготовить.

Весь день Александра проходила словно на иголках. Вечером, едва кафе закрылось, Лех заявил, что дальше справятся и без них, после чего посадил девушку в машину и повёз чуть ли не через половину города. Остановились они возле какого-то салона красоты, там их сразу без очереди отвели в кабинет, где уже ждала немолодая улыбчивая женщина. Лех пояснил, что это, мол, лучший визажист в городе, и хотя пани Магда уже отошла от того, чтобы «наносить боевую раскраску» лично, но сегодня по просьбе давнего друга сделает всё сама. Только сначала пани Олька должна примерить вечернее платье... После чего вручил девушке роскошный чёрный с серебром наряд и отправился ждать на улице.

К машине девушка вышла только через час, незаметно по-

любовалась собой в витрине соседнего магазина, после чего спросила:

– И зачем?

Лех выдал одобрительный возглас, поцеловал руку «ослепительно красивой леди» и объяснил:

– Помнится, кто-то говорил, что мечтает хоть раз посмотреть на подлинники картин Салазара Рича. Тех самых, которые меняют перспективу и даже часть рисунка при смене освещения. Так получилось, что из Метрополии по заказу некоего ценителя привезли большую, на целых десять работ, выставку. Сегодня будет один из закрытых показов. Директор космопорта кое-чем мне обязан, так что сумел организовать именно приглашение, по которому я могу провести с собой ещё одного человека.

– А потом вино, танцы, и меня потащат в постель? – резко и холодно отрезала Саша и вырвала руку из ладоней Леха. – Нет уж. Хватит с меня таких опытов. До сих пор расхлёбываю.

– Пани Олька, как вы могли про меня так подумать, – искренне возмутился Лех. – Если бы вы проиграли наш уговор, я просто отправился один. А сейчас поехали. Нехорошо опаздывать.

Александра было заколебалась, Дидрик тоже начинал ухаживания с билетов, только в голографический кинотеатр. С другой стороны – увидеть хоть один подлинник Салазара Рича она мечтала уже много лет. Возможность коснуться

мечты пересилила, и девушка согласилась. Разве что сердито зыркнула и холодно отказалась, когда спутник попытался было помочь сесть в машину: мол, в вечернем платье самой не очень удобно. Лех на это пожал плечами и молчал всю дорогу.

Картины оказались намного прекрасней, чем их могла повторить любая видеосъёмка – и намного восхитительней, чем Саша представляла их в своём воображении. Да и Лех сопровождающим вышел замечательным и очень тактичным. Рядом с девушкой появлялся ровно тогда, когда был нужен и вежливо исчезал, если Александра хотела почувствовать себя свободной от опеки. Вечер оставил после себя какое-то тёплое и радужное настроение. Не смогла его испортить даже случайная встреча на последовавшем банкете с господином Сёренсенем. Наоборот, было смешно, что бывший работодатель её не узнал и несколько минут расточал вежливые комплименты спутнице Леха.

Следующую тему «первый снег» Саша показала спустя две недели, и второй подарок взялся организовывать Андрей. Заявил, что теперь его очередь. Так Александра оказалась на закрытом показе новой коллекции флаеров премиум-класса. Многие лица были ей знакомы: приехав на Оршу, девушка внимательно следила за новинками в области дизайна, старательно знакомилась с фирмами и биографиями самых популярных модельеров, художников и дизайнеров. Мечта сбылась – её не просто пригласили одним из безликих

внештатных сотрудников, а представили как «подающий надежды молодой талант». Несколько обитателей Олимпа моды даже попросили её прислать для ознакомления свои работы. Полгода назад Александра о таком не осмеливалась даже задумываться, три месяца назад она была бы вне себя от счастья, что скоро сможет не работать официанткой... Но сегодня почему-то новость принесла лишь хорошее настроение, а общение со вчерашними кумирами воспринималось только как удачно проведённая деловая встреча.

Третью тему «Весна» Саша делала вдвойне тщательно, ведь её придётся высылать «на рассмотрение» как портфолио. И если результат понравится – девушке предложат заключить контракт. Ответа Александра ждала затаив дыхание весь остаток ноября. А прочитав самое настоящее письмо на фирменном бланке, издала такой дикий и радостный вопль, что Лех вывалился из своей спальни в одних штанах. Объяснив, что подумал: это ревёт сирена, оповещающая о набеге на поселение стаи сумеречных волков. Правда, узнав в чём дело, смягчился, галантно поцеловал руку враз покрасневшей девушке... И ушёл досыпать дальше. Саша на это почему-то немного обиделась, хотя так и не сумела разобраться – из-за чего.

А дальше... Отпускать девушку одну на переговоры мужчины категорично отказались. Деловой жилки в ней не было, поэтому чтобы молодому таланту не навязали ещё один кабальный договор, кто-то должен Александру сопровождать.

Тут-то неожиданно и возникли трудности. Марко был слишком молод, да авторитета в бизнесе никакого. Лех не вовремя заболел: вести повседневные дела в кафе худо-бедно ещё мог, но для серьёзных дел «голова варила плохо». Андрей же... Началось всё с того, что на следующий день после письма с приглашением незадолго до закрытия в кафе заглянул невысокий пожилой мужчина с коротко стриженными седыми волосами. И костюм, и плащ были совершенно гражданскими, да и в манерах не было заметно никакой строевой выправки. Но почему-то и Северин, и оба пилота, рядом с чьим столиком стоял в этот момент отставной капитан, вдруг вытянулись во фронт. Взгляд у них при этом был такой, словно в кафе заглянул лично Господь Бог. Гость тем временем сел за свободный столик, тихим голосом попросил кофе. Саша, когда вернулась обратно к стойке, тихонечко спросила, в чём дело. Лех в ответ коротко пояснил:

– Сам я от военных дел человек далёкий. Но живя рядом с космопортом поднаберёшься. Это же сам Александр Рот. Не знаю уж, как его к нам занесло.

Девушка кивнула, потом в укромном уголке быстро вышла с коммуникатора в Сеть и набрала биографию. Ну адмирал, ну герой, архитектор победы под Бретонселью. Ну человек, который не проиграл ни одного сражения, даже если врагов попадалось впятеро больше. Для неё – клиент как клиент. Хороший клиент: вежливый, не шумит, заказал только кофе и десерт, а не длинный список всякой всячины,

половину которого забудешь раньше, чем успеешь записать в блокнотик. Вот только этот самый адмирал повадился ходить каждый вечер, пояснив, что на Орше он по делам, заглянул в кафе по рекомендации коллеги – и лучшего кофе и десертов не видел нигде. Поэтому если хозяева не против, будет заглядывать и дальше... Для Александры это означало, что с контрактом дизайнера придётся ждать выздоровления Леха. Андрея из кафе теперь не вытащишь даже клещами – вдруг адмирал заглянет ещё и днём.

Второй понедельник декабря Саша встречала с какой-то грустью. Слякоть, наконец, закончилась, снег укрыл дома и мостовые пушистым покрывалом. Настроение по идее должно быть такое же чистое и светлое, как и сияющий белизной город. Лех выздоровел, через два дня она подписывает контракт дизайнера – и покинет кафе. А вскоре после этого, наверняка, распрощается и с Лехом – пары гонораров и накопленных сбережений должно хватить на покупку какой-нибудь комнаты. Вот только почему-то на душе скребли кошки и хотелось... Хотелось, чтобы ну хоть что-то пошло не так – наверное, поэтому Саша единственная не удивилась, когда адмирал Рот не ушёл как обычно за полчаса до закрытия, а остался последним посетителем.

– Перед тем, как задать вопрос, – начал адмирал, когда никого лишнего в зале не осталось, – хотел бы сказать, что к вам в кафе я пришёл случайно. И никак не в связи с нынешним делом. Но пару дней назад меня попросили об од-

ном одолжении, и я согласился. Речь пойдёт о вашей первой встрече, господин Марко, с капитаном Северином.

Марко резко подобрался, потом посмотрел на Андрея и снова повернулся к адмиралу.

– Это не только моя тайна. Но если мастер Северин не возражает...

– Не возражаю.

– Тогда, – Рот вытащил из кармана серую пластиковую карту. – Говорить, наверное, лучше здесь. Ваша квартира, капитан, отлично защищена. Но вот что касается вас, господин Лех и госпожа Александра... У меня нет причин в вас сомневаться, ручательства капитана Северина более чем достаточно. Но речь пойдёт про очень неприятные вещи. Поэтому чтобы не легла даже тень подозрения, что вы присутствовали при нашем разговоре... Я прошу вас прямо сейчас отправиться вдвоём в какой-нибудь солидный ресторан, работающий до утра. Скажем... в «Золотую корону». И оставаться там, пока я не позвоню. Расходы возьмёт на себя моё ведомство. Расплачивайтесь вот этой картой, она записана на ваши имена.

«Корона» Сашу не впечатлила. Обилие позолоты, хрустала, вежливые официанты, изысканное меню. А ещё через столик – то банкет, то застолье. И со всех сторон несутся поздравления с очередной свадьбой: ресторан был известен тем, что сюда ездили отмечать помолвки. И никак не понять, что раздражает больше: фальшивые наигранные улыбки

ки официантов и гостей – или крики «счастья молодым». Лех явно тоже чувствовал себя здесь не в своей тарелке, поэтому стал даже предупредительней и тактичней обычного... и постоянно приглашал девушку танцевать. Причём последнему Александра была несказанно рада, хотя и запретила себе думать, почему.

По договорённости Лех звонил Андрею каждый час, поинтересоваться «не закончен ли разговор» и продемонстрировать лица, измученные посиделками в ресторане. Позже Андрей вспоминал, что как раз посмотрел на часы и отметил про себя – разговор затянулся, скоро полночь, когда раздался очередной звонок от Леха. Причём звонок по особой линии через коммутатор центрального полицейского управления. Андрей озаботился сделать такую после случая с Маддлем Фордманом.

– Идея прогуляться с девушкой в «Золотую корону» оказалась очень неудачной, – видеосвязи не было, голос Леха звучал ровно, но явно наигранная бравада выдавала напряжение. – Я, прошу прощения за подробности, в туалет отошёл. А тем временем торговый центр захватили интересные молодые люди в серых балахонах, масках и с оружием. Причём полиция явно не в курсе, связь посетителям отрубили чисто. Я тут аккуратно понаблюдал, как ещё один счастливчик поднять тревогу пытался. Так ему на звонок явно имитатор ответил. Потому что сам слышал слова «ждите, вызов принят». А через минуту заглянули знакомые серые мальчи-

ки – на улице же по-прежнему ни одной сирены.

В антикризисный центр Рот и Северин домчались уже через полчаса. Адмирала знали хорошо, поэтому пропустили сразу. Андрея вместе с ним: капитан надел китель с капитанскими погонами и знаками различия спецвойск. Пояснения давал сам начальник криминальной полиции города.

– После твоего звонка, Андрей, я поднял тревогу. Повезло, что уже ночь, и Лех сумел нас вовремя предупредить. Магазины верхних этажей пусты, террористы до начала эвакуации успели захватить только ресторан, уровень голотеатров прямо под ним и один из этажей развлекательной зоны. Оставшихся посетителей, хоть и под огнём, удалось вывести. В остальном ситуация, скажу, хреновая. Это тот самый клуб реконструкторов. Служба безопасности уже арестовала верхушку, хоть глава секты и пытается отвертеться – сядет он надолго. Но для нас сейчас имеет значение только одно: джеданы сумели построить действующие комплексы «Маркер». Один из руководителей террористов – сын владельца здания, некий Дидрик Сёренсен, поэтому комплексы не просто протасили в здание, но и заранее обустроили под них стрелковые точки. Как минимум четыре штуки.

Северин и адмирал Рот синхронно поморщились. «Маркер» был для своего времени уникальной системой, способной поражать как наземные, так и воздушные цели. Конечно, военная техника ушла вперёд – но полицейским флаерам хватит, их броне до аэрокосмических десантных ботов дале-

ко.

– Это ещё только начало, – продолжил Николай. – Анти-террор попытался атаковать через лифтовые шахты. Но те успели заминировать термическими зарядами. Ребят взяли прямо внутри: либо сдаются, либо их зажарят. Не знаю уж, с чего эти джеданы начали именно сейчас...

– Это просто, – быстро ответил Андрей, – если заправляет именно Дидрик. Он явно занимал в секте немаленький пост. Вот только теперь ему грозит лишение наследства, да вдобавок отец вышлет его года на два на окраинную базу. После такого джеданам Дидрик будет не нужен, его выбросят и забудут. Добавь, что Леха и Ольку видели вместе на выставке Салазара Рича, к тому же слухи про якобы свадьбу. И то, что у богатой молодёжи принято официальные помолвки заключать именно в «Золотой короне». Дидрик наверняка решил, что «девушка отшила его, чтобы окрутить другого выгодного жениха, а сегодня отправилась праздновать победу». Вот и сработало раньше, чем ожидал глава секты.

– Для нас дело плохо вдвойне, – вмешался в разговор один из помощников Николая. – Руководит, как я понимаю, нервный псих и наркоман. Рядовые сектанты тоже любят баловаться психоактивными препаратами и сейчас, наверняка, глотают новые дозы. Мы не успеем ни договориться с военными или эсбешниками, ни перебросить антитеррор из другого города. А гнать в атаку обычный спецназ районных префектур...

– Положим половину заложников, – закончил Николай.

На какое-то время разговор затих. Андрей дождался, пока помощник отошёл подальше и тихонько обратился к Николаю:

– Крон. Ты же сам понимаешь, что вариант только один. Ладно, судя по вот этому, – Андрей положил ладонь на распечатки с полицейских сканеров, – там дилетанты. Но скоро они догадаются не держать всех заложников в одном зале, а использовать как живой щит для своих постов. Заодно расстрелять парочку для запугивания.

– Как ты собираешься пройти? Здание всё в камерах и датчиках, серверная под контролем джеданов. Кроме двух нижних этажей, мы их отключили перед первой атакой. Но если попытаемся отключить и остальные, они начнут убивать заложников немедленно.

– Не всё. Шахта центрального мусоропровода. Про неё, судя по всему, забыли не только твои чистоплюи, но и джеданы. Впрочем, понимаю, – усмехнулся Андрей. – Чтобы обмануть систему контроля, ползти придётся не в удобном скафандре, а в одном комбинезоне и респираторе. Холодно, воняет...

– Один ты не справишься. Я с тобой...

– Нет, – жёстко остановил Андрей. – Коля. Я не уверен, что твои ребята настолько уж шаблонно мыслят. Возможно, про лифты кто-то подсказал или приказал. А штурм силами спецназа префектур должен начаться, как только мы возь-

мём под контроль зал с заложниками. И счёт в этот момент пойдёт на секунды. Ты можешь поручиться, что выбранный тобой заместитель не связан с сектой?

– Один ты не справишься.

– Позвольте мне, – вступил вдруг Рот. – После училища я был третьим пилотом линкора. А пока на действующей службе, даже адмиралу форму потерять не дадут.

Северин тут же кивнул: годится. Третий пилот линкора водил в том числе и челнок абордажной партии, время от времени тоже участвуя в бою. И если уж не верить на слово адмиралу Роту – то никому не верить. Оставалась последняя деталь...

– Лех, – вызвал Андрей, перед тем как залезть в шахту. – Ты можешь отказаться...

– Ольку я не брошу, – резко ответил Лех.

– Хорошо. Сможешь ровно через пятнадцать минут отвлечь джеданов?

– Хоть всю секту, – на другом конце слышалась усмешка. – Я тут в своё время покопался в истории ордена-прообраза. Там для дальних экспедиций целый ритуал насчёт взаимоотношения полов был разработан. Я сдамся, обвиню этого Дидрика, что он в нарушение обычая присвоил мою женщину, потребую судебного поединка. Они клюнут.

– Тогда... отсчёт времени пошёл.

Андрей переживал все метры, пока полз вверх через отбросы. Коммуникатор Лех выбросил сразу после звонка, от-

правившись «сдаваться». Поэтому в случае заминки предупредить его не получится. И если на общем штурме это не скажется, то вот для самого Леха нестыковка по времени может закончиться печально. Достигнув нужного уровня, посторонние мысли капитан задавил: дальше он обязан стать холодной боевой машиной. По тонкому проводу, который тянули за собой атакующие, вниз ушёл незаметный сигнал. Сразу после этого в здании отключилась энергия, а само оборудование получило волновой удар, этого было достаточно, чтобы ослепить все камеры и датчики почти на три минуты. Северину и Роту хватило двух. Направленный взрыв сначала выбил стенку между мусоропроводом и кинозалом, тут же в потолок полетел сейсмодатчик, вычисливший положение мины. А дальше против террористов сработала нехватка опыта: для надёжности всех заложников собрали в самом центре этажа, в одном из залов ресторана, в другом углу комнаты заложили заряд, способный мгновенно превратить людей в пепел. Но сама взрывчатка была предназначена для горных работ, поэтому детонировала лишь от специального запала. И когда ещё один взрыв заставил бомбу провалиться сразу на два этажа вниз, заряд даже не отреагировал. Не успели ничего понять и охранники – две ворвавшиеся в пролом фигуры начали стрелять раньше, чем кто-то успел схватиться за оружие. А дальше по одной из зенитных установок отработал штурмовик – в отличие от пехоты, для стратосферной авиации полномочий адмирала хватило приказать

напрямую. И через непростреливаемый сектор в здание во-
рвался спецназ.

Леха и Сашу нашли не сразу. Оказалось, их как раз вели в импровизированный судебный зал, где Дидрик должен был ответить на обвинения. И когда отключился свет, началась стрельба, всё заволочло дымом – Лех схватил девушку и за-
тащил в какую-то подсобку. Откуда они вылезли, лишь за-
метив в одном из отрядов Северина.

– Живы! – Андрей сгрёб обоих в объятия.

– И почти целы, – скромно ответил Лех, не отпуская руку девушки. – Но вот Ольку я бы отвёл к врачу. Дидрик на ра-
достях от встречи поставил ей пару синяков.

– Вниз. Медики уже наготове.

В вестибюле Саша вдруг остановилась, сделала шаг в сто-
рону и спросила.

– Лех. Прежде чем... Ответь. Те слова, которые ты гово-
рил. Что любишь и хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж.
Это только для видимости? Чтобы обмануть этих? Или...

– Ты иногда такая у меня глупая, – Лех притянул девушку
к себе и поцеловал. – Ну конечно я всерьёз. А ещё, я никогда
от своих слов не отказываюсь.

– Поздравляю! – раздался за спиной голос Андрея. – А я-
то всё гадал, решитесь вы объясниться – или нет.

– А меня на свадьбу пригласите? – добавил стоявший ря-
дом адмирал.

– Обязательно! – почти хором сказали остальные трое. А

Андрей добавил: – Раз уж предложение девушке прозвучало в такой необычной обстановке – то и свадьба должна быть необычной. Так что пусть гостями будете и вы, и Коля. Да и остальных ребят, которые помогали выручать, – Андрей повёл рукой, показывая на улыбающихся спецназовцев, – надо обязательно пригласить. Сделаем самую великолепную и необычную свадьбу во всём городе!

Все рассмеялись, а Андрей хитро подмигнул и залихватски щёлкнул пальцами.

Ведь кафе на Лесной улице – необычное кафе.

Часть II. Звёздными тропами

Дознание

Корабль горел. В космосе привычного огня быть не может, но иначе как пожаром это назвать не получалось: вспышки и языки оранжево-багрового пламени вырывались наружу через огромную пробоину в кормовой части, жадно лизали обшивку и ползли к носу, стремительно захватывая всё новые и новые участки. Словно пылал древний парусник, а не сверхсовременное творение человеческой мысли. Какое-то время пустота рядом с гибнущим судном оставалась чёрным безразличным ничто, но вот пространство вокруг крейсера сначала украсил фейерверк бросившихся в разные стороны искр-спасательных капсул, а едва поле зрения покинула последняя уносящая людей звёздочка, брошенный корабль вспух ослепительным огненным цветком...

Изображение замерло, потом резко уменьшилось и застряло в центре зала. Точно посередине между вытянутым полукругом столов, за которыми расположились члены комиссии, и стулом у противоположной стены, где сидел капитан-испытатель опытного крейсера «Беркут».

– Итак, капитан второго ранга Ренуар, комиссия в составе...

Слушая, как председатель дотошно зачитывает имена, звания и регалии членов комиссии, адмирал Рот мысленно зевнул. И откуда пошёл миф, что только у невысоких людей возникают комплексы из-за роста? Вот, например, сам он своих метра семидесяти никогда не стеснялся, ни в молодости в училище, ни теперь, перевалив за полдень своей жизни. Да и знаменитые тёзки, что Македонский, что Суворов, тоже были невысокими – но добиться успеха им это не помешало. Зато нудно бубнящий в микрофон господин Хоффман – наглядный пример высокого роста, который вместе с внушительными габаритами привёл к комплексу излишней полноценности. Пустое место, зато старается по любому поводу показать свою значимость, дай только возможность. Например, как сейчас, когда пытается заставить капитана ощутить: тут собрались не абы кто, а военно-технические сливки. Потому к председателю, под началом которого такие светила, необходимо относиться с особым пиететом... перечисление наконец-то закончилось, и прозвучал сам вопрос.

– Скажите, почему вы отдали приказ покинуть корабль?

– Я опасался неконтролируемого резонанса сердечников реактора и, как следствие, ускорения распада внешней брони или взрыва.

– Но, как показала запись, даже под управлением автоматики энергетическая установка оставалась стабильной ещё десять минут. И как показали проверки на заводском полигоне на втором экземпляре прототипа, за это время вы гаран-

тированно успевали остановить распад и восстановить защиту реактора. Спецификации материалов корпуса вам были хорошо известны. К тому же, как следует из той части записей чёрных ящиков, которую бортовые системы успели передать... – председатель замолк, пока звучал нужный кусок переговоров. – Инженерная служба доложила, что скорость распада снижается. Но вы приказали оставить судно.

– Приоритетом во время испытательного полёта остаётся безопасность экипажа.

Ответ прозвучал ровным тоном, но Рот заметил, как председатель на мгновение поморщился. Видимо, дурак решил, что ответчик намекает на незнание Хоффманом раздела устава для испытателей. Какое-то время капитан говорил про опасную нештатную ситуацию, особенно с учётом первого испытательного полёта, затем главе комиссии надоело, и он бросил: «Достаточно». Дальше, по идее, председатель должен был подписать сегодняшнюю стенограмму – со своего места Александр видел, как Хоффман потянулся за электронным маркером. И заседание будет закончено.

Внезапно от левого края столов раздался вопрос:

– Капитан Ренуар, вы же по первой своей специальности навигатор, а после этого ещё и проходили повышение квалификации как энергетик-навигатор?

– Да.

Хоффман демонстративно сморщился, будто проглотил лимон. А Рот с интересом начал разглядывать смельчака, ко-

торый то ли намеренно не заметил намёков председателя, что разговор с капитаном закончен, то ли попросту не обратил внимания... с гражданских станется. Скорее последнее – насколько смог вспомнить пожилой адмирал, худой как щепка мужчина с острыми чертами лица был приглашённым гражданским экспертом. Какое-то там светило в области физики, разбирающееся в теоретических основах нового типа реактора. Тем временем профессор – Александр даже смог вспомнить его фамилию, Чарский – продолжил:

– Информацию с борта о состоянии реактора чёрные ящики передать не успели, но вы наверняка должны были запомнить сводные данные, которые подавались на мостик.

В ответ посыпались цифры, чуть не вогнавшие остальную комиссию в сон. Деятельным остался лишь профессор. Он несколько раз переспрашивал, уточнял и, лишь выяснив все подробности, к облегчению остальных заявил: «Больше вопросов нет». После чего председатель быстро, словно испугавшись, вдруг Чарский передумает, поставил под протоколом завершающую подпись.

В последующие дни повторялось то же самое: профессор задавал вопросы, соблюдая лишь нормы вежливости, и демонстративно не замечал ни намёков, ни желания закончить всё побыстрее. В отличие от коллег, Чарский искренне пытался разобраться, в чём дело... и от этого на душе адмирала Рота становилось погано. Потому что он со своим огромным опытом штабных интриг ещё до вводного заседания угадал

результат, который ждут от комиссии. Едва узнал, что проектом командовал родственник военного министра, а председателем комиссии назначен Хоффман.

Идиотизм ситуации был в том, что сам начальник проекта мужиком, в принципе, был неплохим. И пусть звёзд с неба не хватало, всегда честно старался выполнять свою работу. И если бы выяснилось, что ошибся именно начальник проекта – честно принял бы все последствия на себя... потому Хоффман и решил воспользоваться шансом, а потом намеренно военному министру, из какой «нехорошей ситуации» он вытащил его родственника. Козлов отпущения выбирали из экипажа судна или конструкторов. Впрочем, особого выбора и не было: авторитет Рота после разгрома флота Соединённых миров под Бретонселью был непререкаем, потому его и назначили участвовать в комиссии от генштаба, спасти экипаж испытателей. На роль виновников катастрофы оставались только конструкторы. Понимала это и фирма-разработчик, потому из всех инженеров направила «ответственными лицами» самых молодых специалистов. И как ни жаль Александру было мальчиков, спасать он будет в первую очередь своих. Чарский всего этого не знал – или не желал знать. Профессор писал запросы, уточнял информацию и показания свидетелей, не обращая внимания на всё возрастающую неприязнь со стороны председателя и некоторых членов комиссии.

В последний день перед заключительным заседанием го-

стиница при испытательном полигоне, на котором проверяли двойника погибшего «Беркута», опустела. Свидетелей и персонал уже отправили в город, члены комиссии проводить выходной в глуши отказались. Остались лишь адмирал Рот, которому чужие города самых разных планет уже давно были на одно лицо, и Чарский – профессор с утра засел за очередные расчёты, безжалостно мучая вычислительный комплекс полигона. Александр же наслаждался покоем и тишиной, столь редкими в его жизни. Когда не надо никуда спешить, что-то срочно решать. Когда ты точно знаешь, что тебя не выдернет из постели, из-за стола или из ванной sireна боевой тревоги, как это случилось последние десять лет службы в самых беспокойных районах Империи.

Весь день то шёл мелкий дождь, то кружили в небе серые кучевые облака, упрямо сопротивляясь попыткам свежего ветра отогнать их прочь. Но к вечеру неожиданно распогодилось. Высотка гостиницы стояла на самом краю огромного холмистого куска земли, потому, едва в окно ударили яркие лучи вечернего солнца, Рот вышел на крышу и с наслаждением вдохнул несущий с полигона запахи полыни и мокрой травы ветер. Над головой убегали от заката пушистые мягкобрюхие облака, за одетые в багрянец холмы полигона пряталось солнце. Всё вокруг переполнилось тишиной и умиротворённостью. Александр чуть прикрыл глаза и позволил себе раствориться в прозрачной тишине и шуме ветра... прозвучавший за спиной голос заставил пожилого адмирала

вздрагнуть от неожиданности.

– Вы тоже остались.

Рот повернулся и заметил стоявшего рядом Чарского.

– Да. Ничего интересного в городе я не увижу, а вот по такой красоте, как здесь, соскучился. Пять лет уже слезаю с орбиты только на пластбетон военных баз и городков. Александр, – протянул он руку для знакомства.

– Тамаш. Александр, хотел вас спросить. Вы знаете, что заключение уже готово и большинство его подписало завтрашним числом?

Рот на несколько мгновений замялся, потом ответил:

– Знаю. Я дал понять, что моей подписи там не будет. Но...

– Но и против вы не выступите, – закончил за него профессор. – Даже если я скажу, что узнал причину катастрофы.

– А вы и правда нашли? – заинтересовался адмирал.

– Старо как мир. Стечение обстоятельств и мелочная экономия, – усмехнулся профессор. – По условиям испытаний расходные материалы и горючее поставлялись с армейских складов по самым обычным заявкам, в общем порядке. Всё, как известно, имеет допуски «лучше» и «хуже» – и здесь случайно сложилось несколько «хуже» плюс новая техника. Энергетикам стоило не сбрасывать, а наращивать мощность. При малой же амплитуде колебания достигли тридцати процентов от среднего и создали положительную обратную связь, установка пошла вразнос. Потом в дело вступил

плохой герметик пробоин в переборках... Впрочем, это уже подробности. А главное – что никто на самом деле не виноват, но ребятам из КБ Хоффман всё равно ломает жизнь. С волчьим билетом их не возьмёт ни одна серьёзная фирма. Так как вы поступите теперь?

Рот задумчиво оперся на ограждение крыши. Если бы дело было только в амбициях Хоффмана... Несколько дней назад Александр разговаривал с коллегами из генштаба: игра пошла крупнее. В дело вступили и противники проекта, и лобби проигравших в своё время тендер фирм-конкурентов. К тому же и среди заказчиков-военных снова заговорили люди, идею нового крейсера в своё время воспринявшие в штыки. И всем нужно было именно то заключение, что лежит в сейфе председателя комиссии. Будь хоть какой-то шанс, Александр, может, и рискнул бы – но успешных вариантов развития событий он не видел. Только вот как это объяснить постороннему, который от дрызг Адмиралтейства далёк?

Тамаш понял его и без слов.

– Вы зря считаете меня не знающим жизни академическим червём, который зарылся в науку в поисках очередной истины и ничего другого в жизни не видит, – вздохнул он. – Я прекрасно понимаю, почему от нас ждут именно такого результата и что грозит несогласным. Как говорили древние? «Один в поле не воин»? Потому могу понять вас, когда завтра вы проголосуете «воздерживаюсь». Но и против совести я не пойду.

В ответ на немой вопрос Александра профессор пояснил:

– Я завтра официально подам своё заключение вместе с расчётами и результатами моделирования. Даже если все остальные выскажутся против, в стенограмме заключение одного из экспертов останется. Потому расследование вынужденно продолжится, мои слова будут проверять, и не для проформы. Особенно после того, как я распишу возможное повторение катастрофы уже на действующих кораблях. Да, я прекрасно знаю, чем это кончится для меня. Доступ в государственные лаборатории мне перекроют, и фундаментальной наукой мне больше не заниматься. Уйду только преподавать да по мелочам баловаться теорией. Может, соглашусь на предложение кого-то из корпоративных НИИ. Впрочем, неважно. Думаю, после завтрашнего заседания мы больше не встретимся. Прощайте.

Чарский ушёл. Адмирал Рот остался стоять, глядя на угасающий закат. Словно и не было короткого разговора. «Один в поле не воин... Вы правы, профессор. Только вот иногда сначала должен встать именно этот один, чтобы за ним поднялись остальные». На заседании Александр промолчит – профессор уже выиграл завтрашний бой. Но потом сломать судьбу этому храброму человеку он не позволит. И начать подготовку к следующему сражению необходимо прямо сейчас. Пару мгновений адмирал ещё глядел на прячущийся за холмами багровый диск, затем отвернулся и пошёл к лифту. Спуститься в свой номер и сделать несколько звонков нуж-

НЫМ ЛЮДЯМ.

Ловец душ

Старший следователь Миллер читал газету. Не обычную ленту новостей с виртуального экрана, который проецирует коммуникатор, нет – самую настоящую газету, отпечатанную на больших пластиковых листах. И пусть это стоило дороже, пусть в ней не могло появиться «горячей» суперновости, да и прочие запаздывали не меньше, чем на полчаса, Миллер считал, что газета – это не только поглощение новостных печатных знаков, а ещё и ритуал, без которого душевное спокойствие невозможно. Особенно когда работаешь в таком нервном месте, как департамент по тяжким преступлениям при полицейском управлении столичного округа планеты Галеон. Сменялись начальники, выбирали планетарных президентов, мог даже поменяться кто-то из проконсулов всех Соединённых миров, но в час обеда Фредерик Миллер неизменно пил кофе и читал газету – и все в Управлении знали, что отвлекать его в такой момент себе дороже. Потому, когда дверь с грохотом ударила ручкой в стену так, что висящая на стене кабинета репродукция старинной картины «Взрывающийся вертолёт» подпрыгнула, словно решила повторить свой сюжет, а коллега с шумом протопал через всю комнату и рухнул за соседний стол, громко ругаясь, Миллер удивлённо приподнял бровь. Судя по всему, у парня случилось что-то и впрямь из ряда вон выходящее.

– В сей прекрасный час, когда нам дарована краткая минута покоя, не стоит омрачать её столь негативными эмоциями, – коллега от произнесённой тирады ошеломлённо посмотрел на соседа, а Миллер тем временем продолжил. – Хэймо, я на этой работе уже без малого сорок лет. И за эти годы усвоил одно: даже самая суровая выволочка от начальства не стоит нервов. А если меня не подводит память, ты должен был сегодня отсидеть своё на планёрке, из чего я делаю вывод – наш старый начальственный пень тебя изрядно пропесочил. Да ещё наверняка не по делу. Потому выпей-ка кофе и успокойся.

Парень благодарно кивнул и залпом выпил предложенную чашку. После чего попытался разглядить непослушные вихры, зачем-то достал зеркальце – оттуда на него посмотрела хорошо знакомая, плохо выбритая смуглая физиономия, до сих пор не отошедшая от начальственной выволочки. Ещё раз вздохнув, Хэймо начал рассказывать:

– Если бы не по делу... Фредерик, вы помните припортового душителя?

Миллер кивнул, случай был не такой уж и давний. Точнее, два случая. Сначала маньяк, месяц державший в страхе многомиллионный мегаполис. А потом ушлый мерзавец, который решил замаскировать нужное убийство под нового психа и также принялся душиить женщин и кромсать тела.

– Неделю назад в гостинице недалеко от космопорта нашли тело некой Ханны Мэй, согласно документам уроженки

Нового Уайтхорса. Грубая липа, конечно, безо всяких проверок понятно, что ни с какого она не Уайтхорса. Тамошние все монголоиды, да и модифицированы через одного, а эта рыжая европеоид. Причём уроженка какой-то из планет «зелёного пояса», специфичных мутаций всего четыре балла по шкале Урсли. Ну да не в этом дело. Покромсали девчонку в ремни, а шеф о таких случаях, особенно рядом с портом, требует докладывать лично.

– Обычное дело, – пожал плечами Миллер, аккуратно складывая газету в ящик стола. – Из патриархальных миров, сбежала к нам. Дальше решила легко заработать между ног и не поделила чего-то с сутенёром. Ну и что?

– Я тоже так и решил. А вчера Грег раскопал, что рядом с той гостиницей видели Пройдоху Турмана. А при нём пару громил Хромого Тимера. И шли они, угадайте, к кому?

Миллер покачал головой: да, Тимер – одна из крупных шишек в криминале, и по мелочам, вроде проституток, не работает. Хэймо в ответ на понимающе-сочувственное выражение лица старшего коллеги только вздохнул:

– Я вот тоже особо торопиться не стал. Если б не картина убийства, портовые «фуражки» нас и дёргать не стали бы, сами разобрались. Ну, появился бы у них на какое-то время «висяк». Всё равно кто-то что-то видел, резавшего её папика или сдал бы кто из своих, или... да вы и сами лучше меня знаете. Тут скинули мне, я подал запрос на идентификацию, попросил акт экспертизы... Забыл я про неё! Теперь же ока-

залось, что дело серьёзное, а результатов – ноль. Вот и получил по полной. С обещаниями «если я не раскрою всё в течение двух недель, то...» Вплоть до неполного служебного соответствия по результатам проверки.

– Спокойно, – Миллер на несколько минут откинулся в кресле и прикрыл глаза размышляя. Потом посмотрел на ожидающего совета коллегу и продолжил. – Дело с тебя не сняли? Нет? Вот и хорошо. Шеф у нас человек, конечно, временами горячий, но мужик толковый. И сам пару лет на твоём месте проработал, так что прекрасно всё понимает. Наторать запросто, пугануть, чтоб шевелились, но своих сдавать не будет. Так что если дело серьёзное, а к тому и идёт, свою порцию помоев ты уже получил, дальше пойдёт только работа. Говоришь, документы явная липа?

– Ещё какая, – фыркнул Хэймо. – Только и годится снять номер в гостинице попроще. Не полная дрянь из тех, что лохам прямо у стартового поля суют, но немногим лучше. Заготовка – работа или Грэма, или...

– А вот это – не надо. Прикинься дураком, подай запрос в иммиграционную службу – мол, обнаружили преступление по вашей части. Они на тебя там как на идиота посмотрят и пошлют подальше, а для этого выпишут бумагу. Вот с этой-то бумагой требуешь ордер, причём открытый. Я тебе помогу так запрос составить, что наши таможенники как прочитают – кипятком ссать будут и такой ответ дадут, с которым тебе что судья, что прокуратура любую бумажку подпишут. А

вот с открытым ордером ты и экспертизу полноценную закажешь – по нему эскулапы тебе и труп, и вещи хоть на молекулы разберут вне очереди. И всех, кого надо, перетрясёшь, никто в тамошней дыре о правах и неприкосновенности даже пикнуть не посмеет.

Ровно через полторы недели, точно так же в обед, Фредерик вместе с Хэймо сидели в своём кабинете и обсуждали то же самое убийство – но забавности совпадения ни один из них не оценил. Окрылённый советом старшего товарища «перетрясти всё» Хэймо успел не только вынуть душу из хозяина гостиницы, но и на всякий случай пройтись по ссудным кассам и разным банкам. Коллеги, узнай об этом, наверняка подняли бы его на смех – откуда у дешёвой припортовой шлюшки деньги для вклада в банке? Сработала интуиция, и вот теперь на столе лежит акт экспертизы предмета, извлечённого из сейфа-хранилища одного из солиднейших банков Галеона: «Кубок радужного стекла, цивилизация Предтеч. Возраст от полутора миллионов лет». Стоимость... за такие деньги можно вырезать все припортовые трущобы и останется на сдачу. Арендатор ячейки, согласно обязательной для заключения договора процедуры генсканирования, та самая покойница. Информацию сразу передали «наверх», шеф столичной полиции сразу же назначил в помощь Хэймо самого опытного сотрудника... что делать дальше, оба следователя не могли решить уже больше часа.

– Значит, записи с камер в холле ты снял, свидетелей

опросил, – по очередному кругу начал рассуждать Миллер. – И ничего. Ни одного подозреваемого. И если бы эта девица не воспользовалась лучшим из банков, а там не требовали генокода...

– Жаль, там не требуют документы! – в сердцах бросил Хэймо.

– Ну, это ты хватил, на такое наши денежные мешки не пойдут. Спасибо, хоть такая зацепка есть. Итак, давай думать заново.

Фредерик достал чистый лист бумаги, маркер и начал рисовать.

– Есть некая девушка-продавец. Жила в задрипанной гостинице, носа не высовывала. Питалась заказами из фаст-фуда. Причём деньги у неё водились, ячейку сняла сразу на полгода. И ничего в ломбардах для этого ей даже закладывать не пришлось, ты проверил, – белую поверхность украсил кружочек и ровные строчки букв-пометок. – У нас есть вещь Предтеч, – на листе появился квадратик.

– Не кубок, – быстро вставил Хэймо. – Что-то ещё.

– Хорошо, вторая вещь. Дальше. Есть покупатель, есть посредник, – добавились пара кружочков и стрелочки. – Есть убийца, – треугольник, – который убивает покупателя. Зачем? Чтобы завладеть предметом, который девчонка должна была отдать людям Тимера. Кстати, знать бы, как она подстраховалась, чтобы Тимер сам её не прирезал прямо там без денег. А дальше...

– Дальше мы ходим по кругу.

– Подожди. Кто мог совершить убийство? Отбрось физические данные, в лаборатории говорят, её долбанули чем-то вроде инфразвукового паралитика. Справится даже ребёнок. Давай записывай.

Под треугольником появилось четыре имени. После чего заговорил Хэймо.

– Коридор с номерами и лестница на этаж, естественно, не просматриваются. Клиенты не хотят видеть своё лицо рядом со шлюхами. Ближний к лестнице номер занимали вот эти двое, – рядом с именами встали два плюсика, – оба ни при чём, клиент снял девулю. Проверили, кувыркались они на камеру, эксперты ручаются – запись подлинная. Третий. Милош-красавчик, аферист. Сдался полиции, едва прослышал, что его взяли на заметку люди Тимера. Сидит в камере, радостно пишет явку с повинной на пару дел, чтобы сесть не меньше чем на три-четыре года. В том числе и на последнюю жертву, которую в тот момент доил через Сеть, уже проверили. Четвёртый. Уборщик. Но он точно вне подозрений.

– Почему?

– Зовут его Трибби. Уборщиком в гостинице работает пять лет. Полное имя – Через-Многие-Испытания-Мы-Войдем-В-Царствие-Небесное. Трибби – это сокращение⁵, он из

⁵ Трибби – уменьшительное повседневное от Tribulation (Испытание), или ласково – Tribby (Трибби). Через-Многие-Испытания-Мы-Войдем-В-Царствие-Небесное– Through-Much-Tribulations-We-Enter-into-the-Kingdom-of-Heaven. Реально существовавшее в XVI веке в Англии имя. Новообращенные

церкви фордистов-англизонов, там богослужения идут на одном из древних языков, из него же принято давать имена детям прихожан. Полтора года назад попал ненадолго в психиатрическую клинику, там же и составили его полный психопрофиль. На убийство не способен в принципе, даже в состоянии аффекта.

– Где он сейчас? Ты его допросил?

– Не успел. У парня очередной религиозный заскок, случается примерно раз в год. Мол, работает среди грешников и сам пачкается в грехе. В такое время Трибби без предупреждения уезжает в общину англизонов за городом замаливать свои вымышленные грехи, а хозяин оформляет ему отпуск, даже не спрашивая. Объясняет, что за такие деньги никто другой работать не соглашается.

Миллер задумчиво почесал в затылке, потом подчеркнул ногтем имя уборщика:

– И всё же давай-ка ещё раз проверим вот его. А уже потом будем искать пятого невидимку.

В посёлке общины Трибби не оказалось. Впрочем, после некоторых раздумий, следователям назвали ещё одно место, куда мог спрятаться кающийся грешник: дома у одной священницы, так уже было. В таком случае она кладёт его коммуникатор в сейф, а самого нагружает тяжёлой работой до

протестанты пытались порвать с «проклятым католическим прошлым» любым доступным способом, потому в это время вместо имён из святцев стали нередко придумывать столь необычные «христианские» имена. Впрочем, встречались имена и попроще – например, Обуздай-Грех (Tamesine) – Тамазина.

тех пор, пока не наступит просветление. Свой коммуникатор женщина тоже оставляет в здании церкви, иных средств связи в доме нет – потому, наверное, Трибби и «пропал» для остального мира. Глава общины дал адрес, потому Хэймо и Миллер решили проверить ниточку до конца не откладывая. Пусть для этого и пришлось делать изрядный крюк.

Район, где жила сестра Тамазина, был одним из последних островков захлестнувшей мегаполис лет двадцать назад моды на скромные домики на одну-две семьи в окружении небольшого дворика-газона. Потом вкусы сменились, там, где земля подорожала и аренда оказалась жителям не под силу, домишки сменили современные небоскрёбы. Но «Орхидеи» уцелели, постепенно превращаясь из благополучного спального района в трущобы: даже «вечная» краска стен, казалось, без должного ухода поблёлкла, на синтасфальте и пластике заборов пестрели граффити и надписи – от призыва к борьбе за очередное правое дело до предложений в виде телефона с сердечком. А ещё везде слышался гул человеческого муравейника: разговоры гуляющих бабушек и домохозяек, детские крики, чьи-то скандалы – всё то, что отличает жилые кварталы от лощёного делового Сити. Искомый дом оказался в самом центре, заезжать в пешеходную зону на машине было запрещено, а солнце припекало вовсю. Если по планетарному календарю был ноябрь, то в городе вступало в полную силу лето. Когда следователи добрались до нужного места, рубашки были хоть отжимай.

– Хорошо, пиджаки оставили, – обессиленно выдохнул Хэймо, пытаясь спрятаться от солнца за столбом, на котором висели ворота.

Миллеру тени не хватило – остальной забор был едва до плеча, потому он лишь буркнул, что надо выключать кондиционер заранее, приучать организм. И нажал кнопку звонка. Потом ещё раз и ещё.

– Нету тётушки, – печально констатировал Хэймо. – Зря тащились. И Трибби нет. Звонок мёртвого подымет, а тут в ответ тишина. Поехали.

– Подожди, – вдруг насторожился напарник, – что-то не так. Ворота заперты, дверь тоже, хозяйки нет. Крайнее окно не закрыто, сейчас от ветра шевельнулось. А район, сам знаешь, какой, тут, скорее, без штанов выйдут, чем все замки не проверят.

– Чёрного хода нет, от окна задняя стена просматривается. Ты в дверь, я в окно, – мгновенно отреагировал Хэймо, выдёргивая из кобуры игольник.

Миллер кивнул, дал напарнику несколько секунд перебежать двор, после чего тоже перемахнул через забор и встал у входа так, чтобы стена и косяк защитили от выстрела.

– Центральное полицейское управление, старший следователь Фредерик Миллер. Откройте, – раздался громкий стук.

В это время Хэймо сдвинул окно, молнией забросил тело в комнату... почти сразу раздался его крик:

– Фредерик, пусто. И наш беглец нашёлся, судя по запаху, дня два уже лежит. Вызывай группу.

Эксперты и криминалисты закончили работу только к вечеру, но оба следователя вместо дома отправились в кабинет: там их уже ждал один из иерархов церкви Форда.

– Архипеснослов Уайт, – представился худой как жердь мужчина в белом костюме-фраке и бабочке. – Мне сообщили о страшном несчастье с одной из овец стада нашего, и что случилось это в доме пастыря. Есть ли надежда, что сестра Тамазина ещё жива?

Отвечать взялся Миллер, всё-таки опыта разговора с подобными архипеснослову у него было куда больше, чем у молодого коллеги.

– Господин Уайт, пока ничего точно сказать нельзя. Согласно памяти входного замка Тамазина покинула дом, когда Трибби ещё был жив. Вероятно, его пытали, в тканях тела остатки довольно необычного химического коктейля. Точно сказать время смерти не представляется возможным, слишком уж... странным способом его убили. Но однозначно позже отъезда Тамазины, от часа до двух с половиной часов.

– Станным?

– Да. Вы уже, наверное, навели справки, кто занимается этим делом. Так вот, за несколько десятилетий я видел не одно групповое изнасилование со смертельным исходом. Но случай, когда женщины до смерти насилуют мужчину, встречаю впервые. Потому, извиняюсь, должен задать вам вопрос.

Это могла быть госпожа Тамазина? Сама или с сообщницей? Возможность обездвигить жертву и привязать к кровати у неё была.

– Я понимаю ваши сомнения. Но поверьте, сестра Тамазина была истово верующей. И за всю свою жизнь постель с мужчиной она делила всего один раз.

– Почему вы так уверены? – удивился Хэймо.

Лицо архипеснослава сразу же приняло возвышенный вид, и хорошо поставленным голосом он начал лекцию-проповедь.

– В отличие от всяких древних религий, которые основаны на страхе и на животных инстинктах, истинное слово Божие, принесённое нам превышайшим Мессией Генри Фордом, – иерарх благоговейно осенил себя нарисованной в воздухе буквой «Т», – основано на разуме и взвешенном подходе. Потому, в отличие от закостенелого христианства, сан могут принимать не только мужчины, но и женщины. Принося обет безбрачия, каждый из пастырей должен точно понимать, от чего отказывается. И будьте уверены, мы нанимаем лучших специалистов в своём деле. Перед тем как принять сан, кандидат проводит с ними ночь, и если после этого вера его остаётся тверда, то ложится на него пастырский венец. Сестра Тамазина же приняла груз целомудрия сразу, не раздумывая наутро ни мгновения...

– Спасибо, мы вас поняли, – поспешил прервать его Миллер.

Выпроводив Уайта за дверь, оба без сил рухнули в кресла.

– Если эта тётка ни при чём... кто-то же его убил? Опять невидимка? – выдохнул Хэймо и хлопнул рукой по отчёту экспертов на столе перед собой. За последние дней пять следы в доме, включая ДНК, были смазаны до неузнаваемости. Не могли назвать точно даже число нападавших. – Не понимаю.

– Не совсем, – покачал головой напарник. – В гостинице точно участвовал уборщик. Он видел или присутствовал, скорее всего, забрал ту штуку, за которой приходили люди Тимера. И кинулся в единственное место, где считал, что найдёт укрытие. Его достали уже там, причём способ тоже обычным не назовёшь. Надо искать эту Тамазину, пока единственная ниточка.

Опрос соседей ничего не дал. Да, когда женщину видели последний раз, она была какая-то нервная, спешила. Но никого этим не удивишь, тётка вечно всё принимала близко к сердцу. Если у кого из прихожан что не так, хоть в семье ссора – звонят ей, она и срывается как на пожар. Только вот никто ни из прихода, ни в ближних общинах англикан Тамазину не видел. Уехала она на автоматическом такси в один из спальных районов и словно растворилась. Возможно, дальше поймала машину-попутку и расплатилась наличными? Тогда искать в многомиллионном городе её можно долго... Неожиданно помог архипеснослов Уайт. У одного из священников-фордистов удалось выяснить – время от

времени женщина заезжала к своему другу детства. Тот после школы поступил в семинарию, тем не менее в гости они заезжали по-прежнему, только оба при этом старались не афишировать перед соседями, что принадлежат к конкурирующим религиям. Найти адрес по базе данных оказалось несложно, и следующим утром оба следователя поехали к падре Доминику.

Район, где жил Доминик, напоминал «Орхидеи», разве что отстал в упадке лет на десять и был ещё вполне чистым и ухоженным. Поэтому, когда на звонок в калитку никто не отозвался, Хэймо охватили дурные предчувствия. Впрочем, ненадолго – почти сразу к ним подошла соседка, подозрительно спросила «кто такие», а при виде вспыхнувших логотипом Центрального управления удостоверений немедленно вывалила на следователей кучу информации. Да, отца Доминика она хорошо знает. Нет, никаких знакомых к нему не заходило последнее время, особенно та скандальная особа, про которую спрашивают господа полицейские. Почему скандальная? А как можно назвать женщину, которая один раз святого отца до такого довела, что он орал, «настанет время и истинная церковь поглотит сектантов»? Обычно-то падре человек тихий, спокойный. Так вот, ту скандалистку она бы обязательно запомнила. Но не приезжала. А падре чувствует себя плохо, в последнее время то в больницу ездит, то врача на дом вызывает. Приятный молодой человек, из местной муниципальной клиники, он только вот сегодня

заезжал проверить, а отца Доминика-то и дома не было, видимо, в церковь с утра пораньше отправился...

Из трясины словесного болота без устали тараторившей тётки мужчин спасли две её подруги, которые тоже поспешили пообщаться с незнакомцами. Они подтвердили, что самого Доминика действительно не видели два дня, не заезжал он и в больницу. Мол, точно знают, потому что недавно у него был дежурный терапевт. И прежде чем воспользоваться ключом «на вход» – такой у всех есть, кто полный пакет, а не только муниципальную страховку заказал, мало ли чего, вдруг ты без сознания помираешь – парень у соседей узнавал.

Отвязаться от тёток еле удалось. Впрочем, польза от говорливых соседей была: бдительные женщины подробно описали всех, проходивших за последние три дня по улице мимо дома священника, не хуже камер видеонаблюдения. И никого похожего на Тамазину не появлялось. Потому проверяли слова свидетелей Хэймо и Миллер исключительно в силу привычки да не одним поколением дознавателей выпестованной полушутливой мудрости: «Врёт как очевидец». Миллер запросил информацию из баз данных транспортной службы и больницы, а Хэймо начал считать замок: у падре охранная система стояла посовременнее, чем у Тамазины, потому, опознав код полицейского доступа, электронный сторож принялся рассказывать о визитах за последнюю неделю. Всё совпадало... за исключением того что всего час на-

зад Доминик закрыл дверь своим ключом и покинул дом!

Миллер кинулся выбивать окно первым, Хэймо чуть замешкался, вызывая на помощь ближайшие патрули. Ордер, полномочия которого после находки в сейфе ещё и расширили, позволял, наверное, войти без спросу даже в президентский дворец – потому уже через семь минут, распугивая прохожих, на синтасфальт перед домом спикировал первый жёлто-чёрный флаер, за ним почти сразу второй. Ничего не понимающие полицейские начали ставить оцепление, кто-то подошёл к разбитому окну, собираясь залезть в дом, когда на крыльцо вывалился сначала белый как мел Миллер, за ним, еле сдерживая порывы рвоты, Хэймо. В отделе тяжких преступлений оба работали не первый год, но вид заляпанной кровью комнаты, в которой Доминик разделявал и ел свою приятельницу, оказался чересчур даже для них. Сам падре сидел за столом с кухонным ножом в груди, а перед ним стояло блюдо, на котором расположилась прожаренная в духовом шкафу женская нога.

Первым пришёл в себя Миллер. И сразу начал командовать.

– лейтенант, – подозвал он старшего из подросших полицейских. – Установите вокруг дома оцепление так, чтобы муха не проскочила. Вызовите подкрепление. Любопытных и журналистов, гнать, а когда не поймут – то в камеру. Хэймо, быстро, вызывай сюда этого Уайта и местного начальника у католиков, как его там? Епископа.

– Это ещё зачем?

– А ты посмотри направо. Соседка уже пытается высматривать, что случилось. И как пить дать вот таких же, кто бросится названивать, здесь через одного. Если газетчики проносятся, – Миллер тряхнул головой в сторону дома, – то заголовки орать будут даже в «Бизнес-вестнике», а не только в жёлтых сетевых изданиях.

Вместе с архипеснословом и епископом следователи держали оборону до позднего вечера, отгоняя назойливых журналистов официальной версией: Тамазина случайно получила информацию от свидетеля преступления, в панике бросилась не в полицию, а к старому другу. Бандиты сначала отыскивали свидетеля, потом нашли и убили всех в доме падре Доминика. Когда стемнело, пресса слегка присмирела, даже больше не пыталась пробиться сквозь установленную вокруг дома и дворика звуковую завесу. Потому дознаватели смогли наконец-то пообщаться с экспертами и выслушать предварительные выводы. Когда старший группы криминалистов закончил, Хэймо на несколько минут задумался, после чего сделал знак напарнику выйти за ним, еле сдерживаясь от распиравшей его идеи.

Едва оба оказались на улице в стороне от остальных, Хэймо торопливо начал рассказывать, словно боялся, что пришедшая в голову мысль куда-то исчезнет:

– Фредерик, я понял! Та штука, которая была у девчонки в гостинице. Она достаёт из глубины сокровенное желание и

помогает его осуществить. Смотри. Этот Трибби. Работал в гостинице, где номера снимали в основном шлюхи с клиентами. Ненавидел «грешниц», но тронуть хоть пальцем боялся. А тут раз – девица без сознания, что-то острое и никакого страха. Когда понял, чего натворил, бросился к Тамазине. У тётушки другой бзик. Отказалась, целомудрие – но где-то в глубине желание-то никуда не делось. Здоровый организм требовал.

– Ага, – кивнул Миллер, – и когда рядом оказался Трибби с этим Нечто, её прорвало. Накачала мужика стимуляторами и всякой всячиной и затрахала его до смерти. Но жилистый мужик попался. Долго выдержал. Тогда понятно, почему следы затёрло, а мы со временем ошиблись. Когда тётка в панике сбежала, мужик ещё был жив. Просто сознание потерял. Затерялась в городе, потом поймала попутку, расплатилась наличными и прибежала за советом к старому другу.

– А у того свои тараканы в голове, – продолжил Хэймо. – Я тут успел кое-что проверить. Не знаю, какой он был священник, но менеджер из него вышел хреновый. Число верующих в подотчётном приходе падало, а Тамазина, наоборот, тётка видная, с талантом. За ней неприкаянные души, вроде нашего уборщика, табунами ходили. Но винил Доминик исключительно происки всяких конкурентов. Что там в показаниях соседки? Этот Доминик кричал, что сожрёт сектантов? Вот и съел, каждому своя шиза. Доктор, кстати, тоже в схему укладывается. Учится на хирурга, потому и удар такой точ-

ный. Ради денег подрабатывает терапевтом в муниципальной больнице, нищих пациентов наверняка ненавидит...

– И сказано было одним из Пророков: «Помни, эта вещь принесёт смерть! Эта вещь может убить всех людей моего города. Недолго пробудет она у тебя, человек; не пробудет она долго также у того, кто её возьмёт позже. Люди будут убивать, убивать, убивать из-за неё»⁶. Извините, я случайно услышал ваш разговор. Именем святого Форда благословляю вас найти эту вещь. Она уже убила три души и будет искать новые жертвы.

– Думаю, не три, ваше песнопейшество, – задумчиво возразил Миллер. – Подозреваю, врача живым мы тоже не увидим. И хорошо, если он станет последним.

Старший следователь как в воду глядел: молодого доктора нашли уже следующим утром, задушенным в квартире своей знакомой. А кровавый след творения Предтеч потянулся дальше. Мужчины и женщины, взрослые и подростки. Способы были разные, люди нередко не знакомы между собой, потому журналисты не догадывались. Зато Фредерик и Хэймо связь между убийствами видели даже слишком хорошо, подчас сталкиваясь с такими тёмными сторонами человеческой души, про которые до этого даже не вспоминали – хотя по роду службы с гнуснейшими отбросами общества встречались постоянно. И тем удивительнее стала пер-

⁶ Здесь и далее Уайт и фордисты цитируют «Книгу джунглей» Киплинга, рассказ «Королевский анкас»

вая жертва, устоявшая перед наваждением: пожилой мужчина описал навязчивый шёпот, который исходил от напавшего на него сумасшедшего. Мужчина связал неожиданно обесилевшего психа – но пока бегал за помощью, кто-то зарезал «хранителя» и сбежал. Следующей стала студентка-второкурсница, которая сумела отказать неприятному ухажёру, хотя, как выяснилось потом, к этому времени парень оглушил и изнасиловал трёх девушек в соседних комнатах общежития. Миллер мрачно пошутил, что Предтечи придумали отличать грешников от праведников, как в очередной раз перед наваждением устоял мелкий аферист, на котором пробы ставить было некуда. Со слов свидетелей удалось выяснить, как выглядит загадочное устройство: болотно-зелёный морщинистый булыжник размером с два мужских кулака. Но сам камень по-прежнему оставался неуловим.

Месяц спустя после гибели Доминика Миллер сидел за столом и разбирал материалы по очередному убийству, когда в кабинет ввалился взъерошенный Хэймо:

– Выяснилось, кто такая первая жертва. Не наша. Из Содружества, с Авроры. Потому так долго и искали.

– Радоваться надо, может, хоть какая-то нитка, – не отрываясь от монитора, ответил напарник. – И что?

– Некая Сельма Лан, выпускница тамошнего университета. Специализировалась по всяким редкостям и предметам искусства, особенно по древним.

– Значит, точно Предтечи. Надо ещё раз напрячь экспер-

тов, может, раньше всё-таки что-то подобное встречалось? Действующих артефактов по освоенным мирам наперечёт. Хорошо, дело хоть как-то пошло.

– Ничего хорошего, – буркнул Хэймо, нацеживая из стоявшей в углу машины в стакан кофе. – Это не таможня выяснила. Судя по всему, девица грабанула кого-то из аврорских шишек. Не знаю уж, с какой стати тамошние банковские мешки покупают себе кольца ценой едва в десяток сантимов... Короче, дело пошло «наверх», и вице-президент опознал побрякушки, которые были в её вещичках. Хозяин когда-то оказал нашему «вице» какую-то важную услугу, вот теперь он и рвётся отплатить. Заодно прессует шефа «в кратчайшие сроки в целостности и сохранности», а шеф, сам понимаешь, будет срываться на нас. Особенно если повторится что-то вроде той тётки и священника.

– Хуже, – оторвался от папки Миллер и задумчиво поглядел в сторону двери. – Когда приедет хозяин, почти наверняка попробует искать «своими методами». И прежде чем найдётся повод дать ему по рукам, он такого наворотит...

Опасения Миллера сбылись через несколько дней, когда обоих следователей вызвал к себе в кабинет шеф и сказал, что сейчас подойдёт хозяин кубка с булыжником. Едва толстосум вошёл и представился, у следователей засосало под ложечкой: из всех вариантов выпал самый поганый. Представившийся Анджеем полуседой мужчина в очень дорогом костюме комплекцию имел, как у борца. А руки и цеп-

кий взгляд в один голос подсказывали, что зарабатывал свои миллионы мужик не в офисе. Значит, легко решит действовать, как привык. Не зря в коридоре мелькнул «референт», явно из бывших следаков. А рядом пара помощников с худощавой грацией ветеранов каких-то спецподразделений, из тех, что по отвесной стенке заползут и голыми руками горло перережут. Беспокорство отразилось на лицах так явно, что Анджей усмехнулся и неожиданно сказал:

– Да не переживайте вы так, не собираюсь я лезть в ваши дела. Если, конечно, обязуетесь передавать моему помощнику полную и нормальную информацию о ходе расследования, а не обрезки. Тем более что главное вы уже нашли.

– Обязательно, – кивнул Миллер. – Вас уже проинформировали, что чаша находится в особой зоне центрального хранилища?

– Вы не поняли, – вдруг грустно улыбнулся Анджей. – Главное – это кольца и украшения. Я дарил их моей покойной жене перед свадьбой. А остальное... сувениры, так сказать, на память. Если бы не украшения, я бы даже не стал, наверное, и беспокоиться.

– Разрешите несколько вопросов? – вмешался Хэймо. – Можно у нас в кабинете. Я прошу прощения, но та, вторая, вещь каждый день убивает новую жертву. И чем дольше мы...

– Давайте я расскажу сам. А вы уточните, что вам надо ещё. Можно прямо здесь?

После утвердительного кивка хозяина кабинета Анджей продолжил:

– Вы слышали про планету Синяя лазурь?

– Когда появилось описание внешности этого предмета, – осторожно ответил Миллер, – эксперты предположили, что вещь Предтеч действует аналогично тамошним генераторам счастья. По крайней мере нам написали так. Но эффект отличается. Если генератор даёт спокойные умиротворяющие эмоции, то здесь просто взламывает подсознание. Возможно, Предтечи как-то модифицировали...

– На самом деле Предтечи тут ни при чём. Обитатели Синей лазури называют эти генераторы эмоций «Сон в облаках». Но иногда, крайне редко, попадаются особые камни: «Ловцы душ». За пределы Лазури они почти не попадают, о них чужакам попросту не говорят. Человек сильной воли способен удержать, направить энергию Ловца в нужное русло. Например, чтобы перелить часть своей жизненной силы больному человеку, продлить его дни, а временами и спасти. А ещё Ловец может поглощать куски чужой души. Кто сможет с ним совладать – оставит только, что хочет. Слабый оставит то, что выберет сам Ловец: ту часть, которую человек стыдится и прячет с особой силой.

– Вы в это верите? В передачу души? – засомневался Хэймо.

– Я не верю. Я знаю. Ловца подарил мне очень близкий друг. Али был смертельно болен и захотел оставить нам хо-

тя бы часть себя. И тем самым спас меня дважды – его поддержка помогла мне пережить смерть Анны и катастрофу, после которой старший внук чуть не остался инвалидом. Затем Ловец опустел... Сельма же... Она была моей бывшей любовницей. Очень талантливая девочка, бредила Предтечами, мечтала после диплома заниматься изысканиями. У неё были очень интересные идеи, как связать наследие ушедшей цивилизации и редкости, которые находят в разных мирах. Я хотел сделать ей подарок, после выпускного бала она стала бы владелицей небольшой фирмы, которая занимается как раз редкостями. С моей помощью девочка далеко бы пошла... Плетельщицы судеб рассудили иначе. Я вынужден был срочно уехать, а вернувшись, узнал, что Сельма нашла способ залезть в мой сейф. Решила построить свою мечту именно таким способом. Уехала подальше, нашла покупателя... Понимаете, «Сон в облаках» просто так не украдёшь, его надо настраивать на владельца или усыпить и подготовить к тому, что хозяином станет новый человек. Сельма думала, что «Сон» настроен на меня, стала готовить его к продаже. А дальше пустой Ловец проснулся, и если девочка, уверен, удержалась, то рядом нашлась слабая душа.

– Мы найдём его, – взволнованно ответил Хэймо, – мы вернём вам вашего друга.

– Али давно ушёл. Но вот Ловца действительно стоит отыскать, и как можно быстрее.

Следователи надеялись, что теперь, зная, как вещь дей-

ствуует на человека, они смогут предсказать действия очередной жертвы. Но спектакль длился ещё две недели, за время которых Хэймо и Миллер подбирались к артефакту всё ближе, но всякий раз опаздывали на полшага. Развязка наступила на мосту, который вёл к расположенному возле столицы острову, где построили музей Первой посадки и истории поселенцев. Ловец попал в руки человеку, который жаждал славы – и камень подсказал, как захватить в заложники целый автобус с туристами. Очередное воплощение Герострата жадно вещало перед парившими телекамерами новостных каналов и в микрофоны допущенных журналистов... Когда спрятавшийся среди акул пера Хэймо несколько раз выстрелил террористу под ноги: успев изучить конструкцию, следователь пережёг крепёжные элементы так, что кусок моста рухнул вниз, и бомба взорвалась уже в воде, лишь подняв на поверхность столб пара и горячих брызг. Никто из заложников в туристическом автобусе рядом не пострадал, журналисты захлёбывались от восторга, расписывая храбрость и мужество сотрудника полиции. Мрачным оставался лишь Хэймо – вместе с очередным владельцем на дно ушёл и Ловец душ. Найти небольшой камень, даже если тот пережил взрыв, среди ила и течений огромного залива невозможно. Значит, вице-президент не сможет «помочь» этому Анджею. А виновного не спасёт даже громкая газетная слава. Вот если бы среди заложников оказалась какая-нибудь дочка президента или планетарного банка...

Когда Хэймо вызвали в кабинет шефа, где уже сидел какой-то лощёный хмырь в галстукe ценой в месячный оклад следователя, настроение у парня упало окончательно. Судя по всему, ждали только Анджея, и за тягучие минуты до появления хозяина артефакта Хэймо успел решить, что в лучшем случае его ждёт увольнение хотя бы не по статье «служебное несоответствие». Хорошо, в газетах имя пока на слуху, может, удастся устроиться в какое-нибудь агентство в провинции. Едва Анджей зашёл в кабинет, мальчик из администрации открыл рот, готовясь начать обличительную речь... и тут же закрыл. Потому что Анджей сделал несколько быстрых шагов, крепко пожал Хэймо руку и сказал:

– Сегодня я уезжаю. Но перед этим хотел на вас взглянуть. Не каждый сумеет устоять перед зовом, когда Ловец пытается выбрать нового хозяина. Вы ведь слышали?

Хэймо кивнул. Анджей впился в него тяжёлым, испытующим взглядом, но Хэймо молчал. О том, что нашёптывал ему Ловец, он не скажет никому и никогда. Даже на исповеди. Анджей понимающе кивнул.

– И ещё меньше людей рискнут навлечь на себя немилость властей, спасая других. Таким был Али. И он согласился бы со мной – пусть лучше Ловец покоится на дне, чем собирает кровавую жатву каждую ночь. Считайте меня должником. Если когда-нибудь вам понадобится помощь, звоните мне. Я откликнусь. А теперь – прощайте.

Анджей сунул в руки остолбеневшего Хэймо электрон-

ную карточку-визитку и под общее молчание вышел из кабинета. Детектив взглянул на неё – да уж, теперь у него есть покровитель. Хэймо наводил справки: про Анджея все говорили, что его слово надёжнее любого контракта и договора. За будущее можно не волноваться. Не сравнить с тем, конечно, что предлагал Ловец, но неплохо.

«Хорошо, что камень на дне, – подумал Хэймо, – достать невозможно... А если попробовать?» Он затряс головой, прогоняя и мысль, и шёпот Ловца. Они тут же затихли, но Хэймо знал – не навсегда...

Правильный вопрос

– Ну вот, вам сюда, – водитель остановил грузовик недалеко от просторного двухэтажного дома, утонувшего в пышной тропической зелени небольшого сада. – Только...

– Алехито чужих не любит и меня обязательно выгонит, – с улыбкой закончил пассажир. – Не переживай так, справимся.

После чего закинул на плечо рюкзак и соскочил из кабины на землю.

К удивлению водителя, загадочный, непривычно высокий и худощавый инопланетник не стал звонить в домофон у ворот, а перепрыгнул через заборчик. Однако дальше всё равно пошёл, как полагается, по дорожке. Хозяин обнаружил непорядок явно не сразу и на веранде появился, когда чужак уже почти добрался до дома.

– А я-то думаю, что за нахал так нагло лезет по моему газону! – гость утонул в медвежьих объятиях Алехито, после чего хозяин тут же повёл друга в дом. – Тамаш, сколько лет, сколько зим! Каким ветром тебя занесло в наши захолустные края?

– Да так. Случаем. Оказался тут с исследовательской экспедицией – наши умники из Адмиралтейства в очередной раз хотят узнать, что же творится в «цветных пятнах». Ну а мы, не будь дураками, согласились. Отдохнуть за счёт воен-

ных на хорошем курорте кто не согласится?

– Ты?.. – хозяин дома остановился так резко, что чуть не споткнулся о ступеньку веранды, и непонимающе взглянул на старого друга. – Ты обычно бездельников...

– Алехито, – негромко, так, чтобы слышали только они двое, ответил Тамаш. – Наши военные откопали на одной из планет редкостную мерзость, с которой я не желаю иметь дела. Чтобы в ней разобраться, неизбежно пригласят меня. Как только вспомнят, что остальные специалисты по этому направлению физики живут либо в Содружестве, либо в Соединённых мирах. Хорошо, не перевелись добрые люди – предупредили. Но если я временно не исчезну... Повезло, что подвернулась поездка именно на Синюю лазурь. Другие приглашения были в места весьма поганые.

– Понял, – шепнул Алехито и громко добавил: – Это удачно, что ты к нам, как раз сезон начинается! Я тебе такие исследования организую... И отчёты, и рыбалка будут отменные! Лита, встречай гостя!

На крик из глубины дома на веранду выглянула высокая молодая женщина лет двадцати пяти, в брюках и строгой блузке. Тамаш удивлённо приподнял бровь: судя по сочетанию загорелой до бронзы кожи, роскошной волны медового цвета волос ниже пояса и чуть раскосым глазам на типично европеоидном лице, девушка была не из колонистов, а из эйфов.

– Позволь тебе представить мою жену Мариселу. Лита,

это мой очень старый и лучший друг Тамаш Чарский. Целый профессор, кстати.

– Очень приятно. Хотя я больше люблю, когда меня называют Лита, – мелодичным сопрано хрустального колокольчика добавила хозяйка.

– Удивлён? – широко ухмыльнулся Алехито. – Никак думаешь, седина в бороду, бес в ребро?

– Ты ещё в шовинисты «лиги против мутаций» меня запиши, – с бесстрастным выражением ответил Тамаш. – Ты должен помнить – я довольно серьёзно увлекаюсь историей ранних перелётов. И поэтому знаю, что эйфы – не инопланетная раса, как думали поначалу. А потомки одного из «слепых» прыжков за пределы устойчивой навигации по тогдашним гипермаякам плюс результат воздействия местных условий. Также я имею привычку изучать место предстоящей работы и помню: наши методы продления жизни на эйфов не действуют. С учётом твоего возраста примерный биологический предел у вас обоих ещё около восьмидесяти лет, и мы с первопоселенцами полностью совместимы...

– Сдаюсь! – замахал руками и засмеялся Алехито. – Всё такой же зануда.

– Ну уж извини, – улыбнулся в ответ гость. – Ты ждал от меня именно такого поведения, вот я и не удержался. А помнишь, как на Фелиции, пока я убалтывал попутчиков, ты им планшеты взломал? И когда они сели нас в даб-покер «раздевать», какие у них лица были?

– Было, было... Весёлые студенческие времена...

– Так, – вдруг вмешалась Лита. – Алехито, не позорь меня перед гостем, соловья воздухом не кормят! Так что давайте-ка завтракать, вспоминать грехи молодости будете потом.

Уже через пятнадцать минут все трое сидели в столовой, и Лита неторопливо раскладывала по тарелкам омлет. Алехито попытался было продолжить разговор сразу за едой, но, споткнувшись о строгий взгляд жены, смущённо уткнулся в тарелку. В первый момент Тамаш подумал – его стесняются, но быстро понял, что дело лишь в характере Литы: спокойном, размеренном, каждому делу своё время и место. Зато когда все снова расположились за столиком на веранде, с чайником и чашками душистого чая, Лита «смилоствовала», и хозяева дома принялись расспрашивать гостя.

Через три дня профессор Чарский связался с руководителем экспедиции.

– Господин Норберт, мне удалось получить разрешение на поездку в зону одного из «цветных пятен». На меня плюс одного ассистента.

– Профессор, вот вы просто волшебник! – видеоканал, сославшись на плохую местную технику, Чарский специально не включал. Поэтому только мысленно представил, как сейчас от волнения мясистое лицо руководителя покраснело, и он шумно высморкался в платок. – А я тут вот уже столько времени безуспешно пытаюсь получить хоть что-то от старейшин аборигенов. И вот представляете, так упёрлись!..

Даже вот местная администрация ничего не может сделать. Здешние бюрократы все как один заявляют, что вот Синяя лазурь имеет статус ассоциированного мира, потому без дозволения туземцев они тоже вот ничем не могут помочь.

Тамаш позволил себе недовольную гримасу. Ну, нельзя же быть до такой степени дураком! Наверняка и в разговоре с местными те же слова по отношению к эйфам употреблял. Неудивительно, что Норберту начали вставлять палки в колёса, хотя открыто отказывать обладателю столь солидных бумаг никто и не посмел. Ведь даже в туристических брошюрах по Синей лазури написано: вторая волна поселенцев быстро сообразила, что самим по себе им здесь не выжить. Колонисты наладили взаимовыгодное сотрудничество, во многом переняв обычаи эйфов. Принялись родниться так, что на шестьдесят миллионов чистокровных людей только официально приходится столько же метисов... И патриотами своей новой родины стали куда более горячими, чем первопоселенцы. А господин начальник экспедиции им: «Туземцы, аборигены».

– Хорошо, хоть не побили из уважения к возрасту, – себе под нос усмехнулся Чарский. И ровным голосом с ноткой печали добавил в телефон: – Увы, господин Норберт, даже все мои связи и знакомства большего пока сделать не смогли. И на остальных...

– Что вы, что вы, – в словах Норберта послышался испуг: вдруг и такой небольшой успех провалится, – нам для начала

работ хватит и ваших замеров...

Тамаш еле сдержался, чтобы не расхохотаться: для начала! Да «начальничек» сейчас на седьмом небе от счастья – ведь появилась возможность хоть как-то отчитаться за потраченные деньги. А затем, глядишь, и себе лично какой-нибудь бонус в виде пары околонуучных статей на добытом материале отхватить. Но видимость игры «руководитель-подчинённый» надо соблюдать. Вдруг ещё рекомендация Норберта понадобится, если придётся прятаться по командировкам и дальше? Поэтому следующие минут пятнадцать шли вежливые расшаркивания, договорённости, где и когда профессора сможет найти ассистент. Наконец утомительный разговор завершился, и Тамаш отправился собирать вещи. Вечером к Алехито должен приехать обещанный гид из местных, и заставлять его ждать было бы невежливо.

Проводник-сопровождающий оказался совсем не таким, как ожидал профессор.

– Вас будет сопровождать моя младшая сестра Тавия, – сказала Лита. Почти сразу в комнату вошла девушка-эйф лет семнадцати на вид, такая же рослая и с роскошной толстой медовой косой... На этом сходство заканчивалось. Если Лита явно даже дома предпочитала строгий, почти деловой стиль, то Тавия была одета в лёгкий сарафан, на ногах в тон ему голубовато-белые босоножки, а щёку украшал нарисованный разноцветный цветок.

– Очень приятно, сеньорита, – Тамаш сумел справиться с

растерянностью и обратился к девушке на языке эйфов.

Та в ответ прыснула и сказала на имперском:

– У вас акцент очень смешной.

Лита недовольно посмотрела на сестру. Тамашу показалось, что Тавия в ответ чуть не показала язык... И вообще, вся эта подчёркнутая демонстрация подростковой бравады и независимости – на самом деле отголосок какого-то спора между сёстрами. Алехито, видимо, знал всё гораздо лучше, поэтому поспешил перевести разговор на нейтральную тему.

– А ты-то откуда язык знаешь? Ты ж здесь всего второй раз, а первый, насколько помню, мы оба все дни просидели на орбитальном вокзале?

– На самом деле всё просто, – улыбнулся Тамаш. – Дело в том, что ваши предки, госпожа Лита и сеньорита Тавия, родом с континента «А-мер-ри-ки», – произнёс профессор по слогам, – это на Старой Терре. На заре звёздных перелётов там существовало государство, называвшееся, если не ошибаюсь, Бразилия. Оттуда родом один из величайших теоретиков гиперперехода, и так получилось, что многие его выкладки сегодняшняя наука оспаривает, поэтому на современные языки немалая часть трудов никогда не переводилась. Пришлось учить старотерранский вариант испанского. По дороге сюда я освежил его в памяти, с учётом местного самостоятельного развития за сотни лет. Но вот от акцента и некоторых мелочей без практики не избавишься.

– Ничего, я помогу, профессор, – игриво подмигнула Та-

вия. – А пока предлагаю поторопиться. Нам ещё вашего ассистента забирать. И если «там» мы не хотим таскать его с собой, то на вечерний рейс лучше не опаздывать. Скоро праздник Летних серебряных лун – бронь в гостинице сгораёт моментом.

На автобус они успели, забрать ассистента тоже... Через пару часов Тамаш думал, что лучше бы они «забыли» аспиранта где-нибудь на вокзале. Навязанный помощник был красив – смуглый жгучий брюнет – и явно привык к женскому вниманию, а тут всюю играющая наивную простушку Тавия. Парень сразу же попытался очаровать спутницу, рассказать «о поездках по разным мирам»... Можно было бы объяснить, что по законам Лазури девушка ещё ограничено совершеннолетняя, семейные обычаи достаточно строгие, а ума не вестись на «инопланетную экзотику» у Тавии, несмотря на показную несерьёзность, хватает. Поэтому сколько ни старайся, нахалу не светит даже поцелуй. Но не хотелось – пусть балбес набивает шишки сам, если уж не удосужился за месяц в столице познакомиться с планетарными законами и обычаями.

Сама же девушка в ответ отнеслась к разговорчивому уха-жёру как к багажу профессора Чарского: тащить неудобно, бросить нельзя, но и обращать внимание сверх необходимо-го минимума необязательно. Невольному молчуну вдвойне было обидно то, что со старшим спутником Тавия болтала почти беспрерывно и расспрашивала как раз о том, где Та-

маш путешествовал, особенно вместе с дядей Алехито. Причём если поначалу парень пытался хоть как-то в разговоре участвовать, вставляя свои комментарии, то скоро Тавия перешла на местный язык. И несчастному ассистенту оставалось только гадать, что такого в рассказах сухопарого молодого мужика-начальника забавного, если у очаровательной девушки улыбка не сходила с лица, и время от времени Тавия начинала заливисто хохотать. К тому же в купе, кроме них троих, никого не было, за окном царила ночь, и за пределами ярко освещённого шоссе ничего разглядеть не получалось.

Через час вынужденного молчания парень не выдержал и попытался вклиниться в разговор.

– Профессор, почему вы выбрали именно этот вид транспорта? Нет, я понимаю, что местная техника тут примитивная. Но... Средства позволяли арендовать флаер в порту? И не пришлось бы трястись...

– Молодой человек, – от презрительного взгляда ассистент покраснел и ему захотелось провалиться на месте, – вы приехали сюда отдохнуть или работать? И если второе, то обязаны знать, что особенность зон «цветных пятен» не только в том, что в активной фазе они по всей площади из космоса кажутся ярко-синими, откуда и пошло название планеты – Синяя лазурь. Но также и в том, что в это время на их территории перестают функционировать многие электронные устройства и меняют свойства некоторые полимеры. Пред-

сказать же смену фаз возможно с очень большой погрешностью.

Больше до самой гостиницы ассистент не проронил ни слова. А утром, получив указания, клятвенно пообещал за время отсутствия профессора внимательно следить за оборудованием, провести все положенные замеры... Видно было, что парень ждёт не дожждётся, когда свидетельница его позорного поражения уедет сопровождать Чарского на фестиваль.

Праздник Тамаша очаровал. В повседневной жизни эйфы предпочитали изящество простоты, поэтому видеть пёстрый многоцветный карнавал было непривычно. Маски, самые вычурные наряды, а с наступлением темноты танцы на зеркальной глади озера. И пусть Тавия объяснила, что на самом деле под водой спрятаны специальные помосты, их просто не видно из-за преломления и не очень хорошего освещения – свет давали только две большие луны, у которых в это время года совпадало полнолуние – ощущение сказочности происходящего уходить не желало. И никак себя не убедить, что на серебряной дорожке, чуть касаясь глади озера, танцуют люди, а не волшебные фейри и сидхе, специально ради праздника покинувшие древние холмы Старой Терры.

Две недели фестиваля пролетели как одно мгновение. Да и вторая половина отдыха оказалась ничуть не хуже. Получив уже собранные измерения и настойчивые заверения ассистента, что с приборами тот справится и сам, Тамаш не

стал возвращаться в город. Вместо этого Тавия сняла ему домик на берегу реки, куда по просьбе Алехито подъехали несколько местных специалистов по аномалиям. И следующие десять дней учёные с интересом обсуждали за рыбалкой «пятна» и способы их изучения. Под конец договорились, что как только Тамаш вернётся в столицу, то сразу перешлёт оставшуюся половину замеров, а коллеги взамен поделятся результатами многолетних наблюдений за аномалиями.

К гостинице, где оставили ассистента, Тамаш подъезжал в самом радужном настроении. Такого замечательного отпуска у него не было уже много лет... Номер встретил непонятной тишиной. Обе комнаты были полны следов недавнего пребывания, парень явно собирал вещи, но сам жилец словно испарился. Хотя предыдущим вечером, когда Тамаш звонил в гостиницу, помощник клятвенно обещал ждать начальство полностью готовым к отъезду. Ничего не знала про постояльца и администратор на входе, куда Тамаш и Тавия спустились за разъяснениями: по словам девушки за стойкой, мимо неё инопланетник не проходил.

Возможное объяснение пришло через полчаса... Вот только вопросов от него добавилось. В здание буквально вломился коренастый мужчина-эйф в сопровождении двух парней и со скандалом потребовал доложить, в каком номере спряталась инопланетная сволочь, обворовавшая его дом. А когда узнал, что парня нет, но появился его начальник, с бранью обрушился на Чарского. От драки спасла лишь прие-

хавшая по вызову администратора полиция. Несостоявшийся буйан вынужден был удалиться, а растерянные Тавия и Тамаш поднялись в номер и сели обсуждать инцидент.

– Не сходится, – начал Чарский, едва добрался до кресла и смог перевести дух. – Бред получается.

– Почему? – девушка с ногами забралась в кресло напротив и задумчиво начала складывать из лежащего на столе листка кораблик. – Вспомните, как по дороге сюда ко мне клеился. А тут этого, – девушка сложила фигу, приставила снизу два пальца второй руки, словно ножки, – многие видели под ручку с дочерью Лорки. Её отец прав: ваш ассистент, профессор, вполне мог вскружить девице голову, особенно своими рассказами «об инопланетных путешествиях», – Тавия скорчила забавную рожицу, и Тамаш невольно рассмеялся. – А дальше и проникнуть к ним в дом. Легко нашёл и забрал камень – «Сон в облаках» у нас прятать не принято. Из гостиницы, когда понял, что пропажу обнаружили раньше времени, выбрался через окно и сел на ближайший автобус до космопорта. Примерно определил с помощью аппаратуры, что сегодня к обеду пятно заглушит дальнюю связь и его нельзя будет снять с рейса на промежуточной станции. Сами знаете, инопланетники за «Сон в облаках» готовы платить бешеные деньги.

– «Генераторы счастья», как называют «Сны» за пределами Лазури, конечно, стоят риска... Вот только парень-то не матрос с корабля, который сегодня здесь, завтра там, потому

с планетой едва знаком из туристического буклета. Хоть и разгильдяй, но ехал-то сюда на исследования. И точно должен знать, что за пределами активного пятна молодые «Сны» не работают, а старые просто так в доме никто держать не будет. Но ладно, забыл об этом. И даже обзавёлся сообщником, который вывезет камень в обход таможни. Только вот каждый камень индивидуален, а Лазурь не зря имеет особый статус. Делом неизбежно заинтересуется Имперская служба безопасности. Найдут, даже если сбежит в Соединённые миры, а потом оформят экстрадицию – нарушителей торговли артефактами никто укрывать не будет. Нет, не сходится. Надо бы пообщаться с этой, как её...

– Бесплезно. Клан Лорка – известные изоляционисты, нас даже на порог не пустят.

– Тогда надо срочно ехать обратно. Если наш беглец и отыщется, то наверняка именно там, рядом с космопортом.

Пропажа действительно нашлась в столице. Вот только поговорить и выяснить, в чём же дело, не удалось. Парень попросил защиты на военной базе – «на территории под прямой юрисдикцией общеимперских законов». А командующий гарнизоном полковник к колонистам первой волны относился как к недочеловекам, хотя портить отношения с планетарным Сенатом и опасался. Зато теперь, едва узнал, что обвинения выдвинул именно эйф, прошение об убежище подписал сразу. После чего сначала две недели мурыжил Тамаша обещаниями встречи, а потом воспользовался

каким-то замшелым пунктом инструкций, чтобы отказать в свидании с обвиняемым и профессору Чарскому, и Алехито.

С последней встречи с полковником, где прозвучало окончательное «нет», Тамаш и Алехито вернулись поздно, злые от бессмысленной ругани и попытки переубедить упёртого солдафона. Не добавляли хорошего настроения и звонки рассерженного Лорки, который требовал крови виновника и срывался на угрозы Тамашу. Весь вечер друзья спорили друг с другом и Литой о том, как поступать дальше, и легли очень поздно. Выспаться им не дали: посреди ночи всех разбудил истошный рёв сирены спасательных служб, запахи гари, дыма и багровое зарево в половину неба. Ошеломлённые люди выбежали на улицу. Горело в соседнем районе, горело так, что стены особняка окрасились в кровавые тона, а по лицам забегали розовые и красные зайчики света. Внезапно со стороны пожара послышался взрыв... Негромкий, больше похожий на хлопок. Но почти сразу раздался второй куда сильнее, заставивший людей испуганно пригнуться.

Через несколько минут подъехал микроавтобус, оттуда выпрыгнул пожарный. Спасатель только отстегнул для удобства шлем и перчатки, потому от защитного скафандра в нос сразу ударил противный вкус гари и копоти.

– Немедленная эвакуация!

– Мы хотя бы оденемся... – Лита, разбуженная посреди ночи, даже в одном халате поверх ночнушки держалась, словно королева.

Вот только вся величественность пропала зря. Мазнув по людям коротким взглядом, пожарный крикнул:

– Бегом в машину! Не уверен, что мы сумеем удержать огонь долго, там непонятная дрянь течёт. Куда доползёт – вспыхивает, как бумага. Все здесь? Быстрее!

После чего пожарный чуть ли не силой запихнул людей в салон, где уже жались друг к дружке ещё две такие же полуодетые семьи.

Горело почти трое суток, остановить обезумевшую стихию не могла даже спецтехника. В первые часы взрывы шли один за другим, раз за разом выбрасывая фонтаны огня, брызги от которых тут же порождали всё новые и новые очаги пламени. Лишь когда с помощью тяжёлых строительных машин создали преграду из широкой полосы пустой земли и глубоких траншей, пожар начал стихать. Людям же оставалось подсчитывать потери и оплакивать погибших. А те, у кого жильё уцелело, постепенно начали возвращаться домой.

Алехито и Лите повезло – до их квартала огонь не добрался, не попал дом и в полосу зачистки. Поэтому встретил хозяев только запахами гари, пожарной пены да закопчёнными окнами и стенами. Уцелел даже сад перед домом и теперь, словно ощутив, что ни пламя, ни химикаты ему больше не угрожают, оживал на глазах – стоило только смахнуть сажу и хлопья струёй воды. Но отмывали дом Тамаш и обе девушки: как объяснила Лита, муж входит в столичный муниципаль-

ный совет и обязан присутствовать на заседании по ликвидации последствий катастрофы.

Алехито приехал только под вечер, когда дом удалось привести в более-менее приемлемый вид. И был мужчина чернее тучи. Едва все собрались в гостиной, Алехито начал рассказывать:

– Предварительный анализ сразу показал, что причиной пожара стало использование брикетов бинарного напалма.

– Почему ты так уверен? – спросил Тамаш. – Я тут успел связаться с химиками из вашего университета. Очень умные люди, и они мне переслали список из всех мыслимых и немыслимых сочетаний, которые могли так гореть. Там много чего.

– Это было покушение на меня, просто ошиблись местом. Кто-то крутился рядом с центром пожара незадолго до того, как вспыхнуло. Это от нас недалеко, и там стоял точно такой же дом. Чужак, особенно инопланетник, легко ошибётся.

– Если уж так хотели тебя убить, масштаб получился – как бомбой по комару, – пожал плечами Чарский.

– Обычную взрывчатку, энергетическое или пороховое оружие засекут полицейские датчики ещё на подходе, – покачал головой Алехито. – Это только кажется, что наш дом в тихом и сонном районе. На самом деле, здесь живут далеко не самые простые граждане. А вот с бинарным напалмом, если компоненты проносили по отдельности, детекторы могли и не сработать.

– «Непростые» – это я уже понял, – усмехнулся Тамаш. – Ты за пару дней получил все разрешения там, где Норберт безуспешно мучился почти месяц – хотя бумаги от Адмиралтейства у него убойные.

– Дело в том, что со следующего года я войду в планетарный Сенат, – продолжил Алехито, – а Лита и Тавия – дочери одного из старейшин Совета-всех-кланов. Так называется аналог правительства у эйфов. Помнишь нашего профессора по социологии? Он любил говорить: «Спросите, кому это выгоднее всего, и я скажу, кто затеял». Так вот и здесь. Дело в том... – Алехито замолк и задумчиво посмотрел на старого друга. Мол, можно ли сказать. Потом решил: – Всем известен наш самый главный экспортный товар, за пределами Лазури его называют «генератор счастья». У некоторых, крайне редких, камней есть один необычный аспект воздействия на людей. За пределы Лазури такие камни обычно не попадают вообще, но... Недавно «свойство» проявилось на Галеоне – это один из Соединённых миров. Дело замяли, все решили, что дефект штучный... Кто-то подумал иначе. Но пока Синяя лазурь на особом статусе, влезть к нам с полномасштабными исследованиями не получится. А тут скандал именно с господином Лорка. Среди сторонников изоляции семья весьма известная и популярная. Да ещё замешаны военные. Потом убийство меня, Тавии и Литы – партии расширения связей с остальными планетами нанесут серьёзный удар. Особенно если подкинуть доказательства ви-

ны инопланетников, а за этим дело не станет. Бинарный напалм на Лазури не производят. Кстати, почти сразу после начала возгорания с замаскированного космодрома недалеко от столицы стартовал малый катер. На орбите одной из лун его принял незарегистрированный корабль и скрылся неопознанным.

– Мой отец после этого вынужденно встанет на сторону изоляционистов, – продолжила Лита. – А дальше достаточно небольшого повода, и всё вспыхнет. Если умело подогреть – то вплоть до ввода полицейского корпуса поддержания порядка. Этого будет вполне достаточно, чтобы про наш особый статус забыли.

– И всё же что-то тут не так. Вот не знаю, что именно... Но не нравятся мне ваши рассуждения.

– Поживём – увидим, – покачал головой Алехито. – Но дай-то Бог, Тамаш, чтобы я ошибся.

Неделю спустя профессор Чарский сидел в комнате, отведённой ему под рабочий кабинет. Из гостиницы в дом Алехито он окончательно перебрался не только по приглашению старого друга, который ворчал, что «оставлять гостя мучиться жить в муравейнике при космопорте – это позор для хозяина». Сама атмосфера в кварталах, где жили инопланетники, туристы и транзитные пассажиры за последние дни стала осязаемо душной, насыщенной злобой и раздражением. Выводы экспертов тайной остаться не сумели, слишком уж многие в столице пострадали, да и зарево было видно на десят-

ки километров вокруг. А обитатели лазури и раньше особо тёплых чувств к гостям из других миров не испытывали. К тому же ситуацией не вовремя попытались воспользоваться Лорка: рядом с военной базой чуть ли не каждый день стояли пикеты изоляционистов с требованием не укрывать негодяя и вора, а выдать, чтобы судить его по закону. Пару раз Тамаша даже сердито отказывались обслужить в магазине... Но стоило обратиться на языке эйфов, как хозяин заведения тут же расцветал, делал скидку и приносил извинения, что «принял за свинью-инопланетника, а Тамаш-то, оказывается, местный».

Работать в таких условиях было совершенно невозможно. Поэтому приглашение Ахито и Литы профессор принял с благодарностью, да и Тавия оказалась замечательной помощницей в обработке поступавших данных: пусть из-за пожара и незавершённого дела о краже «Сна» дальнейшие исследования «в поле» пришлось отложить, местные специалисты собрали огромную базу данных. И теперь были очень рады, что к их исследованиям подключился известный в научных кругах Империи учёный. Чарский как раз заканчивал писать ответ коллегам из университета, когда в комнату буквально ворвался Алехито и с порога крикнул:

– Быстро! Переключи на новостной канал.

Тамаш кивнул, и на экране монитора буквы и цифры сменились... Картинкой из припортового района. Мостовая была усыпана разным мусором, а улицу перегораживал строй

полицейского оцепления, причём судя по усиленным бронескафандрам, пластиковым щитам и шокерам в руках, газовым и пенным миномётам, а также генераторам звука в тылу, стоял спецназ, экипированный для разгона уличных беспорядков.

– Что случилось?

– Помнишь, я говорил «кто»? Так вот, теперь я уверен, что заказчиком является какая-то из оружейных корпораций. Только они могли купить военных.

– Каких военных? Они-то тут при чём? Успокойся и объясни понятно.

Алехито несколько раз выдохнул, затем сел в соседнее кресло и уже нормальным голосом принялся объяснять:

– Раз в два-три года в припортовом районе случаются... Скажем, массовые инциденты. Инопланетники, особенно транзитные пассажиры и матросы, чужие законы соблюдают не всегда. И после какого-нибудь эксцесса молодёжь собирается и идёт чужаков бить. Причём красятся все в одинаковый пшеничный цвет, надевают маски...

– Интересные у вас обычаи, – хмыкнул Тамаш.

– Ничего серьёзного, – отмахнулся Алехито. – Полиция всегда следит, чтобы до членовредительства не дошло, а случайные прохожие под раздачу не попали. Погромят пару витрин, начистят друг другу морду. Затем виновные выплатят компенсацию – у нас с этим строго, вне зависимости от того, с какой стороны участвовал. И всё успокоится.

– Но в этот раз...

– Сам понимаешь, повод куда серьёзнее пьяного матроса, пристававшего к официантке. А командир гарнизона заявил об угрозе имперским гражданам со стороны аборигенов и отправил в порт солдат «для защиты».

– Он с ума сошёл?! – удивился Тамаш. – Даже я знаю, хоть с нашими военными общаюсь, только когда они чего сломают, что параграф сто четвёртый не применяется на планетах, входящих в состав Империи.

– Применяется только оккупационным гарнизоном, – тихо закончил Алехито. – Но есть лазейка, позволяющая распространить действие на ассоциированные миры. Осталась со времён образования Империи. Видимо, никто никогда даже и не думал, что этим воспользуются против своих. Мы по гроб жизни обязаны начальнику столичной полиции. Он сообразил первым и бросил своих парней разнимать драчунов и отгонять от армейского оцепления. Но активизировались радикально настроенные изоляционисты. Верхушка провокаций устраивать не будет, мы успели предупредить лидеров, чем всё закончится. Но запросто найдётся горячий идиот, и достаточно ему выстрелить в кого-то из солдат хоть петардой – ловушка захлопнется.

– Чрезвычайное положение, – негромко добавила вошедшая в кабинет Лита. – Стоит хоть одному военному челноку сесть на поверхность, против оккупантов как один встанет вся планета, не деля себя на эйфов и людей. В активных ано-

малиях обычное оружие не действует... Но тех, кто отдаёт приказы о вторжении, потери никогда не волнуют.

– Стоп, – Тамаш хлопнул ладонью по столу. – Рано паниковать. А ещё мне не нравится, что всё идёт, как в дешёвом низкопробном романе. Даже покинутая девица имеется, в комплекте с мстительным семейством. Лита, ваш отец у нас тоже важная персона? Поэтому если муж отпустит, предлагаю съездить к господину Лорке, ведь с его заявления всё и завертелось. Вам, в отличие от меня и Тавии, в откровенности никто отказать не посмеет. Попробуем распутать клубок с самого начала.

– Да ни при чём этот Лорка, – махнул рукой Алехито. – Совпадение, максимум – удачный повод всё начать именно сейчас. Но если Лита захочет, езжайте. Хуже не будет.

Аномалия к этому времени разбушевалась вовсю, поэтому во второй раз только чтобы добраться до места ушла почти неделя: транспорт водителям приходилось вести, как в древности, ориентируясь на свои органы чувств, а не на приборы. И скорость машин заметно снизилась. В город Лита и Тамаш приехали ближе к вечеру, и сразу же направились к дому семьи Лорка. На пороге их встретил сам хозяин. Увидев Чарского, мужчина с визгливыми нотками сразу же завопил:

– Опять ты? Да как ты посмел, я сейчас прикажу и тебя...

– Замолчите, сеньор Лорка, – Лита дождалась короткой паузы в начавшихся нецензурных ругательствах и ледяным

тоном произнесла: – мы не к вам. Нам нужно поговорить с вашей дочерью.

– Да чтобы пока мои сыновья как истинные патриоты сражаются в оккупантами в столице, я своими руками пустил эту мразь в свой дом?!

– Сеньор Лорка. Мы приехали от имени Совета-всех-клавнов. У вас пять секунд пропустить нас в свой дом для разговора. Или, – Лита демонстративно достала телефон, – я сейчас вызываю полицию и через пятнадцать минут мы продолжим нашу беседу в участке.

Мужчина поперхнулся, захрипел. Потом с ненавистью посмотрел на гостей и буркнул разрешение пройти. Едва Лита и Тамаш вошли в комнату, где их встретила зарёванная девица лет девятнадцати в просторной футболке и безразмерных шортах, Лита удивлённо присвистнула, а Тамаш кивнул и негромко сказал:

– Вот теперь всё встало на свои места...

Из-за аномалий дальняя связь не работала, а местная сеть «подцепила» телефоны только недалеко от столицы. Поэтому путешественники, как только появилась возможность связаться с Алехито, ограничились коротким: «Всё в порядке», пообещав рассказать подробности уже дома.

Алехито ждал Чарского и жену в кабинете. Тамаш начал прямо с порога:

– Мы разобрались! Помнишь, ты говорил: «Спросите, кому это выгоднее всего, и я скажу, кто виновен»? Так вот,

правильнее было бы спросить: «С чего всё началось?» А началось всё именно с моего ассистента. Он соблазнил дочку этого самого Лорки. Когда же про их роман узнали родственники, то отец не придумал ничего лучше, чем замаскировать пятно на репутации обвинением в краже. Неудивительно, что парень испугался и сбежал. За кражу тюрьма ему грозила лет на пятнадцать, не меньше. А командир гарнизона, дурак набитый, решил местных по носу щёлкнуть. Он-то знал, что на самом деле балбес чист: дурочка эта, Лорка, как раз недавно справила совершеннолетие. Потому спокойно незадачливого донжуана на базе и спрятал.

– Может, ты и прав, – каким-то потерянным голосом ответил Алехито. – Но могли и просто воспользоваться подвернувшимся поводом.

– Ага, – жизнерадостно кивнул Тамаш и плюхнулся в свободное кресло. – Все так подумали. Меньше романов надо читать, меня именно книжная мелодраматичность и насторожила: добрые колонисты борются против жадности корпораций. Да и эксперты тоже хороши. Если бабахнуло – то обязательно что-то с армейских складов спёрли. Ничего другого даже не хотят видеть.

Алехито пожал в ответ плечами, мол, они эксперты – им виднее.

– Я ведь говорил, что ещё тогда связался с химиками из вашего университета? И они мне набросали список, что там могло гореть. Даже самые невероятные варианты. Мы с Ли-

той уже на обратной дороге по списку ещё раз прошлись. Знаешь, есть у вас тут одно интересное растение. Из него сок добывают, который потом очень во многих областях промышленности используется. Даже экспортируете.

– Знаю.

– А ещё Лита вспомнила, что этот самый сок может стать компонентом одного галлюциногена, поэтому на экспорт идёт только в обработанном виде. Тот самый особняк в центре пожара, судя по всему, был местом, где товар готовили к нелегальному вывозу. Место, кстати, подобрано идеально. С одной стороны, район очень респектабельный, потому полиция следит тщательно. Но частыми проверками жильцов не беспокоит. С другой – из-за аномалий вы тут пользуетесь наземным колёсным транспортом, а дороги вынуждены прокладывать как получится, даже сквозь самые престижные кварталы.

– Полиция в таких случаях следит только по маячкам и только за перемещением машин, – понимающе кивнул Алехито. – Оружие или взрывчатку детекторы на въезде выявят, а остальное, например, контрабанда, не их забота. Но...

– При чём тут сок? В общем, дура эта, дочка вашего Лорки, забеременела. И как мне объяснили, аборт у вас на Лазури разрешены только по медицинским показаниям. Вот один из братьев и решил отомстить. Подкинуть в дом, где я сейчас живу, какую-то местную дрянь, очень вонючую – такую, что здание потом проще снести. Но в темноте район пе-

репутал, сам говорил, что не местному это запросто. А дальше встретились человеческая глупость, алчность и стечение обстоятельств. Я так подозреваю, что контрабанда уже на орбите смешивалась с легальной партией. И чтобы на промежуточных станциях не заметили, фальшивые контейнеры закатывали в особый пластик. Просто сложи все компоненты в кучу и подожги – будет только облако дыма, но, видимо, что-то на подпольном производстве сработало как катализатор... Я не специалист в области физической химии, но мне сказали, что там уже не горение, а какой-то другой процесс пошёл.

– Челнок тот непонятный принадлежал хозяевам дома. Испугались расследования, – вставила Лита, – и сбежали.

– Да, да. И с начальником гарнизона мы тоже из-за этой несуществующей взрывчатки ошиблись. Просто балбес, которому показалось, что он увидел возможность выслужиться. Сначала бумаги нашей экспедиции, потом драка в порту – и он спасает граждан Империи от туземцев-дикарей.

– Это ты всё хорошо распутал, – тусклым голосом ответил Алехито, как-то внезапно постарев. – Только поздно. Пока вас не было, стычка с солдатами всё-таки произошла. Сегодня утром в систему вошёл транспорт «корпуса миротворцев» вместе с эскортом. А планетарный Сенат официально назвал это вмешательством во внутренние дела и перевёл противокосмическую оборону в готовность «ноль». Как только в стратосфере сожгут первый десантный бот, бойню

уже не остановить.

– Межзвёздная связь ещё работает? – Тамаш всем своим жизнерадостным видом прямо-таки демонстративно подчёркивал, что мрачных прогнозов друга не разделяет. Да и Лита, к удивлению мужа, смотрела на Чарского с затаённой надеждой.

– Работает. Но толку-то? До людей, способных всё прекратить одним словом, за оставшиеся три-четыре часа мы не доберёмся. Даже если успеем убедить председателя Сената и воспользуемся его именем.

– Что-то подобное я и предполагал, – усмехнулся Тамаш. – Потому как только мы оказались в зоне действия связи, заказал один разговор. Помнишь, я упоминал, что недавно совершенно случайно обзавёлся в Адмиралтействе довольно необычным знакомством?..

Внезапно в кармане рубашки запиликал телефон, и густое контральто компьютера, знакомое всем, кто хоть раз пользовался услугами межпланетной гиперсвязи, сообщило, что абонент ожидает на линии. Тамаш подмигнул друзьям, вставил в ухо гарнитуру, и по комнате поплыли слова:

– Адмирал? Здравствуйте. Для начала хотел бы поблагодарить вас лично. Да, конечно. Но сейчас я звоню немного по другому поводу. Дело в том, что только вы ещё успеете остановить неприятности, которые по стечению обстоятельств вот-вот могут начаться на Синей лазури. Потому что мы здесь, увы, поняли причину слишком поздно и своими

силами решить вопрос уже не в состоянии...

Закончив разговор, Тамаш спрятал телефон с наушником в карман, широко улыбнулся другу и сказал:

– Ага. Верно догадываешься. Тот самый Александр Рот. Потому уверен – уже через полчаса транспорт возьмёт курс обратно. Не зря говорят, что правильный вопрос составляет половину ответа.

Имя для Бога

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». А какой он – Бог? В детстве, когда я спрашивал, все мне отвечали по-разному. Батюшка из церкви неподалёку показал икону, пастор Клаус подарил красивые комиксы с ангелочками и Христом. Жили в нашем тихом городе и евангелисты, и мусульмане со своим неизобразяемым богом. Была даже община кришнаитов, которые считали своего бога многоликим и каждый раз рисовали его иначе. Но у всех бог был какой-то ненастоящий – словно каждый, кто пытался рассказать мне о нём, старался вложить частичку себя, сделать бога по своему образу и своему подобию...

Серж стоял на горячем бетоне Новой Терры и счастливо улыбался, рассматривая бесконечные плиты до горизонта и корабли, причудливо разбросанные по взлётному полю космопорта. Наконец-то солнце и свежий воздух – пусть воняет гарью и техникой, зато не многократно профильтрованная и идеально сбалансированная дыхательная смесь сухогруза, которой он дышал последние два месяца. Увы, денег на нормальный билет не было. Даже на место в идущей на Новую Терру многоцелевой грузовой барже хватило денег только потому, что капитан сделал земляку скидку как неплохому повару: слишком уж обрыдло экипажу питаться семью продуктовыми наборами, рекомендованными ассоци-

ацией транспортников и заложенными в киберкока.

В те дни, когда полёт становился совсем уж невыносимым, Серж начинал жалеть, что дал этой крысе-капитану в морду... Глядишь, и не уволили бы с позором, без наград и пенсии. И не лишился бы красавец-сержант заветных звёздочек и звания младшего лейтенанта, приказ на которое уже был подписан... Но приступ хандры проходил, и Серж начинал жалеть о своей несдержанности иначе: в спину надо было стрелять этой сволочи, в первом же бою – в спину или в голову. Уж у мастера-снайпера возможностей хоть отбавляй... А так получился двадцатилетний оболтус, который умеет только стрелять. Да ещё взрывать, хотя стрелять, конечно, лучше. И куда ему теперь? С «волчьим билетом» только домой, вкалывать на заводе или работать охранником. Нет уж. Ни! За! Что! Да и не тянет на сонную жизнь обывателя – в детстве нахлебался.

Зато сейчас, когда он стоял на земле Новой Терры, жизнь казалась прекрасной. Всё-таки удачно ему позвонил Руди, сокурсник по учебке. Узнав, что Серж «на берегу», он позвал приятеля в Серый Легион. Конечно, будь это любое другое наёмное подразделение, Серж сразу бы отказался – слишком брезгливо относился профессиональный военный к «солдатам удачи». Но Легион всегда стоял особняком: за смердящие дела не брался, привлекал лучших – и мог выбирать нанимателя. Чем и пользовался, соблюдая свои, пусть необычные, зато нерушимые понятия о чести и порядочности.

Размышление прервал небольшой автобус, подъехавший к кораблю за экипажем. Серж мгновенно подобрался, благодушное настроение как рукой сняло: конечно, Руди обещал замолвить словечко, да и хорошие снайперы на дороге не валяются... но и расслабляться перед потенциальным нанимателем не стоит.

«Неисповедимы пути господни», – любил говорить Клаус. А старик турок, к которому мы лазили в сад за сливами, глядя на помятые розы, только вздыхал: «Кисмет»⁷. – «А как же свобода воли?» – смеялся я, когда вырос. Ведь ваш бог наделил каждого правом выбора, даже если люди и использовали его по своему разумению. Много позже я понял: Господь действительно ведёт нас. Только не так, как думают некоторые, не творит предначертанное – а лишь задаёт вопросы, на которые человек сам должен дать ответ...

Серж возился с очередным «ёжиком», проклиная и свою вторую специальность взрывника, и автора поганого изобретения, и правительственные войска вместе с повстанцами, активно применявшими контейнеры с керамическими бомбами-минами во время боёв за столицу провинции. Никакой взрывчатки, ни грамма металла и пластика – только полсотни собранных вместе стрелок-игл из перенапряжённой керамики в таком же керамическом корпусе. Готовы в любой момент разлететься во все стороны со сверхзвуковой скоро-

⁷ Кисмет (араб. «наделение») – то, что предназначается, определяется каждому провидением

стью, а попав в тело – раскрошиться множеством осколков, даруя мучительную и неотвратимую смерть.

Обнаружить «керамику» сложно, и почти невозможно обезвредить. Единственный способ – заставить сработать от взрывной волны. Отыскать специальным сканером все мины на выбранном участке, попутно молиться – заметил все, не наступишь и не подорвёшься. Потом рассчитать и установить заряд... И молиться, чтобы ни одна стрелка не залетела в твоё укрытие. К концу дня Серж выматывался так, словно весь день таскал тяжеленные камни. Но самым паршивым было то, что по вечерам ребята из батальона отмечали конец нелёгкой военной компании и начало тихой гарнизонной жизни. Отмечали все, кроме десятка «чистильщиков», вынужденных весь вечер сидеть трезвыми... и отказывать всем симпатичным официанточкам, так и норовившим затащить в постель островки благополучия в виде бравых солдат с деньгами. Но правила сапёров строги и написаны кровью неудачников – все удовольствия только после окончания разминирования.

Хлопок заряда, свист «иголок» и наступившая тишина настроили легионера на благодушный лад. Вроде сектор чист, последний раз пройтись со сканером – и на сегодня можно заканчивать. Серж присел и оперся на прохладный бетон разбитой стены. «Да, навоевали они тут без нас, – подумал легионер. – Грязно, неаккуратно. Полстраны разнесли, прежде чем догадались специалистов позвать... А может, ну

его, этот сектор? Завтра повторно пройду, ещё раз проверю. А сейчас – спа-а-ать...» Вдруг чуть дальше, возле чудом уцелевшего среди развалин дома, послышался шорох. Повернув голову, Серж увидел, как оттуда к нему незаметно подкрадывается мальчишка лет одиннадцати... точнее, ему кажется, что незаметно. «Старательный пацан. И лицо вроде знакомо... Но откуда?»

Всё случилось почти мгновенно, хотя потом Сержу казалось, что события происходили медленно, словно преодолевали толщу воды. Он вспомнил, как пять дней назад ему достался очень сложный участок, и в бар снайпер-сапёр пришёл выжатый как лимон. Сопляк удачно подвернулся, чтобы сорвать на нём напряжение... А теперь пацан, видимо, решил отомстить? Легионер повернулся, чтобы пугануть мальчишку – и похолодел: рядом с домом лежал шар пропущенной мины. «Назад!» – успел крикнуть Серж и хотел было кинуться, оттолкнуть ребёнка... Как услышал характерный звук, означавший, что мина встала на боевой взвод и вот-вот сработает. Дальше за солдата думали наработанные годами рефлексы, бросив тело в укрытие. Лишь дикий животный крик боли и ужаса застыл в ушах навечно.

Я долго искал тебя и не мог найти. Один человек, который встретился мне в пути, сказал: «Зачем ты ищешь несуществующее? Ведь Бога нет!» Я только улыбнулся несмыслённому: если Тебя нет, то кто же приходил к нам в Галилею?

Серж стоял на выходе из пассажирского терминала, оше-

ломлённо глядя в переливающееся пятнами тусклой радуги небо. Света эта палитра безумного художника давала немного, но его вполне хватало, чтобы превратить безлунную ночь в какое-то подобие предрассветных сумерек. «Так вот ты какая, Альбия – мир, не знающий темноты... Может, хоть ты станешь для меня местом, где я наконец-то смогу остановиться? – подумал он. – Ты дала приют стольким ищущим покоя – так неужели не найдётся здесь места ещё для одного неприкаянного путника?»

Пять лет как он расстался с Легионом – но так и не смог найти себе места. Ни в тихой спокойной жизни обывателя, ни в путешествиях. Стоило только притупиться ощущениям от новых краёв, от новых знакомых – и опять возвращались и лицо, и крик... и горькая мысль: успел бы или нет? Иной, наверное, попытался бы утопить свои переживания в алкоголе – но Серж за время службы насмотрелся на человеческие обломки, отдавшие себя во власть дурмана. Хотя в минуты самого чёрного отчаяния и проклинал себя за свою нерешительность, за невозможность утонуть в сладком дыме наркотических грёз.

Погружённый в свои мысли, он не заметил, как сошёл с крыльца и направился куда-то в сторону стоянки автобусов. Ночной воздух внезапно взбодрил своей свежестью, к тому же подул лёгкий ветер – и Серж словно растворился в окружающем мире. Хотелось идти и идти не останавливаясь. До города, а может, и дальше – к самой границе облаков, что

толстым ватным одеялом окутывали подножие плато, на котором располагались космопорт и столица.

От раздумий отвлѣк коммивояжѣр, принявший иномирянина за богатого туриста. И потому настойчиво предлагавший «экстремальный тур по страшной сельве Альбии, где человек легко может затеряться и погибнуть». Бывший военный только вежливо покачал головой и отказался: за время службы в Легионе он повидал немало по-настоящему кошмарных планет, да и после отдал дань экстремальному туризму – пока ему не надоел фальшивый суррогат для пресыщенных бездельников. А здешние джунгли по его меркам вполне тихое и спокойное место. Конечно, неопытный горожанин в них пропадѣт, но любой, знакомый с лесом не по голофильмам, сможет устроиться в здешних «страшных лесах» вполне комфортно. Вот только зачем? Не для того он проделал столь долгий путь, ему нужно иное.

И нет власти не от Бога. И жалки те люди, что пытаются подменить собой власть Твою и слово Твоѣ. Ибо Слово, что было в начале всего – Закон. Ибо сказано было узнавшим Тебя и познавшим мудрость Твою: как раб подчиняется закону в доме господина своего, так и человек должен подчиниться закону Твоему. Только так с помощью Твоей сможем мы понять и простить, чтобы не отвечать обидой за обиду, чтобы не приумножать страдания мира Твоего. Слаб человек и грешен, только волей Твоей соблюдает он благие заповеди и порядок – даже если алчет поступить иначе к выгоде своей

и к греху своему...

Зазвучал колокол, зовущий к молитве, и фигуры в рясах, до этого неторопливо двигавшиеся вдоль грядок, стали разгибаться и разминать затёкшие спину и ноги. Нудное и кропотливое занятие, но стоит зазеваться, пропустить хоть пару побегов красного выюна – и большую часть урожая овощей можно считать погибшей. Пока выкорчуешь пустившегося в рост пришельца, хищная травка испортит половину огорода. Потому-то и монахи, и послушники, и даже живущие при монастыре миряне в эти месяцы тщательнейшим образом проверяли посадки каждый день.

«Сколько я здесь? – подумал Серж, неторопливо идя вслед за остальными. – Два с половиной... нет, уже три года». Три года назад пришёл он, неприкаянный и исстрадавшийся, в обитель «Десяти тысяч мучеников». Или, как говорили жители соседнего городка, в монастырь «опалённых». Но ведь и правда все здешние обитатели обожжены... или, скорее, сожжены войной, как и Серж. Три года он здесь, сначала мирянином при монастыре, а потом послушником. Пытается искупить грехи прошлой жизни. Господь принял раскаяние и простил его, страшные сны перестали возвращаться. А недавно отец настоятель благословил готовиться к постригу, чтобы смог новый брат все отпущенные ему дни посвятить смирению и трудам праведным...

Внезапно на дороге к монастырю послышался рёв грузовика, за ним второго, третьего... «Целая колонна! Они что,

всем городом куда-то собрались? Быть такого не может», – удивился Серж. Такое же изумление отразилось и на лицах остальной братии: тяжёлые грузовики в здешних краях были редкостью. Причудливая природа наградила Альбию множеством огромных столовых гор⁸, на которых и жили люди. А у подножия исполинских глыб за непроницаемым облачным слоем кипела своей дикой жизнью сельва. Прокладывать дороги в джунглях сложно, да к этому и не стремились: слишком разными были общины православных, мусульман, католиков, неоапостолов, поклонников преподобного Хаббарда, просто колонистов и многих других... Каждая жила на своей одной или нескольких горах, сообщаясь при необходимости друг с другом и с космопортом огромными грузовыми дирижаблями – благо кустарники основной экспортной культуры, радужного кофе, с избытком поставляли гелий. Таковыми же дирижаблями, только поменьше, пользовались, если надо было переместить крупный груз внутри поселения. А в остальных случаях семьи колонистов или ходили пешком, или пользовались небольшими двух- или четырёхместными машинами.

Снова зазвучал колокол, только теперь он звал всех не в церковь, а на монастырский двор. Где вошедших ждало ещё более удивительное, но при этом тревожное зрелище: возле гусеничного транспортёра, гружёного зелёными ящичка-

⁸ Столовые горы – изолированные горы с большими плоскими вершинами и более или менее крутыми, иногда ступенчатыми склонами

ми военного снаряжения, стояли незнакомый Сержу пожилой майор и глава местной общины Андрес Свенссон – оба с короткоствольными автоматами на плече. Зачем?! Альбия, хоть официально и считалась фронтиром, была исключительно тихим местом. Оружие, наверное, водилось только на обязательной для каждого мира имперской базе да на складе армейского имущества рядом со здешним городком. Этот же склад служил и тренировочной школой для мальчишек-новобранцев, которые готовились к отправке в военное училище одного из центральных миров. Но таких, насколько знал Серж, сейчас насчитывалось всего два десятка человек – слишком мирной планетой была Альбия.

Убедившись, что собрались все, и получив разрешение от отца настоятеля, заговорил военный:

– Сегодня ночью секта Истинного Пути преподобного Хаббарда подняла мятеж, объявив о выходе Альбии из состава Империи. И о построении грядущего рая просвещённого разума...

– А как же гарнизон? А имперский флот? – ошеломлённо спросил настоятель.

– А нет у нас больше ни гарнизона, ни флота, – вдруг зло ответил Свенссон. Его худощавое лицо исказила гримаса. – Дорогие заумные системы нападения и защиты – на всех хватило одного предателя, на десять минут отключившего наблюдение, да грузовика с булжниками, брошенного с орбиты.

– Флот тоже не придёт, – тихим виноватым голосом добавил майор. – Я не знаю, сколько маяков им удалось уничтожить, но ближние не отвечают. А без них в здешнем облаке идти только на досвете – это год в самом лучшем случае, если уцелела хотя бы часть навигационной сети...

– В столице уже горят костры с несогласными, – устало произнёс Андрес, – а нас, тех, кто умеет воевать, всего девять. Это вместе с офицерами. Через три часа мятежники будут здесь... Людям же, чтобы уйти в сельву, надо хотя бы часов двенадцать... – на лице Свенссона вдруг проступила смертная тоска, и он замолк. Но через несколько секунд, собравшись с духом, заговорил дальше: медленно, словно проталкивая каждое слово. – Я никогда никого не просил... Я знаю, что прошу от вас слишком многого... Я знаю, что прошу, наверное, невозможного... Но вдевятером мы не удержим дорогу.

Отче наш, иже еси на небесех!

Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.

Прости раба Твоего, что не последует слову Твоему и не соблюдает закон Твой, за то, что нарушу заповеди Твои о любви и всепрощении. Грешен я, Господи, но не могу поступить иначе!

И вместе с остальными Серж шагнул к грузовику с ору-

жием.

Талисман на удачу

Кап-кап-кап. Вода из пробитой трубы медленно сочится на пол, капли, словно песчинки часов, отсчитывают секунды. Мгновения жизни. Я посмотрел на товарищей, укрывшихся среди обломков и мусора, щедро устилавших пол «ангара» – всего четверо. А боеприпасов осталось на одну, может быть, две атаки. Только вот те, кто пытается ворваться вглубь бывших складов, ещё не знают – мы победили: в баллоны за спиной уже попал воздух, внутри пошёл необратимый процесс распада. Газ в толстых трубах из жёлтого пластика и серой металлоброни никогда не превратится в смертельный яд, готовый отравить тысячи людей. И если ценой станет наша жизнь – что же, мы всегда знали, что выбранная стезя может забрать её в любую минуту. Amen.

Гай на мгновение прикрыл глаза рукой, пытаясь отогнать внезапно нахлынувшие воспоминания прошедшей войны. Не к месту. Но уж очень космопорт Илезы был похож на другой, точно такой же, откуда тогда ещё лейтенант Гальба уезжал... Уезжал, чтобы никогда не вернуться. И так же, как и тогда, сегодня в пассажирском терминале царила неразбериха: кто-то спешил к автобусам на посадку, кто-то толпился у информационных табло, выискивая нужный рейс. Встречающие и провожающие с грудами сумок и чемоданов, дети, взрослые, работники вокзала – вместе они напоминали ши-

пучий разноцветный коктейль, который выплеснули в большую миску, накрытую гигантской стеклянной тарелкой.

Полковник Гальба путешествовал налегке, потому досмотр прошёл одним из первых. И сейчас, глядя на людскую кашу пассажирского зала, отогнал непрошеное видение и принялся мысленно ругать таможду. Илеза – одна из старейших и богатейших колоний, входит в центральный сектор Империи, и проверка вещей обязательна для любого въезжающего и отъезжающего. Но как её провели неряшливо и поверхностно! Особенно когда таможенник увидел капитанские погоны и то, что стоявший перед ним военный – полный кавалер Звёзд Славы.

«Как освоюсь – начну наводить порядок. А то чёрт-те что, совсем разленились. Ладно, в отличие от многих и документы, и награды у меня настоящие. А не липовые, из тех, что так любит наша доблестная Служба. И не менее доблестные агенты соседей, чтоб им пусто было. Но ведь здешние балбесы даже не потрудились удостоверение проверить, как положено. Засунь я в сумку хоть пушку – и её не увидели бы, они же после звёзд так рты разинули, что вообще про всё забыли...» – резкий толчок в спину вырвал его из раздумий.

Обернувшись, полковник увидел молоденького лейтенанта, летевшего в соседней каюте. Тацит, кроме своей сумки, оба чемодана девушки, с которой познакомился в дороге. Катить объёмистые баулы в толпе не получается, вот и приходится бедняге отдуваться за свою даму, толкая углами всех,

кто не успел увернуться. Увидев, кого он задел на этот раз, парень налился краской смущения, попытался было вытянуться по стойке смирно, произнести слова извинений – но Гай только махнул рукой: мол, не глупи, вон там родители твоей пассии ждут, так что поторопись.

Проводив юношу взглядом, полковник улыбнулся: всё-таки не зря он удержал этих двоих от глупостей на борту. Они будут замечательной парой – но пусть их жизнь свяжут любовь и время, а не последствия случайного увлечения. Вон как мальчик краснеет, знакомясь с родителями своей будущей наречённой. Ничего, привыкнет. Но где же всё-таки встречающие самого Гая? Согласно правилам Имперской службы безопасности миров к старшему по званию, переведённому на новое место, прикрепляют двух стажёров: это поможет ему освоиться, а служба обогатится молодыми офицерами, которые будут мыслить чуть иначе, чем окружение – что тоже пойдёт на пользу делу. И ждать ребята должны были прямо у входа в терминал. Наверняка постарались приехать заранее – ведь от первого впечатления зависит отношение будущего начальства. Или... может, ему достались какие-то разгильдяи? Гай машинально потрогал сплетённую из нитей паутинника ленточку-талисман на левом запястье. Неужели наконец-то удача ему изменила?

Фортуна... тонкая материя, капризная дама. Сколько людей молят её о встрече, просят побыть рядом хоть минутку? И завидуют чёрной завистью тем, у кого богиня удачи всегда

стоит за плечом. Гаю таких глупцов было жалко, а своё прозвище «счастливчик» он ненавидел. Полковник Службы в тридцать два, а ведь для большинства это венец карьеры перед пенсией. Пусть не красавец, но вполне симпатичен, чёрная грива и атлетическая фигура – наследие предков-бретонцев с самой Терры. Словно из прошлого вернулся суровый воин, отражающий набеги викингов. Полный кавалер Звёзд Славы и Мужества, а перед такими склонялись и отдавали честь даже генералы... Только вот обычно – посмертно. Да ко всему прочему один из немногих, кого армейская и флотская братия принимала как своего, хотя «крысоловов» традиционно терпела только по необходимости. Его постоянно спрашивали, как ему удаётся, но он только отшучивался, показывая талисман на запястье. Мол, мама в детстве к знахарке сводила – вот та и заговорила на всю жизнь.

Отшучивался, потому что удача имела другую, горькую сторону. За которую он отдал бы и карьеру, и жизнь. Случай увёл его – в нудную рутинную проверку по дальним гарнизонам отправили, естественно, самого младшего. Увёл перед самой пограничной войной, в которой сгорели и семья, и друзья, и коллеги. Свободные миры, да и остальные соседи уже давно точили зубы на часть миров Зелёного пояса, которые империя сумела захватить, пусть и не нуждалась пока в заселении пустующих территорий. Бретонсель стала очередной попыткой «заставить поделиться»: после обнаружения там нового гипертуннеля А-класса захватив сектор, Свобод-

ные миры угрожали бы отрезать изрядный кусок «пояса». Наладить же оборону никому до этого не нужной периферии не успели... Шаткий мир рухнул в кровавой бойне. Вернулся лейтенант на пепелище: единственная промышленно развитая планета Бретонсель стала первой, куда легли бомбы флота вторжения. Гай искал смерти. Не лез, конечно, грудью на выстрел, отец слишком твёрдо вдолбил, что выброшенная самоубийством жизнь – это предательство по отношению к тем, кто остался. Зато стремился в самое пекло: разведка, рейды по тылам, диверсии. Судьба почему-то хранила его, хотя он похоронил немало сражавшихся рядом товарищей.

Когда встал вопрос о воссоздании отделения Службы в разорённом секторе – кроме капитана Гальбы, других кандидатов даже не рассматривали. И так единственный оставшийся местный, который сумеет разобраться не только в армейских, но и в гражданских делах. А ещё новоиспечённому майору долго придётся бок о бок работать с военными, и хорошая репутация да налаженные отношения с соседями намного перевесят некоторый недостаток опыта. Молодой начальник сектора принял и это, поселившись на работе: она стала для него домом и семьёй, смыслом жизни. Потому, наверное, и не задержался майор в захолустье, а двинулся вверх по карьерной лестнице... Гай тряхнул головой, прогоняя опять не к месту вернувшиеся воспоминания. И решив больше не рисковать оглохнуть в людской толчее, направился в кафе при вокзале. Тем более что завтракал он часа че-

тыре назад, и в животе призывно заурчало.

Именно за обедом и нашли его провожатые-подопечные. Вроде бы обычный темноволосый парень, в брюках и рубашке, под ручку с миловидной светловолосой девушкой в ситцевом сарафане... Влюблённая парочка, спешит к своему знакомому. Увидев подопечных, Гаю захотелось дать обоим втык за то, что слишком соответствуют образу. Даже «естественная» неряшливость в одежде – словно из учебника. Любой опытный агент вычислит сопляков с первого взгляда и в лучшем случае просто скроется. В худшем... о таком думать не стоит, за время службы Гай не раз видел, чем заканчиваются ошибки контрразведчика.

Чтобы опередить стажёров, пока они, не дай бог, второпях ещё и не поздоровались по настоящему званию, начал.

– А, давно жду. Твой дядя, – обратился он к парню, – сказал, что направит встречать племянника, но по своей рассеянности забыл назвать имя. А повторно заплатить за сеанс связи поскупился, всё такой же жмот.

– Алексей, – представился русоволосый. – А это моя, – он чуть запнулся, – подруга Женя.

– Очень приятно, – Гай мысленно поставил обоим плюс. К чужим именам всегда тяжело привыкать и легко можно «проколотся». Окликнет кто – а ты как глухой. Ребята молодцы, из-за разовой встречи не стали придумывать себе новые: ведь «официально» они потом могут и не увидеться. За исключением планетарного руководства и офицеров отдела

внешних связей, все остальные сотрудники Службы имели отдельную «внешнюю» биографию, формально работая во множестве учреждений от армии и полиции до муниципального хозяйства и частных фирм. – Позвольте представить-ся, – он встал и поцеловал покрасневшей Жене руку, – капитан мобильной пехоты Гай Гальба. Давний знакомец одного старого скряги, который приходится дядей твоему кавалеру. Но для вас обоих просто Гай.

– У нас машина внизу, – всё ещё стараясь справиться с накотившим смущением, начала объяснять девушка, – мы потому и задержались, что из-за опоздания «Астры» с «Камелией» все стоянки забиты. Хотели уже машину оставить, пешком идти – как случайно место нашли. Только поторопиться надо, мы, как бы сказать... Не совсем правильно встали, – она заодно улыбнулась. – Так что если господин офицер не хочет идти пешком или ехать на автобусе – советую поспешить.

Оставив будущего шефа в выделенной Службой квартире, стажёры уехали, но всего через два квартала Алексей, которого распирало от впечатлений, остановил машину у обочины и обратился к напарнице:

– Ну как тебе начальство? Не хочу каркать заранее, но, кажется, нам не повезло. Даже не представляю, как под таким будем работать.

– Почему? – к поспешности выводов у своего напарника девушка привыкла, но время от времени Алексей умудрялся

заметить то, что она пропускала.

– Ты досье его читала?

– Ну... только открытую часть, – удивлённо произнесла Женья. Подразумеваемая пусть неписаное, но от этого не менее жёстко соблюдаемое правило: куратор и его личные стажёры читают только тот раздел досье, где говорится о профессиональной биографии. Всё личное и семейное можешь рассказать как обычному человеку, только сам – иначе нормальных отношений не будет. Тяжело общаться с тем, кто просеял тебя сквозь доклады психологов и записки аналитиков-кадровиков или «расколоч» с помощью профессиональных навыков. – Лёшка, ты что, залез дальше? Кстати, ведь если даже отбросить правила – у тебя не тот уровень доступа?

– Да нет, что ты, – смутился парень, – только разрешённое. Но мне и этого хватило. Да вспомни своё впечатление, попробуй его, как в академии учили, проанализировать. Отморозок же полнейший...

– Лёшенька, мне кажется, ты ошибаешься, – девушка демонстративно пожала плечами, хотя себе тут же призналась, что спорит больше из чувства противоречия, а не из-за собственных впечатлений. – Не отморозок. Скорее... палач.

– Одно другого стоит, – фыркнул в ответ Алексей.

– Нет, разница всё же есть. Именно палач, – и вдруг добавила пришедшее откуда-то из глубины сравнение. – Или, скорее, судия, который отмеряет виновным и праведным.

Алексей что-то собрался возразить, начать спор, не заме-

чая, что девушка уже ушла в свои мысли, пытаюсь понять, откуда возник именно такой образ. Потому Женя бросила:

– Но ты прав, первое впечатление стоит обдумать. Ладно, не надо меня дальше подвозить. Уже недалеко, а «на пешком» я соображаю лучше.

И раньше, чем напарник успел хоть что-то сказать, выскользнула из машины и сразу же затерялась в толпе пешеходов.

Время показало, что Алексей всё-таки оказался неправ, сработались начальник и стажёры неплохо. Да и отдел, который отдали новому полковнику, был, пожалуй, самым беспокойным и самым интересным в системе Илезы: Гальба стал курировать таможду и борьбу с контрабандой «особых товаров». С одной стороны, за такое назначение говорил его обширнейший опыт, полученный в разных уголках Империи, с другой – все были рады спихнуть на «чужачка» самую объёмистую часть работы. Ведь если за межпланетными террористами, чужими разведками и прочими подобными вещами в здешних краях приглядывало центральное управление столичного сектора, то особо опасный межпланетный криминал, перевозка наркотиков и тому подобное были головной болью периферии сектора. И молодые выпускники академии вместо пучины бумажных дел сразу погрузились в гущу серьёзной службы. А сам полковник оказался не только бесценным и понимающим учителем, но и замечательным человеком, который, где можно, сквозь пальцы смотрит на

нарушение омертвелых негласных обычаев местного «болота».

Со стороны Гая всё было несколько сложнее. Алексея он понял быстро и «до доньшка», к тому же парень любил поболтать, и даже без досье нехитрую историю жизни вытянуть было несложно. Да и похожа она была на собственную, как две горошины из одного стручка: родился, учился, поступил в местный университет, а на одном из курсов парнем заинтересовалась Служба. Дальше аккуратная работа психологов, и человек с радостью принимает предложение служить в СБ. Романтика плаща и кинжала всегда привлекала многих. Разве что, в отличие от наставника, Алексей учился не на инженера, а на лингвиста. А вот понять Женю не получалось совсем. Ибо во время одного из «случайных» разговоров, на подковырку – «что бы на такое сказала твоя родня, если бы узнала» – Женя отрезала: «Ничего. Я с десяти лет в приюте». Расспрашивать и разрабатывать её дальше, словно очередной объект, выходило... Бестактно, вплоть до служебного конфликта.

Сирота службы, так их называли. И армия, и Безопасность, и даже некоторые гражданские структуры всегда выискивали в детских домах подходящих мальчиков и девочек, чтобы после окончания учёбы получить великолепно подготовленных с юного возраста сотрудников. Женя, хоть и была ровесницей Алексея, знала и умела намного больше. Для выходцев из приютов выбранная за них стезя была не работой,

а смыслом, любимым делом и призванием. Да и то, что шансов добиться чего-то в жизни у них неизмеримо больше, чем у простого сироты, изрядно подстёгивало служебное рвение. Вот только как общаться с хорошенькой девушкой, которая не просто не хочет видеть ничего кроме работы, а не умеет, Гай не знал – несмотря на весь свой жизненный опыт.

Не очень сложились у полковника отношения и с коллегами. Точнее, молодёжь и младшие чины смотрели на него с восхищением – как-никак герой, боевой офицер, орденов и медалей на пятерых хватит. Да и не по чину простой мужик, субординацию и порядок хоть и требует, начальственным положением не «тыкает». А вот старший командирский состав за то же самое смотрел с неодобрением, граничащим с холодной неприязнью: и за пренебрежение некоторыми местными «традициями», и за то, что чин и награды Гай зарабатывал в «горячих» точках. А они своё место получали тихим карьерным ростом в кабинетах – слишком спокойным местом была Илеза. Гай, в очередной раз «сталкиваясь» с коллегами, мысленно только усмехался. Оказывается, даже в этих пожилых дядьках до сих пор не умерла тяга к романтике, ради которой они и выбрали когда-то работу в Службе. И потому сейчас из колодцев души плескалась зависть, глядя на воплощение юношеской мечты перед собой.

Впрочем, людьми все были хорошими, честными – тот же руководитель илезского отделения, хотя и невзлюбил подчинённого больше остальных, за рамки приличий и норм служ-

бы никогда не выходил. И даже встал на сторону чужачка, когда полковник Гальба перетряхивал таможню и «устраивал погром» в работе полицейского управления. Хотя начальник планетарной полиции был давним приятелем генерала Унгерна, а сам начальник СБ, в отличие от подчинённых, имел допуск к полному досье и потому был уверен, что полковник на Илезе задержится недолго. Держать таких «зубров» в безопасном тылу, на периферии столичного сектора было расточительством... Если только Илеза не выбрана как часть какой-то многоходовой операции центрального управления, для чего подходящего специалиста внедрили заранее. Гаю ровно-деловых отношений было достаточно, он давно научился ценить мелочи. А что до «сблизиться с коллегами», то, даже возглавляя сектор Бретонсель, никогда к подобному не стремился. Высиживал на банкетах служебных праздников ровно столько, сколько требовали приличия, и уезжал после этого сразу на работу. Он бы, наверное, и ночевал в здании Службы – но разум требовал отдыха, смены обстановки. И чтобы усталость не сказывалась на результатах, Гай дисциплинированно каждый день отправлялся домой, также дисциплинированно брал выходные.

Довольно скоро выяснилось, что «живёт» на службе не он один. И почти все приходятся на его отдел: слишком уж много дел накопилось за время начальствования предыдущего руководства. Несрочной работы, что каждый раз откладывается из-за задач «высокого приоритета» – пока из мелких

неприятностей не превращается в одну большую проблему. Впрочем, пределов разумного никто из «энтузиастов» не переходил... за исключением Жени.

На девушку не действовали ни увещевания, ни устные приказы. А переводить конфликт в официальную плоскость Гай не хотел, всё-таки Евгения была его стажёром. Чем девушка беззастенчиво и пользовалась. Противостояние длилось полтора месяца, пока одну из недель Женя провела, не покидая офиса – на чём терпение Гая лопнуло. Утром восьмого дня он вытащил нарушительницу с рабочего места и пообещал, что отныне будет лично провожать её до порога дома, предварительно забрав ключ доступа в здание Службы. И возвращать ключ будет также лично – у порога квартиры или на пропускном пункте. Красная словно рак Женя вынуждена была подчиниться.

Месяц Гай не только проверял, во сколько его излишне старательная подчинённая покидает работу, но и чуть ли не за руку водил девушку отдыхать по выходным. Рассудив, что Жене будет полезно не сидеть в свободное время в четырёх стенах, а попытаться увидеть в окружающем мире хоть что-нибудь ещё. И лишь убедившись, что повторения «приступов» не будет, контролировать перестал. Но к удивлению обоих, ездили они домой по-прежнему вместе, да и на отдых стали ходить тоже вдвоём. И если с дорогой после работы всё было просто – живут рядом, а машиной Гай, ждущий, что его в любой момент перекинут на новое место, так и не об-

завёлся, то с выходными было иначе. Нет, они по-прежнему смотрели друг на друга лишь как на коллег, не больше. Оба были слишком биты жизнью, чтобы увидеть за мимолётной встречей судьбу или счастливый случай, как это обязательно сделал бы Алексей. Просто он, как признался себе Гай, наконец-то нашёл себе друга, с которым можно почувствовать себя просто человеком, а не начальником или идеальным солдатом на службе империи.

В один из майских вечеров Гай и Женя сидели в небольшом кафе на окраине мегаполиса, отмечая завершение трудной, растянувшейся почти на три месяца операции по отлову очередного канала контрабанды наркотиков. Работать, особенно в последние недели, приходилось на износ – плюнув на все ограничения, которые когда-то установил сам Гай. И потому настроение было ленивое и безмятежное. Женя даже предложила использовать накопившиеся выходные и отправиться на морское побережье: мол, начинается нерест жемчужных полосатиков, очень красивое зрелище – и Гай будет жалеть, если уедет на другое место службы, так ничего и не увидев. Гай в ответ только усмехнулся и обещал подумать. Мысленно добавив, что Женя за последнее время переменилась, и в лучшую сторону: всё больше напоминает хорошенькую девушку, а не робота из голофильмов про шпионские игры. Даже сама заговорила про отдых.

Внезапно дверь с грохотом отворилась, и в зал ввалился десяток парней. При виде то ли пьяной, то ли наширявшей-

ся компании в очень дорогих костюмах Гай тяжело вздохнул: не повезло. Ну почему из всех заведений многомиллионного города эта планетарная проблема выбрала именно их кафе? Племянник сенатора Империи со своими прихлебателями, изгнанный из столицы за какую-то провинность на окраину центрального сектора. И теперь развлекающийся по всей Илезе, пользуясь тем, что местная полиция тронуть его боится. Да и не только полиция: первое время дебоши и хулиганские выходки ещё мелькали в прессе, но после того как несколько изданий вынудили заплатить штраф за «клевету», для пишущей братии любое упоминание столичного гостя стало табу. Разговоры в зале стихли, посетители один за другим стали собираться, выглянувший на шум хозяин с трагичным выражением лица явно заранее подсчитывал убытки... как заводила компании, в котором Гай опознал того самого племянника, вдруг с силой схватил за руку девушку за ближайшим столиком и громко заорал:

– Мадмазель, вы обязательно должны посидеть с нами! Такой красавице нельзя скучать в одиночестве!

Остальные хулиганы в это время держали парня, который пытался вступить за свою подругу. Дело шло к драке. Разгореться она, к счастью, не успела – на автоматический сигнал охранной сигнализации приехал наряд полиции. А вот дальше Гай смотрел на разворачивающийся спектакль со всё большим отвращением. Полицейские вообще не попытались задержать распоясавшуюся шпану и молча выслу-

шивали угрозы и упрёки в свою сторону... Через несколько минут стало понятно, что вступившегося за девушку парня могут обвинить и в «нанесении побоев», и в «злостном хулиганстве с отягчающими обстоятельствами». Вряд ли дело закончится приговором, на такую глупость судья пойти не рискнёт. Но вот нахлебается пацан... негромко шепнув: «Женя, подождите меня», – Гай встал и направился к задумчивой троице полицейских.

– Господа, объясните, пожалуйста, почему вы до сих пор не только не задержали зачинщиков – но и, кажется, готовы поддержать ложное обвинение? Или к вам не поступили записи с камер?

Полицейские вопрос попросту проигнорировали, а «золотой племянник» ткнул в «заступника» пальцем и громко потребовал «арестовать и вон того, а заодно шлюху, которая приставала к нему со всякими непристойностями». Гай в ответ едва заметно вздохнул: очень хотелось избежать такого способа – но иначе парню и девушке сломают жизнь.

– Я, капитан Пятой гренадёрской дивизии, полный кавалер Звёзд Славы и Мужества, своим словом подтверждаю невиновность человека, который не побоялся встать на защиту дамы, – прогремел по залу голос. – Я вношу обвинения против вот этих молодых людей в совершении преступления в состоянии наркотического опьянения, – дальше голос стал ледяным. – А если я узнаю, что вы отпустили подозреваемых или сфальсифицировали в участке анализы – то внесу обви-

нение в преступном небрежении со стороны местных органов юстиции.

После чего развернулся и вышел на улицу. Мысленно похоронив свой отпуск и готовясь к грандиозному скандалу на службе. Нет, формально к нему претензий быть не может – его «публичная» половина служит на Илезе, внешность и «официальная» биография к закрытым материалам не относятся. Даже неизбежное внимание журналистов на пользу, давно пора запускать одну из «обманок», которая должна «отделить» капитана пехоты от его настоящих занятий. Для спецслужб врага, контрабандистов и остальных офицер СБ с кодовым именем «Пустынник» сейчас находится на границе с Содружеством, где руководит операцией по обезвреживанию очередного пиратского гнезда. Вот только начальник планетарной полиции и генерал илезской СБ, говорят, даже дружат семьями. А разнос за то, что «служба правопорядка не соблюдает всеобщее равенство перед законом», из столицы теперь придёт обязательно. И публичного унижения своего давнего приятеля Унгерн не простит.

Женя нагнала Гая только через квартал. После чего вдруг остановила, ухватившись за руку, и впервые обратилась на «ты»:

– Кажется, домой кому-то сегодня лучше не возвращаться, да и квартиру придётся менять. В общем – давай ко мне. Только предупреждаю сразу, спать будешь на диванчике в соседней комнате. Это на работе ты мне начальник, а дома –

обычный гость. Так что свою кровать не отдам.

Ночевать у Жени пришлось не только в этот день, но и весь следующий месяц: с поиском нового жилья возникли изрядные трудности. Квартиру Гай обязательно хотел в том же районе, что и раньше – потому пришлось ждать, пока стихнет интерес журналистов. Конечно, покупку или найм легко можно было оформить на подставное лицо... Вот только сделать это через Службу мешал начальник планетарной СБ генерал Унгерн. Повлиять на работу полковника или сорвать ему операцию прикрытия он не мог, это неизбежно ударило бы и по генералу, зато в житейских мелочах портить нервы подчинённому можно сколько угодно.

Самое плохое причина такой неприязни была вовсе не в том, что директор планетарной полиции и старинный приятель Унгерна получил «за кафе» неполное служебное соответствие – показательная порка для новостей, мол, «перед законом все равны, хотя некоторые чиновники и забывают». И это всего за два года до пенсии! Стань генералу просто обидно за старого приятеля, Гай ещё мог бы принять и даже отчасти согласиться: он в здешних краях птица залётная и завтра уедет – а местным ещё служить и служить. Вот только дело было в самом Унгерне...

Как когда-то и Гая, как Алексея, как тысячи других, будущего генерала привлекла в ряды Службы романтика: лихие погони и абордажи пиратских судов, поиск шпионов и сотни других приключений рыцарей плаща и кинжала, на которые

так щедры писатели и киношники. Реальность оказалась совсем иной – за каждым бравым агентом и отчаянным абордажем всегда стоят сотни следователей, аналитиков, простых работяг из прикрытия и оцепления, тысячи нудных часов за столом или в скучном патрулировании. К тому же после училища Унгерн сначала попал вглубь страны, а потом сразу на Илезу, где и сделал карьеру. Неторопливый рост чиновника заставил грёзы молодости затереться, поблѣкнуть... Пока не появился полковник Гальба. Воплощение того, кем генерал мечтал стать – но не стал.

Квартиру, в конце концов, Гай себе нашёл – но как-то само собой получилось, что и дальше через день он ночевал у Жени. А в одной из своих комнат завел диванчик, куда уходил спать, если девушка оставалась у него. В первое время Гай ещё мог себе врать, дескать, сначала дело в необходимости, потом, что такое общение на пользу самой Жене. После того вечера в кафе в девушке словно прорвало какую-то плотину, она оттаяла и всё больше стала походить в глазах Гая на своих сверстниц. Нет, на работе она по-прежнему была аккуратной и строгой к делу до тошноты. Но вот дома выяснилось, что Женя владеет редчайшим по нынешним временам искусством вышивать ручную – замечательная отдушина от домашней пустоты и хороший способ скоротать время до следующего рабочего дня. Потом выяснилось, что, не иначе как от того же одиночества, Женя увлеклась литературой дозвѣздной эпохи. И даже всемогущая Служба пропустила,

как девушка выучила пару древних языков и опубликовала под псевдонимом несколько статей. Но в какой-то момент Гай всё-таки себе признался: ему тоже до тошноты надоела размеренная, строгая и точная, как часовой механизм, служебная жизнь, с взаимоотношениями строго по распорядку, когда за день скажешь едва ли с десяток фраз, которых нет в какой-нибудь инструкции. А Женя, у которой могло вдруг обнаружиться новое хобби, необычное предложение, пожелание, даже каприз, вдруг заставила Гаю почувствовать себя живым – впервые после утра, когда лейтенант Гальба увидел с орбиты обгорелую воронку на месте родного города. Впрочем, внешне неожиданно разыгравшаяся в душе буря была незаметна, жизнь текла по-прежнему. Серые будни и рутина, редкие выходные... И то ли лёгкие, на грани заметного и ненастоящего ухаживания, то ли ненавязчивый флирт. Пока в один из выходных Гай не решился зайти за Женей с цветами.

Увидев заботливо собранный дорогим флористом, перевитый ленточками букет, Женя вдруг замерла... И в одно мгновение из серьёзной молодой женщины превратилась в маленькую девочку: ей внезапно подарили платье, про которое она мечтала – но знала, что ей никогда его не купят. Несколько секунд девушка стояла на пороге, не в силах сделать ни шагу... а потом вдруг разревелась. В три ручья, подетски навзрыд. Гай, не думая, как ломается букет, что любые объятия девушка терпеть не может, прижал её к себе,

начал гладить по волосам, шептать что-то нежное, а Женя всё плакала и шептала: «Первый раз. Ты знаешь, первый раз. Я получаю их первый раз. Не для всех, не на выпускной или потому что положено на праздник – а первый раз только мне...»

Гай не раздумывал ни секунды. Словно он снова на войне, и надо действовать, не выбирая варианты – но выбрав единственно верный:

– Значит, так. Я немедленно оформляю нам отпуск, и мы едем на море. Сезон этих самых, про которых ты говорила, уже закончился – но там и без них есть чего посмотреть. Прямо завтра заказываю нам два номера на побережье...

– Один номер. Один на двоих... – тихонько поправила девушка.

– Хорошо. Один. После чего мы сразу же отправимся по магазинам. Форменное ты моё чудо.

– А это ещё зачем?

– А затем, что все твои платья можно запихнуть в один чемодан. Зато униформы по две штуки на все случаи жизни. Или ты собираешься загорать на пляже в мундире? Нет уж, перед отъездом я тебя соберу по-человечески.

Характер своего начальства оценить Гай успел давно: генерал Унгерн к неприятным для себя вещам старался относиться по принципу «с глаз долой – из сердца вон». Поэтому заявление об отпуске с указанием успешно завершённых дел – как своих, так и «соседских» – подписал мгновенно,

лишь бы хоть ненадолго не встречать в коридорах ненавистного коллегу. Следующий этап тоже прошёл «без сучка и задоринки» – получив разрешение «для себя», Гай немедленно дал ход служебной записке от врачей: они уже давно требовали выгнать Женю «на отдых по медицинским показаниям» – мол, третий неиспользованный отпуск подряд накопился. Дальше извилистый путь с десятком пересадок, и они на море. Даже если Унгерн поймёт, что его провели, и постарается кого-то из них отозвать «по служебной необходимости» – найти не сможет. А канал экстренной связи использовать побоится, это будет серьёзным служебным проступком, на что заядлый формалист и бюрократ никогда не пойдёт.

В первую же ночь они договорились – прошлого друг друга не касаться: для них существует только здесь и сейчас. И старались соблюдать это правило все дни отдыха... но иногда поток событий решает сам, что нужно вспомнить и о чём рассказывать. За два дня до возвращения Гай и Женя лениво обсуждали в одном из кафе бесконечных набережных, на что лучше потратить оставшееся время, как за спиной Гая вдруг раздался громовой голос.

– Здорово, чертяка! – хлопнула по плечу лапища. Обернувшись, они увидели рыжего богатыря таких размеров, что Гай рядом показался подростком. – Вот уж кого не ждал встретить, да тем более с такой красивой девушкой. А ну, давай рассказывай!

– Женя, разреши представить Рудольфа, моего хорошего

знакомого по Бретонсели. Рудольф, это моя невеста – Евгения.

– О-о-о! Поздравляю от души! – богатырь сгрёб обоих в охапку и крепко обнял. – Ребятам скажу, от нас подарок – и как в прошлый раз, не отвертисься.

Рудольф заговорщически подмигнул Жене, сел за их столик и весело начал рассказывать:

– Мы, значит, так познакомились. Нас тогда зажали на побережье, ни с воздуха, ни с моря не подойти. Робоарткомплекс – штука страшная. Ну, всё, думаем – счас пристреляется и хана, можно отходную. И вдруг замолкло, а по радиии вот его голос: мол, долго контрольный пункт не удержим, но минут тридцать у вас есть, транспорты на подходе. Как мы тогда грузились... Полк все нормативы раза в два переплюнул. А как прилетели, нам и объясняют – повезло, Гай со своими парнями случайно рядом оказался. Мы ещё тогда, помнится, хотели благодарить – так этот скромник отвертелся. Зато теперь – ни-ни! – Рудольф замолчал, а потом вдруг серьёзно добавил: – А ты его береги, девочка. Вечно этот ненормальный кого-то спасать лезет. Так, может, хоть ты его сумеешь удержать.

– Обещаю, – также серьёзно ответила Женя.

Рыжий весельчак провёл с ними полдня, умудрившись протащить по таким местам, про которые за все дни отдыха Гай и Женя даже не слышали. А когда они проводили его на стратоплан, девушка задумчиво посмотрела в сторону аэро-

вокзала и спросила:

– Это было предложение? Так необычно.

– Ага, – Гай весело подхватил подругу на руки и, несмотря на шутовское сопротивление, понёс к стоянке. – Хоть сейчас!

– М-м-м... Завтра. Тут можно организовать настоящую свадьбу – не хочу обходиться одной отметкой в документах.

– Тогда – завтра. А как вернёмся... сразу в свадебное путешествие! И ни одна канцелярская крыса не сумеет отобрать у нас положенного!

Отпраздновать медовый месяц не получилось. На работе ждал пришедший днём раньше циркуляр из столицы: все сотрудники немедленно отзываются из отпусков на особое положение – Илеза должна подготовиться к приёму финала чемпионата по трёхмерному футболу. И дело было не столько в возможных волнениях спортивных фанатов, ведь съедутся болельщики из множества миров. Обычная рутина должна была коснуться лишь планетарной секции СБ. Если бы не то, что в этом году на матч приедет наследник престола, а также один из прокураторов Правящего совета Объединённой федерации. И неофициально – представитель Свободных миров. А само мероприятие должно послужить прикрытием для трёхсторонних переговоров, при посредничестве федерации. Итогом должен будет стать полноценный мирный договор и любовный раздел сфер влияния вместо нынешнего перемирия. Подготовка шла весь последний год: напряжённость между двумя супердержавами и взаим-

ное эмбарго, грозящие взорвать Галактику новой войной, не устраивали всех.

Сумасшедший дом начался ещё до официального заявления, что на Илезу приезжает наследник. А едва новостные заголовки запестрели сообщениями о планах высоких особ, стало ещё хуже: в СБ посыпались данные о десятках различных группировок, которые хотят «заявить о себе», устроив громкое покушение. И пусть непосредственно за безопасность встречи отвечает служба дворцовой охраны, вся «черновая» работа упала на местное отделение. Особенно когда стало известно – кроме неопасной шушеры на матч нацелилась «Бригада четвёртого июля», одна из самых зловещих террористических организаций на территории Империи.

Генерал Унгерн ликовал: сбылась его давняя мечта, в его руках спасти наследника и послов от происков врага и стать настоящим героем. Достойное завершение карьеры! Для подчинённых это вылилось в то, что руководитель илезской СБ постоянно вмешивался и «контролировал» их работу, создавал ненужные трудности и проблемы. Особенно когда у военных обнаружилась пропажа трёх мобильных плазменных орудий «Афина». Вместо совместного расследования Унгерн обвинил армейцев в некомпетентности и утечке информации, потребовал, чтобы назначенные им представители из СБ получили право контроля и вето на все решения штаба, и начал угрожать командующему илезской группировкой – после всего он добьётся полномасштабной провер-

ки, и флотское руководство выгонят за некомпетентность. Нормальной общей работы после такого, естественно, быть не могло. Военные стали просматривать лишь официальную переписку через командующего, раз в шесть часов. Демонстративно игнорировали любые запросы другого уровня, не помогали даже знакомства полковника Гальбы – хотя раньше знавший его «полную» биографию адмирал охотно шёл навстречу.

На какое-то время про ненавистного подчинённого Унгерн забыл, слишком много было дел. Но за неделю до матча конфликт разгорелся в полную силу: Гай высказался против сценария, который навязал руководитель илезской СБ, и с которым уже почти согласилась охрана наследника. Слишком уж всё было прямолинейно: террористы каким-то образом проносят или пронесли на стадион плазмострелы, и едва они начнут готовить их к выстрелу, силы СБ и отряды полицейского спецназа мгновенно захватят или уничтожат нападавших. Ведь в «горячем» состоянии орудия можно засечь детекторами, а из «холодного» их выводить минут десять, не меньше. А дополнительные силы блокируют террористов «внешнего звена» снаружи, останется только проверить город и выловить руководителей. Чистая победа... вот только два года назад «бригады» подобным способом уже убили одного из федеральных сенаторов – и наверняка в этот раз придумали что-то иное.

Унгерн доводы полковника слушать отказался. Он не мог

запретить одному из начальников отделов отслеживать альтернативные версии – зато в его власти было похоронить сценарий Гальбы внутри СБ и оставить в распоряжении полковника только персональных стажёров да восьмёрку аналитиков: всё равно проверить затребованный объём информации без помощи коллег они не смогут. И ничто не помешает осуществить начальственный геройский план.

В день матча здание СБ опустело и затихло, генерал отправился лично контролировать операцию, забрав всех, до последнего программиста, на «усиление второго эшелона». Покой нарушали лишь пятёрка охранников штаб-квартиры да сотрудники отдела контрабанды: Гай умел выбирать себе людей, подчинённые верили своему командиру – и потому продолжали работать. Хотя Унгерн и дал понять, что всех, согласившихся с полковником Гальбой, после поимки террористов ждут неприятности вплоть до увольнения. Внезапно раздался голос одного из аналитиков:

– Шеф! Вы просили докладывать обо всём странном. Вот, смотрите. Тендер на проведение ремонтных и профилактических работ перед соревнованиями выиграла фирма «Синие облака». Контракт выполнила качественно, даже пошла на уменьшение своей прибыли, лишь бы заполучить договор и право на отметку «подрядчик соревнований»: чего только стоят вентиляторы системы кондиционирования из вольфранита вместо обычных стальных. А в системе поглощения запахов используют почему-то гексонатин. Им пользуются в

дешёвых гостиницах, он хуже октонатина, зато стоит раз в пять дешевле...

– Гексонатин... – задумчиво начал размышлять Гай. – Что-то знакомое... Трубы! Из чего сделаны трубы системы вентиляции?!

– Обычный пластикат, разве что армирован структурированным углеродом.

– Немедленно всем проверять закупки последних недель! Не ввозился ли на территорию столичного округа Илезы бутрин в сжатом виде!

Первой сообразила Женя – её специализацией были отравляющие вещества, и в своё время Гай делился с ней опытом войны: на войне необходимость заставляла изобретать немало способов получить яды и взрывчатку из самых безобидных средств.

– Тризарин... – побледнела она.

– Да. Бутрин безвреден, – быстро начал объяснять остальным полковник, – датчики безопасности и фильтры на входе не сработают. Дальше возле вентиляторов компоненты начнут вступать в реакцию с гексонатином и углеродом стенок, как раз турбулентность, небольшой нагрев и катализатор из вольфрамита. КПД процесса ничтожен, но хватит на все пятьдесят тысяч зрителей.

– VIP-зона в цепи кондиционирования одна из первых. Среагировать они не успеют, тризарин действует слишком быстро... – высказал за остальных Алексей.

А перед глазами Гая вдруг встала изрытая орбитальной бомбардировкой Бретонсель.

Место, куда выгрузили баллоны с газом, нашли быстро. Его даже не скрывали, склады на окраине, многокилометровые подземные ярусы. Забытые и полузаброшенные уже лет тридцать, с тех пор как стали рентабельны планетарные антигравитаторы, грузы начали хранить в огромных многоярусных «башнях» в черте города. Засыпать катакомбы выходило слишком дорого, к тому же казне их содержание не стоило ничего – мэрия повалилась сдавать кубатуру за гроши всем желающим, особенно инопланетным фирмам помельче. Кому не по карману нормальные склады. Идеальное место, где никто не будет задавать вопросов и не будет мешать – постоянно использовалось меньше одной сотой всего объёма, остальное законсервировано. Оттуда можно незаметно подать газ в городскую систему канализации, и если на центральном посту среди диспетчеров есть свой человек, он легко перекроет нужные заслонки, изменит вектор движения и закачает бутрин в системы стадиона. Нужно оборудование уже наверняка смонтировано, всё займёт секунд десять-пятнадцать, не больше.

Звонок Гая Унгерн высмеял. После чего переключил всю связь со штаб-квартирой и охраной наследника на себя: чтобы глупый подчинённый не помешал совершать подвиг. Это было серьёзным нарушением, генерал после всего неизбежно пойдёт под трибунал... только вот для людей на стади-

оне будет поздно. Бесплезно посылать курьера, ради безопасности и памяти многолетний опыт, полёты над стадионом запрещены, а по земле пробираться слишком долго. Да и потом преодолеть сопротивление руководства не успеют. Отказался разговаривать и начальник полиции – слишком хорошо помнил историю в кафе, к тому же был полностью согласен с давним приятелем. Следовательно, помощь полиции исключалась: с утра по городу был объявлен код «красный-один», теперь любые действия городских служб, и особенно спецназа, заверялись через центральное управление полиции. Не помогут даже документы СБ – слишком памятливы волнения на Галиче, когда полицию дезорганизовали с помощью фальшивых удостоверений и ордеров. Не получилось связаться и с военными, а официальный пакет ушёл всего сорок минут назад.

Какое-то время Гай в отчаянии даже раздумывал, не поднять ли панику с помощью журналистов... но отказался. Во-первых, в таком случае газ могли пустить до церемонии открытия матча, не убедившись, что «цель на месте». А во-вторых – не стоило забывать об украденных «Афинах», под прикрытием паники террористы могли попытаться атаковать «в лобовую», дураков-смертников у них хватит. А что делает взрыв плазмы в толпе, полковник Гальба знал слишком хорошо. Время: час у них ещё есть! Пусть с боевым опытом только он и пятёрка охранников, остальные тоже подготовлены как неплохие бойцы. А дальше, когда они захватят газ –

сигнал тревожного маяка пробьётся даже с нижних уровней, и игнорировать его не посмеют. Риск минимален... вот только Женю остаться он так и не уговорил: девушка настояла, что других специалистов-химиков у них нет, и без неё шансы на успех падают в несколько раз. Гай раздумывал несколько минут, но всё же согласился. Лишь повязал на руку жены свой талисман – тот уберёт его в пекле войны, пусть поможет Жене сейчас.

Место они нашли быстро, без труда получилось и уничтожить охрану: пусть у подчинённых Гая не было тяжёлого вооружения – слишком велика разница между фанатиками-самоучками и офицерами Службы под командованием ветеранов. Когда направленный взрыв выбил укреплённую дверь, а проверка показала, что в жёлтых баллонах содержится бутрин, всех ненадолго охватила эйфория: неужели победа? Вряд ли у террористов есть где-то ещё один склад, газ специфичный, и если попытаться ввести в столичный округ слишком много, это вызовет подозрения. Осталось подать сигнал военным... пятнадцать-двадцать минут они продержатся легко: перед бывшей подсобкой, где лежали баллоны, шла анфилада огромных складских «ангаров» с единственным входом-выходом. К тому же в каждом зале навалены груды разнообразного мусора, от использованных транспортных контейнеров до бетонных блоков старых перегородок – эсбэшников не «выкурить» даже с помощью «Афин», если их оставили где-то здесь.

Удача отвернулась, едва Гай попытался запустить маяк – где-то на соседнем уровне заработала специальная «глушилка». Почти сразу отказали камеры-ретрансляторы, которые клеили на стены вдоль всего пути – террористы взорвали два верхних яруса, а ближние оказались в зоне действия помех. Все попытки наладить связь провалились, противник словно знал параметры оборудования и секретные алгоритмы передачи данных... Гай выругался: всё-таки предательство! Причём кто-то из своих, за пределами контрразведки характеристик «маяка» не знают. Вот почему была такая слабая охрана, враг точно знал, что обман удался. Будь здесь его парни с Бретонсели, можно было бы попытаться отправить кого-то наверх... Но ребятам с Илезы не хватит опыта пробиться через незнакомый подземный лабиринт. А выпустить газ наружу не получится, баллоны оснащены специальной мембранной головкой-«непроливайкой», под пластиковым кожухом спрятана металлоброня – не разрушит даже прямое попадание из плазмопушки. Устраивать завал тоже бесполезно – плазмоорудие в режиме непрерывного разряда очистит путь минут за двадцать, самое большее...

– Можно запустить распад, – вдруг заговорила Женя, – на основе батареи маяка можно собрать катализатор. Процесс начнётся, как только в баллоны попадёт достаточно воздуха...

– Сколько времени? – остановил её Гай.

– Мембраны... Их можно повредить, но не меньше сорока

минут. С гарантией – час.

Гай посмотрел на товарищей: сорок минут означает, что доживёт не больше половины. Полковник начал говорить, что пусть остаются лишь добровольцы... и осёкся. Без слов было понятно – останутся все.

Первую атаку они отбили легко, террористы недооценили врага, посчитав его разновидностью обычных полицейских. Затем последовала короткая передышка – и «волны» пошли одна за другой без остановки. И пусть за каждого убитого офицера враг платил десятком своих – безумных фанатиков было слишком много. Когда от баллонов раздался крик Жени: «Готово!» – бой уже шёл недалеко от подсобки. А рядом с полковником осталось всего четверо товарищей.

Прорваться наверх не получалось, Гай лишь молился, чтобы помощь всё-таки подошла, и хотя бы Женя осталась жива. Он не переставал просить Бога даже тогда, когда рядом взорвалась граната и мир погрузился во тьму... Как сквозь вату, Гай расслышал полный ужаса крик, потом отчаянную стрельбу, взрыв... и грохот ломающихся перекрытий: ещё в самом начале боя они договорились, что последний взрывает самодельную мину. Чем позже враг доберётся до баллонов, тем надёжнее победа. «Подожди меня, родная, – сквозь контузию Гай ощущал, как приближается обвал. – Подожди, я уже скоро».

...Тик-так-тик-так. Часы на стене выстукивают дробь, словно капли дождя барабанят по карнизу. Как он их нена-

видит, эти часы! Какой-то незнакомый голос с заботой сказал, что «у больного временно действует только слух, потому нужны звуки для связи с окружающим миром». Окно в палате реанимации открывать нельзя, стереовизор запрещён, вот и повесили проклятый механизм. А объяснить, попросить убрать – не получается. Он опять остался жив. Опять. Один из всех. Будь проклята его везучесть! Женя с яростью отчаяния прорвалась в соседний зал и подорвала бомбу там – потому обвал не дошёл до уголка, где лежал полковник Гальба. Его не заметили террористы, когда расчищали обломки – зато спасатели нашли раньше, чем кончился воздух и остановилось сердце.

В больнице о нём заботятся, готовы выполнить любое желание... и внимательно следят, чтобы герой не наложил на себя руки. Они думают пациент был без сознания, когда рядом обсуждали, что других выживших нет. Вот только... тогда получится, что Женечка погибла зря. Тогда получится, что Гай убьёт последнюю частицу любимой, которая ещё осталась внутри него. Нет! Он должен жить. Тот же голос, который говорил про потери, сказал, что если полковник Гальба выживет – то получит чин генерала и перевод в столичное управление метрополии. В первое мгновение Гай хотел отказаться – но сейчас, в темноте больничной койки, решил иначе. Он согласится, чтобы больше никто не оказался на его месте – когда жажду славы одного человека оплачивают другие. Судьба сохранила его, потому он выполнит свой долг до

конца. «Там, по ту сторону вечности, времени нет. Женечка, ты же подождёшь меня ещё немного?»»

Потому что со мной имя твоё

Жёлтый автобус резко затормозил, чтобы не столкнуться с выскочившим из-за поворота «Гепардом». И недовольно загудел, словно обругав бесцеремонного водителя. Но матово-синяя машина только моргнула огнями, словно извиняясь: мол, согласен, резковато получилось – но извини, друг, я спешу. И лихо понеслась дальше, перескакивая из просвета в просвет плотного вечернего движения, «подрезая» и обгоняя неторопливо едущих с работы горожан. Мартину сейчас хотелось мчаться со всей мощностью, на которую был способен его «железный конь». Впереди долгожданные выходные, чёрт побери! К тому же Розы, секретарша шефа, шепнула ему перед уходом, что из-за случая с лайнером «Лебедь» сняли начальника одиннадцатого сектора, а Мартин на хорошем счету – и, значит, главный кандидат на освободившееся место. Такую новость стоит отметить!

Удачно, что аврал закончен и сотрудников больше не задерживают. Так что Мартин вполне успевает в «Черепашу», отпраздновать будущее назначение. Впрочем, он собрался туда не только потому, что это был самый известный ночной клуб округа. Именно в «Черепаше» они познакомились с Евой... И встречались целых полгода – пока не расстались в прошлые выходные. Ну забыл он про её день рождения, стоит ли поднимать шум из-за такого пустяка! Да ещё и выска-

зывать по поводу его недавней интрижки с той первокурсницей. Подумаешь!.. И вообще, мужчине время от времени надо разнообразить жизнь – это залог спокойных и крепких отношений. А не повод для обвинений, тем более что Ева ему даже не жена. Да ещё и устроила скандал на весь дом...Всю дорогу Мартин уговаривал себя, что расстались они правильно. Хотя какой-то неприятный осадок всё равно тревожил душу... Но как только он оказался на пороге «Черехаи» – все глупости тут же ушли прочь. Яркая музыка, шумная толпа и море обаятельных девушек – что ещё нужно для счастья? И Мартин радостно окунулся в водоворот развлечений.

Звонок и вызов на работу застал его ещё в постели. Самым неприятным было то, что едва начинался второй день уик-энда, а кровать принадлежала симпатичной девуле с синими волосами, которую Мартин подцепил в пятницу вечером и с которой рассчитывал провести все выходные. Выслушав доброе: «Ты нужен мне, мой мальчик», – Мартин начал торопливо собираться. Когда он уже надел пиджак, девушка проснулась, откинула покрывало и зазывающе обнажила огромные груди, раскрашенные по последней моде татуировками. Увидев, что Мартин, сделал вид, будто ничего не заметил, девушка томным голосом произнесла:

– Ты куда, милый? А как же обещанные на сегодня «Три вертела»?

Но Мартин только что-то невнятно промычал в ответ и за-

хлопнул дверь: ему уже было не до ресторанов. Невысокий и пузатый, шеф напоминал смешного шерифа из популярного телесериала – не хватало разве что толстой сигары. Только вот на деле это был циничный злопамятный ублюдок. А доброе «мой мальчик» означало «где тебя носит, болван, когда ты мне нужен». В Управление Мартин примчался через полчаса после звонка... шеф принял его не сразу и продержал, как обычно, почти двадцать минут в приёмной. Мартина подобная демонстрация своей значимости всегда раздражала. Но увы, он человек пока маленький, так что вынужден мириться. Наконец, шеф соизволил вспомнить о подчинённом и вызвал его к себе.

– Мартин, мальчик мой, ты помнишь нападение на «Лебедя» в прошлом месяце? – сальным голосом произнёс хозяин кабинета. Мартин кивнул. Ещё бы! Головы в спецслужбах продолжали «лететь» до сих пор – вспомнить, например, Сандро из Одиннадцатого... На злосчастном лайнере летела невеста одного из Прокураторов! Хотя прошло уже почти две недели, с новостных лент сообщение о нападении не сходило до сих пор. Неужели срочность связана именно с пропавшей девушкой? Словно подтверждая его догадки, шеф продолжал:

– Там летела невеста Прокуратора, Мария. Бедная девочка...

С последним Мартин мог бы и поспорить. По должности и месту работы он был неплохо осведомлён о нравах неко-

торых «обитателей Олимпа». И вовсе не был уверен, что для девушки хуже: попасть к пиратам или добраться до своего будущего мужа. Прокуратор любил хорошеньких девушек – в этом они с Мартином вполне сходились. Как и Прокуратору, ему тоже нравилось менять пассий чуть ли не каждый месяц. Но если Мартин, к своим тридцати с небольшим, вывел для себя правило всегда добиваться взаимности, то Прокуратору нравилось брать женщин силой. Нет, до примитивного изнасилования столь солидный чиновник никогда не опускался, а рукоприкладство, по слухам, допускал только в отношении своих жён. Да и то изредка. Но излюбленные Прокуратором способы, на взгляд Мартина, были куда хуже: шантаж, психологические издевательства и моральное давление. Хотя... У властных мира сего – свои причуды. И неизвестно, как он вёл бы себя сам, доведись ему оказаться в столь солидном кресле.

Тут Мартин понял, что перестал следить за речью начальства, и сосредоточился, пытаясь найти нить разговора снова. А шеф, как всегда не обращая внимания на подчинённого, вещал:

– Так вот. Позавчера базу пиратов нашли и взяли штурмом.

Мартин мысленно улыбнулся. Нашли они! Да про «Розу» в Управлении знали, наверное, даже тараканы. Что там отдыхает добрая половина пиратских экипажей, а дельцы и коррумпированные чины договариваются с пиратскими барона-

ми. Через хозяина же «Розы» всегда велись и переговоры о выкупе заложников – об этом тоже знал весь сектор. Управление хотело прижать Шорка давно, но у того были слишком серьёзные покровители. Похоже, похищение невесты Прокуратора хозяину «Розы» с рук всё же не сошло. Но при чём тут Мартин?

– Девушки там не оказалось – похоже, вывезли прямо перед началом операции. Есть мнение, что пиратов кто-то предупредил. Поэтому ты отправишься на Иволгу. По договорённости с тамошним Управлением Погранслужбы будешь искать по их информационным базам данные о связях и маршрутах пиратов. Чтобы, так сказать, помочь найти утечку. Чтобы, так сказать, получить информацию со всех сторон, – закончил шеф.

Мартин непонимающе пожал плечами. Иволга – это имперская планета. А операцию проводил спецназ Содружества, следовательно, и «крысу» искать надо с их стороны. Но шеф тут же пояснил:

– «Наверху», – он поднял палец, – появилось мнение, что нападение на «Лебедя» связано с кем-то из чиновников Империи. Вот ты и должен это установить!

Мартину на несколько мгновений показалось, что он ослышался. Обвинять Империю в связях с пиратами – это бред. Имперская территория страдала от них куда больше Содружества, а на её границах время от времени даже разворачивались настоящие сражения с пиратскими флотилиями.

ми. Имперцы, кстати, давно бы сами вычистили пограничье – но им мешали дельцы из Содружества. И теперь «наверху» хотят обвинить в захвате лайнера администрацию одной из имперских планет. Это же война. Или, по крайней мере, крупный военный конфликт.

Хотя... Соседи давно уже точили зубы на имперские планеты «зелёного пояса», но поодиночке предпринять ничего не могли: Империя была куда сильнее любого. Да и население воевать за далёкие от него интересы транскорпораций не торопилось. Теперь, похоже, шакалы всё-таки договорились друг с другом, и им нужен повод для разжигания истерии «народного гнева»... Тогда понятно, почему шеф вызвал именно его, лучшего специалиста по «склеиванию» нужных дел на пустом месте.

Кабинет шефа Мартин покинул в приподнятом настроении: чтобы «придать веса» главному актёру намеченного спектакля, Мартин стал начальником департамента одиннадцатого сектора. И твёрдо было обещано, что если всёйдёт «как надо» – кресло за ним сохранят. Правда, уже на выходе из Управления почему-то мелькнула мысль, что Еве это не понравилось бы... но Мартин тут же выбросил глупость из головы.

Иволга встретила Мартина проливным дождём. Хмурый таможенник, больше получаса проверявший бумаги и багаж, хорошего настроения тоже не прибавил. Да и встречающий из местного отделения Управления Погранслужбы опазды-

вал... А позвонить ему Мартин не мог, потому что забыл заказать регистрацию коммуникатора в местной сети. С раздражением оглянувшись в поисках хоть какого-нибудь телефона-автомата, Мартин уже хотел выругаться со вкусом... как столкнулся взглядом с невысокой тёмно-русой девушкой в деловом сером костюме.

– Извините, вы, наверное, меня ждёте? – смущённо с лёгким акцентом сказала она. – Меня дождь задержал, извините.

Хмурое выражение исчезло с лица Мартина словно по волшебству. На девушек он сердиться не привык, тем более на таких хорошеньких.

– Ничего страшного. Бывает. Вы...

– Лика. Я буду сопровождать вас и окажу необходимую помощь в работе.

– Ну, не надо так официально, – рассмеялся Мартин. – И не переживайте вы так. Подумаешь, подождал чуть-чуть, – тут Мартин пресёк попытку поднять багаж. Не хватало ещё, чтобы девушка таскала его баулы! Тем более, такая... приглянувшаяся. Мартин сразу же решил сойтись с девушкой... скажем, чуть поближе. Для начала.

– И давай сразу на «ты» – нам ещё вместе работать и работать. Да и рано ко мне ещё на «вы» обращаться. Тем более красивым девушкам.

Лика покраснела от комплимента и рассмеялась. После чего повела спутника к своей машине.

Мартин ненавязчиво стал ухаживать за девушкой, а неприступность Лики только добавляла охотничьего азарта. Его не остановило даже то, что она была замужем – в конце концов, оба они вполне современные люди. И хотя Лика на супружескую измену почему-то смотрела косо, Мартин о подобных старомодных глупостях не задумывался. Что такого, если оба просто разок получают удовольствие? Лика ведь и дальше останется любить своего мужа, а он через неделю-две уедет.

Опытный сердцеед, Мартин был аккуратен и осторожен. Ведь ни одна женщина не похожа на остальных, и каждой нужен свой подход: кому-то нравятся красивые цветы каждый вечер, кому-то компания обаятельного мужчины в ночном клубе, а кому-то хороший собеседник, который выслушает и похвалит. Лике нравилось сидеть вечерами за чаем или кофе и беседовать на самые различные темы. Постепенно сложилось, что после рабочего дня они вместе шли гулять по городу и проводили вечер в кафе.

Они обсуждали всё – от спортивных событий до влияния Сократа и Платона на философию неопантеизма Кастальеса. И Мартин, который при первой встрече оценил Лику только как очередную «крошку» в коллекцию, подумал, что девушка очень умна. Каждый раз, провожая Лику по набережной, думал, как она прекрасна. Прекрасна той естественной красотой, которая так редко встречается на его родине – «сдвинутой» на зазывающих формах пластической косметологии

и вульгарной косметике. За теплыми и уютными вечерами пролетели почти три недели. Мартин теперь с нетерпением ждал каждого вечера, давно позабыв – зачем он всё и затеял. Главное – что она готова с ним говорить, готова его слушать...

Когда Лика предложила на выходные съездить к лесному озеру, Мартин согласился не раздумывая – среди мегаполисов его родины таких мест почти не осталось. Сначала он просто обрадовался, что сумеет провести с Ликой не только вечер – они не расстанутся целых два дня. Романтическая ночь у костра, вдвоём, мечтательно представлял он... Как вдруг в глубине души проснулся забытый охотничий азарт!

Утомлённые долгим днём, они расположились на берегу. Тягуче отгорел закат, багровое от усталости солнце неторопливо спряталось за деревья, и лес укрыли синие густые сумерки. Наконец, когда стемнело настолько, что освещённым остался только кусочек земли рядом с костром, Лика собралась спать – и неожиданно обнаружила, что не взяла с собой фонарик. Было темно, а из земли то тут, то там торчали корни деревьев – поэтому Мартин тоже встал, чтобы помочь девушке добраться до палатки. В это мгновение инстинкт и опыт толкнули его в спину: «Давай же! Сама она не начнёт, но сейчас ты легко сможешь её подтолкнуть! Обними ненароком, потом случайно коснись губами шеи, а у самой палатки... Дальше ты и сам всё прекрасно знаешь!»

Мартин, словно по инерции, сделал шаг к девушке... И

тут его обожгла мысль: да, это будет замечательная ночь. Но дальше? То удивительное, тёплое и нежное чувство, та хрупкая радость, которую он ощущал все последние дни – они исчезнут. И не вернуться больше никогда. И Лика наутро уйдёт из его жизни навсегда – оскорблённая и униженная. Нет, ради нескольких минут удовольствия он не готов убить то чудо, которое поселилось в его душе! И Мартин просто порыцарски подал Лике руку, а потом вернулся к костру и просидел до самого рассвета, задумчиво рассматривая пламя и смоляную гладь набегающих на берег волн.

Три следующих дня прошли как обычно, в рутине и деловой суете. А в четверг Лика, волнуясь, попросила Мартина съездить с ней в аэропорт, так как прилетали вернувшиеся из патрулей пограничники. Она так боится каждый раз за мужа, когда тот уходит в патруль... а сейчас он возвращается, и Лике очень хотелось бы его встретить. Но поскольку рейс прибывал в рабочее время, а Лика обязана постоянно сопровождать гостя, то без помощи Мартина не обойтись. Мартин согласился. С интересом гадая про себя – каким может быть муж у этой богини?!

В зале ожидания было людно. Сегодня возвращался не только муж Лики, но и десятки других пограничников, и потому зал был заполнен семьями. Лика каждые пять минут бегала к дальней стене смотреть на большое табло с прибывающими рейсами. Мартин же спокойно стоял у стены, с любопытством рассматривая окружающих. Вдруг к нему под-

бежала девочка лет четырёх-пяти, в ярко-жёлтом платье. Задорно встряхнув рыжими косичками, она топнула ножкой и, старательно выговаривая букву «р», крикнула: «А мой папа лучший пограничник». И с радостным смехом понеслась дальше, не обращая внимания на подошедшую вслед за ней маму. Женщина начала извиняться – но тут объявили о прибытии рейса, и она, догнав ребёнка, заторопилась к выходу посадочного терминала.

В начавшейся суете Мартин потерял Лику из виду. Он искал девушку, пытался пробиться сквозь хаос, начавшийся в зале. И лишь когда люди слегка успокоились, заметил её вдалеке, спешащую к мужу. Мартин смотрел на невысокого мужчину под тридцать, не атлета и, по его мнению, не красавца – и пытался понять, что же в нём нашла Она. Тут Мартин увидел, как лицо девушки светится от счастья, как она не помня себя от радости целует мужа... и Мартину стало горько. Ведь всё это – не для него.

Подумав, что Лика обязательно потащит мужа знакомиться, Мартин решил незаметно выйти на улицу. Чтобы справиться с мыслями и хоть немного взять себя в руки... когда к нему в голову пришла леденящая мысль, от которой он замер, а лоб и спина покрылись противной холодной испариной: «Как только я сделаю свой доклад перед журналистами – муж Лики погибнет первым». Погибнет и отец рыжей девочки, и все эти счастливые мужчины в зелёной форме. Погибнут, стараясь спасти тех, кто сейчас их встречает в зале

ожидания аэропорта!

На пресс-конференцию Мартин прибыл не заезжая в Управление: его задержала «случайная» накладка между внешним и внутренним рейсами. Три часа ожидания Мартин внимательно смотрел новости за последнюю неделю. «пиратская» истерия была в самом разгаре. Для «войны народного гнева» не хватало лишь одного – громкого заявления чиновника достаточно высокого ранга, который «в прямом эфире не сможет сдержать негодования на подлость соседей» и продемонстрирует «доказательства»... И значит он должен сделать то, о чём подумал тогда. Когда они встречали мужа Лики.

В здании, где готовилась пресс-конференция, Мартина встретил лично шеф – и, получив заверения, что всё будет «как надо», с нетерпением вытолкнул подчинённого под объективы. Первые пятнадцать минут шла обычная рутина. Наконец, один из «прикормленных» журналистов задал вопрос на тему, что, возможно, пиратские нападения происходят по чьему-то приказу и содействию. Мартин тихо вздохнул, и всё тем же спокойным и официальным тоном ответил:

– Управление безопасности Содружества совместно с Пограничной службой Империи провели тщательную проверку подобных слухов. Как представитель Управления могу заявить, что данные слухи совершенно беспочвенны. К пиратским нападениям непричастен никто из официальных лиц – как со стороны Империи, так и со стороны Содружества.

Кроме того, от лица руководства Управления безопасности уполномочен официально заявить, что Содружество больше не намерено терпеть такого вопиющего нарушения закона на своих границах. Поэтому мы обязуемся полностью покончить с пиратством в течение ближайших месяцев, для чего начаты переговоры по координации совместных действий с соответствующими службами Империи. А теперь вопросы, господа!

На выходе из зала Мартина встретило серое лицо шефа

– Ты, ты!.. – заикаясь, начал он. – Ты понимаешь, что наделал?!!

Мартин только грустно улыбнулся: отказаться от такого заявления, сделанного в прямом эфире, не сможет ни всемогущий шеф, ни Прокураторы. И войны – не будет! И Лика не будет больше бояться за мужа, а та рыжая девочка всегда сможет встречать своего папу. Но объяснять всё это было бессмысленно, поэтому Мартин негромко ответил:

– Понимаю. Очень хорошо понимаю.

Цербер

Утро – самая отвратительная часть суток. И какой злой насмешник придумал начинать день со слов «доброе утро»? Разве может быть добрым миг, когда ты уже вернулся из мира грёз, но душа ещё трепещет от приходящих под конец сна кошмаров, во рту скопился противный кислый привкус, а руки дрожат, словно после месячного запоя? Чтобы загнать липкие щупальца ночных ужасов обратно в призрачные видения ночи, Он начинает обход своих владений.

Вызов к директору Военно-инженерного высшего училища застал Лео в самый разгар обсуждений, как их группа будет отмечать выпускной. Ведь надо не просто обмыть диплом, а ещё и заставить дрожать от зависти все остальные факультеты. Бросать всё и покидать приятелей не хотелось до зубовного скрежета. Вот только выбора нет: пока курсантам не вручат дипломы, директор – Царь и Бог даже для выпускников. Получать же в последнюю неделю наряд вне очереди за опоздание и отрабатывать его на глазах у желторотиков-перваков унижительно.

У дверей директорского кабинета ожидал второй неприятный момент. Ева, такой же курсант-выпускник... Нет, против самой девушки Лео ничего не имел, высокую смуглую брюнеточку можно было назвать очень даже симпатичной. Особенно если вместо уставного ёжика волос предста-

вить роскошную причёску. Вот только Ева – с соседнего факультета. И если в остальные дни между факультетами царило дружеское соперничество, то в месяц итоговых экзаменов всё превращалось в настоящую войну. Ведь лучший факультет получит право выбирать вакансии на первое место службы в открытую – а не смиренно принимать волю дирекции в запечатанных конвертах.

Ева при виде Лео тоже поморщилась, к соперничеству примешивалась давняя неприязнь к русоволосым парням ниже себя ростом. Обмениваться колкостями перед кабинетом директора – занятие для самоубийц, но многие поколения курсантов отшлифовали искусство, как дать собеседнику понять, что ты думаешь и без слов... Впрочем, сегодня ничего не пригодилось. Едва Лео попал в поле зрения видеокамеры, дверь тут же приглашающе скрылась в стене.

– Курсант Воронин прибыл!

– Курсант Роккелли прибыла!

Парень с девушкой вытянулись, поедая начальство взором... И осторожно, краем глаза, с опасением поглядывали на ещё одного гостя. Расположившегося на директорском месте майора Имперской службы безопасности.

– Вольно. Майор, они в вашем распоряжении, – кивнул директор. – А я, позвольте, откланяюсь.

Когда дверь закрылась, майор приглашающе махнул рукой, показывая на два кресла рядом со столом. Мол, присаживайтесь.

– Майор Вебер. Отдел особых исследований. Господин директор согласился предоставить нам для беседы свой кабинет как наиболее защищённое помещение на территории училища. Но в разговоре он участвовать не будет, так как даже сам факт нашей встречи проходит под грифом «зеро». И как понимаете, возможных итогов у нас с вами всего два.

– Или мы соглашаемся, или нас закопают, – буркнула Ева.

– Ну, зачем уж так сразу, – рассмеялся майор. – Девушка, меньше смотрите головидение. Если вы откажетесь, вас обоих ждёт лишь пожизненная работа на одной из баз нашей Службы.

– Через несколько лет которой мы попросим верёвку и мыло, – поддержал сокурсницу Лео. – Давайте уж, рассказывайте. На что мы сейчас подписались.

– Вас пригласили для участия в проекте «Новый Эдем». Это будет первая успешная попытка создать устойчивую, дружелюбную человеку экосистему, как говорится, с нуля.

– Но ведь такое уже пытались делать во времена Терранской федерации? – удивился Лео. – И закончилось всё катастрофой на Квинте. Да и ещё пару раз что-то подобное про-скальзывало.

– После чего вмешиваться в природу перестали, – добавила Ева.

– Вижу, историю вам преподают неплохо, – усмехнулся майор. – Добавьте, что освоение миров с кислородной атмосферой всегда рентабельно, даже если нет собственной био-

сферы. Именно поэтому в Свободных Мирах авторам технологии прокураторы не дали ни сантима. Особенно когда выяснилось, что даже в самом идеальном случае результатов ждать не меньше трёх-четырёх столетий.

Курсанты вежливо кивнули, ожидая продолжения. Вряд ли эсбэшник стал выгонять директора только из-за желания рассказать о новых направлениях в планетологических науках.

– Мы тоже не можем ждать столько времени, – лицо майора вдруг стало жёстким, взгляд заледенел. – Потому проект и имеет статус «зеро». Некоторое время назад мы получили доступ к одной из технологий Предтеч. Точнее, отыскали действующую установку под названием Инвертор и смогли в ней разобраться. Как выяснилось, их техника работает «на крови» – то есть использовать её может разумный индивидум с определёнными биологическими характеристиками. «Новый Эдем» заодно станет полигоном для испытаний кардиоиды времени, которую мы создадим с помощью Инвертора. В отобранной для эксперимента системе пройдёт около пяти столетий, у нас – лет десять-пятнадцать, возможно, чуть больше. В фокусе, где будут располагаться операторы, пройдёт три-четыре года. Примерно раз в три-пять месяцев по локальному времени фокуса зоны синхронизируются на восемнадцать-двадцать суток, что будет использовано для корректировки процесса на планете.

– Почему именно мы? – с подозрением спросил Лео. –

Думаю, даже несмотря на особые требования к «биологическим характеристикам», в действующих войсках нашлось немало кандидатов с опытом.

– И не стоит рассказывать про нашу уникальную сочетаемость на долгий период, – поддержала Ева. Тренинги психологов на работу в любом составе экипажа обязательны для всех, работающих в космосе.

– Кандидатов и правда набралось несколько, – легко согласился майор. – На вас пал выбор по особой причине. В легенде, откуда и взято название «Эдем», волшебный сад охранял адский пёс Цербер. Вам при необходимости предстоит стать такими же стражами. Стоимость проекта значительна, а все информационные следы погасить невозможно. Хотя наша агентура и старалась. Но после Бретонсельского конфликта мы следим друг за другом особенно тщательно, и если разведка противника всё же выйдет на проект... Ваши родители, Ева, погибли в караване беженцев, расстрелянном рейдерами свободовцев. Ваш брат, Лео, пропал во время Бретонсельского конфликта со своим кораблём. Поэтому мы уверены, что на сотрудничество с врагом вы никогда не пойдёте.

– Мы согласны, – ответ прозвучал почти хором.

Его сад прекрасен. Сам Господь в первом Эдемском саду, наверное, не сумел сотворить лучше. Сразу за порогом жилого модуля начинается мягкая трава. Нежная, словно шёлк, она чуть холодит и щекочет босые ступни, когда Он сначала

ла идёт по дорожке, окаймлённой небывалой красоты цветами, а потом сворачивает под сень тенистых дубов и грабов. Вдруг из кустов выбегает молодой оленёнок, доверчиво тыкается мокрым носом в колено, забавно фыркает, от ласки нежной ладонью забавно двигает ушами, потом убегает. Но Он недолго остаётся один. Почти сразу с ближайшего дуба соскакивают белки, окружают, требуют свою порцию ласки и какого-нибудь лакомства. А если подождать, к властелину и творцу мира придут поклониться другие обитатели леса... не сейчас. Вечером, днём, на закате. А пока его дорога лежит в одно-единственное место, которое даст ему покой от ночных кошмаров.

– И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. Стало так. И увидел Бог, что это хорошо, – Ева устало рухнула в кресло оператора по соседству с Лео.

– Откуда это? – буркнул парень, не отрывая взора от ползущих по монитору цифр.

– Из Библии. Бабушка, у которой я росла, была ревностной христианкой. Именно из Библии, кстати, и взята легенда об Эдемском саде. И никакого Зверя там не было, это из другого мифа. Цербер охранял вход в мир мёртвых.

– Какая разница...

Лео устало откинулся на спинку кресла, потёр глаза и покосился на напарницу. Выглядят оба так себе: под глазами

чёрные тени, щёки запали, Ева заметно похудела. Всё потому, что за последнюю неделю удалось поспать едва ли часов тридцать на двоих. А о спокойных временах прошлых синхронизаций или сонном счастье последней четырёхмесячной паузы лучше вообще не вспоминать. Но слишком много требуется сделать за три недели. Собрать данные от работавших все эти годы автоматов, обработать, внести поправки в программу терраформирования. А ещё протестировать все наземные станции и спутники, которым предстоит функционировать следующие тридцать лет локального времени.

Вдруг пришла мысль: может, зря они так надрываются? Решили сотворить не просто сносные условия, а планету класса «зелёный два ноля» – то есть место, где человек свободно сможет жить без каких-либо приспособлений и сложной техники... Впрочем, крамольная мысль гуляла в голове недолго. Если уж делать работу – то делать на совесть.

– Чувствуешь себя Богом локального масштаба? – шутя поддел Лео напарницу.

– Скорее уж выжатым лимоном, – усмехнулась девушка. – Лео, с двести семнадцатым сектором что-то не так. У наземной станции не отвечает даже аварийный маяк. Я послала два планера, и оба раза одна и та же ерунда. Сначала на наземную камеру набегает серая муть, потом сигнал пропадает, а несколько секунд спустя перестают «пищать» чёрные ящики.

– Я слетаю, проверю.

– Может, не стоит? Реакция сейчас так себе, а до начала следующего мерцания всего двадцать часов.

– Ерунда, приму стимуляторов и поведу машину на автоматике.

Первый планер, запущенный с челнока, рухнул сразу, едва подлетел к странной каменистой земле, покрытой каким-то серым налётом. Зато идущий следом успел показать, что электроника отказала, когда навстречу машине от поверхности ринулось полупрозрачное серое облачко. А третий планер, перед тем как упасть, передал картинку: серость двинулась вперёд, жадно поглотила металлические и пластиковые обломки, заставила замолчать маяк. Челнок завис на безопасном расстоянии и высоте, после чего Лео связался с напарницей.

– Ева! Тут какая-то дрянь, явно продукт сбоя генной инженерии. Жрёт всё, особенно любит металл и пластик. Заложил, чтобы участок простерилизовало, и постоянное наблюдение. А лучше пусть до следующего окна тут вообще будет пустыня с профилактической термообработкой.

– Принято. Программа запущена.

– Хорошо. Возвращаюсь на орбиту. Какого!..

Серое чудище упускать столь лакомый кусок не пожелало: в сторону челнока вдруг полетели комки пепельного цвета. Автоматика на противозенитный манёвр рассчитана не была, а стимуляторы хоть и подстёгивали разум, усталость брала своё. Несколько секунд бешеного танца Лео ещё уклонял-

ся, потом замедленная реакция дала сбой... Удары по корпусу погасила броня, но один из «снарядов» попал в двигатель, и, пока защита уничтожала хищное полурастение, челнок потерял в скорости. Почти сразу в него влепилось ещё с десятков комков, экраны замерцали красными сигналами тревоги, посыпались сообщения о повреждённых коммуникациях. Опасаясь за жизнь человека, автоматика повела машину на экстренную посадку... Это Лео и спасло. «Снаряды» летели по прямой траектории, а близкие к горизонту углы не простреливались. Выйдя из-под «огня», защита сумела уничтожить попавшего внутрь агрессора, и сел челнок на достаточно большом удалении, чтобы хищная серая дрянь не добралась в ближайшие часы. Вот только это всё равно означало смерть, только медленную: без продуктов на планете пока не выжить.

– Ева, у меня аварийная посадка.

– Видела. До мерцания двенадцать часов, станция уходит в точку фокуса через три часа.

– Аварийный планер в порядке. Я успею уйти в мёртвой зоне из-под обстрела, после этого запускай очистку. И сбрасывай один из жилых модулей.

– Лео. Ты понимаешь, что станция появится только через тридцать лет?

– У нас нет выбора.

– Есть. Я запустила программу старта второго челнока.

– Ты не успеешь. Придётся идти почти над землёй на до-

звуковой скорости. Это почти два часа на подлёте.

– У твари есть что-то вроде нервной системы и мозга. На подходе я запущу зонды, они отвлекут с другой стороны. Потом на бреющем войду в непростреливаемую зону. К этому времени ты должен быть в воздухе. Я подбираю тебя на ходу раньше, чем тварь успеет переключиться на нас.

– Ева! Не сходи с ума! Мы загубим проект, если на станции никого не останется! Я пережду эти годы в модуле...

– Умолкни. Я стартовала. До входа в атмосферу и пуска зондов двадцать минут, отсчёт передаю на третьем канале связи.

Всё получилось, хотя в какой-то момент Лео сначала испугался, что не сумеет выровнять скорость планера и челнока, а потом, когда трянуло от лихо закрученной фигуры высшего пилотажа – в них всё-таки попали... Обошлось. Как только челнок вышел на орбиту, Лео перебрался из грузового трюма в пилотскую кабину, сел в кресло второго пилота и, замявшись, произнёс:

– Спасибо. Это было неразумно... Всё равно спасибо.

– Дурак. Какой же ты дурак... – девушка отвернулась и сделала вид, что целиком сосредоточена на пилотировании.

За последние годы беседка чуть покосилась, прутья лежат не так ровно, как раньше, поэтому в куполе оплетающего свод зелёного винограда и хмеля появились прорехи. Да и лавочка покосилась. Сейчас Он уже научился делать куда более прочные и красивые творения. Но изящные павильоны

и беседки безжизненны своей идеальной красотой и не принесут Ему покоя. Ведь только здесь оставила частицу своей души Она.

Лео вставил в спинку лавочки последнюю планку, сделал шаг назад и с гордостью осмотрел результат. Вышло очень даже неплохо, особенно для того, кто молотка и резца коснулся всего несколько месяцев назад. Последнее мерцание всё равно продлится не больше полутора-двух лет, поэтому операторам можно не сидеть в консервной банке станции – а посадить на планету жилой модуль и устроить себе отпуск. Уже через месяц оба неожиданно столкнулись с почти позабытой вещью: свободным временем, которое не знаешь, на что потратить. И принялись искать себе хобби... Лео вот увлёкся резьбой по дереву.

Впрочем, сегодня был особенный день не только потому, что он первый раз закончил не какую-нибудь мелкую поделку – а большую работу. Беседку, для которой два месяца готовил доски и жерди, кропотливо сидел с резцом и стамесками. И не только из-за того, что они отмечали первые шесть месяцев жизни на планете. Сегодня был день рождения Евы! И пусть во внешнем мире годы шли совсем иначе, они вели свой собственный календарь. По которому праздник должен случиться именно сегодня. А какой же это праздник, если нет особенного подарка? Осталось доделать самую малость – щедро высыпать на землю стимуляторы роста. Да, потом придётся восстанавливать плодородие почвы – но зато к ве-

черу беседка будет увита хмелем и виноградом, и продержится зелень не меньше недели.

Праздновать день рождения начали с небольшого банкета, Ева мучила поваренные книги и программировала пищевой комбайн всю последнюю неделю. Потом прозвучало коротенькое поздравление, и парень торжественно вручил маленькую резную шкатулку. Внутри оказался навигатор, призывно мигающий на мониторе стрелкой. Девушка вопросительно посмотрела на напарника, поправила чёлку, чтобы не лезла в глаза – на планете Ева волосы обрезать уставным ёжиком перестала, но вот привыкнуть никак не могла и вечно забывала их подстригать. Потом решила и пошла за стрелкой, словно за путеводной ниткой сказочного клубка, петлять по лесу. Шаг, ещё шаг. На краю поляны с беседкой девушка замерла и выронила навигатор.

– Не может быть... Она же... Она же точь-в-точь, как в доме моих родителей... Но откуда?!

– Это и есть мой подарок. Ты показывала свои фотографии, вот я и решил...

– Здорово... А-а-а, здорово! Какой ты молодец!

Ева бросилась парню на шею и крепко поцеловала в губы. Её лёгкий сарафан вдруг взметнулся от налетевшего ветра, открывая колени, нахваливая стройные смуглые ноги, а одна из бретелей сползла вниз, обнажая полоску груди – но девушка не заметила или просто не захотела её поправлять. Кровь огненным водопадом ударила обоим в голову, затума-

нила ей, словно хмельное вино. Лео шутя отпрыгнул в сторону, потом побежал – но так, чтобы Ева могла его догнать. А она мчалась следом, то отставая, то догоняя и срывая с него и с себя одежды – пока оба не остались в первозданной чистоте, словно только что пришли в этот райский мир, названный Эдемом. Лео остановился, поймал девушку в объятия, крепко прижал к себе, поцеловал её в плечо, затем в шею, щёку, и, наконец, нашёл губы. Поцелуи не ласкали – они обжигали! Резким и немного грубоватым движением он вдруг повалил девушку на траву, а потом замер – и снова начал покрывать нежными поцелуями шею и грудь... словно и боялся близости, и хотел её. Но вот Ева вдруг ответила на поцелуй, нежные пальчики пробежали томной лаской вдоль позвоночника, и Лео решился...

В беседе время останавливается, и Он может сидеть здесь бесконечно. Пока существует Вселенная – и даже немного дольше. Но есть обязанности, которые нельзя отложить. Поэтому Он встаёт и идёт обратно. К техническому модулю. Проверить, пришёл ли, наконец, ответ на посланный сигнал: планета готова и ждёт переселенцев. Обратный путь короток, лёгким упругим шагом всего несколько минут Он возвращается обратно, входит в центр управления... И схватившись за грудь, которой вдруг становится нечем дышать, бессильно прислоняется к стене, чтобы не упасть. Каждый раз, едва Он переступает порог, помимо желания приходит одно и то же воспоминание...

Сигнал боевой тревоги выдернул Лео из постели посреди ночи. Евы рядом не было, она со вчерашнего вечера проводила внеплановое тестирование вычислительного комплекса. Из-за этого пришлось потратить драгоценные минуты на влезание в пилотский комплект: если атака серьёзная, придётся срочно подниматься в орбитальный комплекс, наполовину неработоспособный наземный центр управления может не справиться. И всё время, пока Лео одевался, а потом бежал в технический модуль, в голове билась мысль: «Кто? И сколько?» Три месяца назад в систему уже забрёл лёгкий крейсер Свободных миров... Впрочем, от точки перехода он ушёл недалеко. В последнюю сотню лет локального времени операторы запустили промышленный комплекс, который не только готовил материалы и оборудование для переселенцев, но и штамповал минные поля и защитные установки. Вот только в обломках нашли тревожную информацию: во «внешнем» мире прошло больше времени, чем рассчитывали, и предсказанный майором Вебером конфликт всё-таки начался. А ответ на сигнал о завершении проекта так и не приходил.

В контрольный центр Лео буквально ворвался, рухнул в своё кресло и тут же вывел на монитор информацию. Корабль, крупнотоннажный, один, идентификация с вероятностью 94,3% – принадлежность Свободных миров. Остальные характеристики Лео даже не смотрел. Поражённый тем, что противник уже отошёл от точки перехода на три астрономи-

ческие единицы, а минные поля деактивированы... по команде с пульта Евы. На несколько мгновений парень засомневался, ведь не просто так Ева сейчас активно ведёт переговоры с судном? Лео подключился к каналу связи. Автоматика послушно спроецировала на сетчатку изображение рубки, в которой сидели двое. В комбинезонах со знаками различия Свободных миров.

– Ева. Как. Это. Понимать?

Девушка подняла взгляд на любимого и вздрогнула: на неё смотрел холодный зрачок пистолета.

– Это пассажирский лайнер. Они попали под случайный обстрел и после нескольких слепых прыжков вышли к нам. Я услышала сигнал бедствия...

– Они из Свободных миров.

– Ну и что! Им нужна помощь. Там женщины и дети, а системы жизнеобеспечения дышат еле-еле! И, может быть, мои родители также когда-то просили о помощи, но никто не отозвался... – последние слова девушка прошептала.

– Молодой человек, – раздался усталый голос пожилого пилота. Канал связи был двусторонний, поэтому на корабле видели и слышали всё происходившее с другой стороны, – если вас настолько беспокоит секретность... Прошу вас, дайте нам просто уйти. Данные о системе видели только я и мой навигатор. Мы сотрём их из памяти бортовых систем, дадим вам коды доступа, чтобы вы убедились. А потом останемся в спасательной шлюпке, и, как только корабль стартует, вы

спокойно сможете её уничтожить.

– Ева. Отойди от контрольной панели. Немедленно.

Девушка закусила губу, кивнула соглашаясь... И вдруг кинулась к кнопке сброса аварийной перегородки, которая разделит рубку на автономные секции. Два выстрела прозвучали сухим коротким кашлем. После чего Лео повернулся к своему пульту и начал активировать минные поля.

Он никогда не сожалел о сделанном. И повторись всё ещё раз – Он снова поступил бы точно так же, не колеблясь ни секунды. Вот только почему Ева приходит каждое утро, садится возле его постели и молчит? Просто смотрит и молчит...

Разгадка

Ингрида замерла на пороге корабельной рубки, куда принесла термосы-непроливайки с кофе и не дающий крошек пилотский паёк. Сколько длится посадка? Часа четыре? Достаточно уже, привыкнуть – но не получается. Согласно инструкции о неосвоенных планетах, большая часть экипажа и пассажиры лежит в защитных капсулах, на всех постах лишь уменьшенная смена... но вот хозяин экспедиции господин Мишель Клэр не просто сидит в кресле второго пилота и наблюдает за работой капитана и навигатора, а и в самом деле выполняет положенные обязанности.

Едва стюардесса попала в зону действия локальной сети рубки, в наушнике сразу полились переговоры. Девушка невольно поморщилась – когда общение экипажа идёт через нейроинтерфейсы, система хоть и имитирует родные голоса, но неприятные механические обертона всё равно остаются.

– Десять мегаметров до поверхности. Состояние?

– Орбита стабильна, ниже скорости убегания.

– Спутники сброшены.

– Навигатор. Расчёт орбит на девять и восемь мегаметров от поверхности в обход атмосферного хвоста. Второй пилот. Спутники группы альфа на высокие полярные и экваториальные орбиты. Группу бета с первого по четвёртый на средние орбиты, с пятого по восьмой на низкоорбитальные с воз-

возможностью нырнуть ниже границы атмосферы и запуска скаутов.

– Есть.

– Есть.

Девушка невольно засмотрелась на Мишеля, пытаясь понять: куда спрятался прежний мягкий, смешливый круглолицый миллиардер и наследник династии миллиардеров? Вызвался финансировать астроархеологическую экспедицию, бессрочно нанял для этого целый сухогруз, даже сам отправился «участвовать в полных опасностях полевых раскопках»... эдакая забава для богатого скучающего бездельника. Полные и пухлые, всегда улыбающиеся губы теперь стали сжатой чёрточкой, округлое лицо казалось острым, холодный, давящий взгляд карих глаз заставлял без споров принимать его лидерство.

– Орбита восемь мегаметров, – отзвучал тем временем голос навигатора.

– До следующего приказа постану в дежурном режиме, – уже по общей корабельной связи ответил капитан и снял нашейный обруч нейроинтерфейса. Следующая фраза прозвучала в сторону стюардессы голосом. – А, Ингрида. Вы очень вовремя. Как раз можно спокойно перекусить. Программа обработки будет мозгами скрипеть часа полтора-два, не меньше.

За время отдыха девушка тоже успела поесть, обсудить на камбузе и экспедицию, и саму посадку, и много всякой вся-

чины со своей напарницей Кати... Молчать пришлось лишь об одном. Капитан настрого запретил упоминать о том, что господина Клэра нет в своей каюте. Ровно через два часа девушка вернулась в рубку. На большом центральном дисплее поста управления как раз высветилась карта планеты, где компьютер отметил красными точками шесть мест, отвечающих заданным параметрам поиска. Стюардесса как раз собрала в контейнер термосы и упаковку от обедов и собралась было уходить... Как её остановил Мишель.

– Ингрида. Ваша вторая специальность ведь оператор виртуальной реальности?

– Да. Но диплома ещё нет, – осторожно добавила девушка.

– Не имеет значения. Мне понадобятся лишь ваши профессиональные навыки. Поставьте контейнер в зажимы в коридоре и займите место помощника навигатора.

Девушка кивнула, посмотрела на капитана. И, получив разрешение, села в кресло. После чего шею опоясала матово-чёрная с серебристыми прожилками лента нейроинтерфейса, на глаза легли глухие тёмные очки. Мгновение – и тело обмякло, невидимые за непрозрачными стёклами глаза слепо расширились, в уголке рта показалась капелька слюны. Оператор целиком погрузилась в глубину виртуальной реальности, теперь для неё существовали только результаты замеров, графики, фотографии со спутников и скаутов. Ингрида поэтому и пошла учиться на оператора, потому что любила разгадывать такие вот загадки. Ведь только человек

может решить задачу: какое из шести на первый взгляд идентичных мест соответствует искомому? Одних знаний тут мало, нужна интуиция... Ингриде в такие моменты помогали способности скрытого эспера. Дар, который она тщательно скрывала, не желая пополнить Особый корпус при Содружестве. Поэтому пользовалась она своим даром только если как сейчас была уверена, что никто не догадается.

Полчаса спустя на глобусе алело лишь одно пятно.

– Хорошо. Начинаем, – раздался голос Мишеля. По кораблю тут же зазвенел сигнал, оповещающий о первой фазе посадки. – Оператору оставаться на месте. Не стоит терять времени.

Капитан коротко согласился. Во время полного слияния изображение подаётся напрямую на глазной нерв, поэтому, чтобы не перегрузить зрение, следующие минут пятнадцать очки снимать нельзя. Да и потом кому-то придётся провожать девушку до каюты. Ингрида в ответ почувствовала, как вдруг сильно застучало сердце. Девушка осталась подключённой к сети рубки, поэтому теперь и дальше сможет слышать всё, что происходит в рубке.

Мониторинг приземления Ингрида специально включать не стала, полностью отдавшись скупым техническим репликам. Поэтому вздрогнула, когда всё закончилось, когда прозвучало капитанское:

– Стоим на факеле. Десять секунд до касания. Пять. Четыре. Три. Две. Одна. На грунте.

Мгновенно отозвались остальные:

– Стоим твёрдо.

– Истечение рабочего тела – ноль.

– Магнитные сопла погашены. Центральный реактор – холостой.

И финальным аккордом спели слова Мишеля:

– Больше мне тут делать нечего. Ингрида, пойдёмте. Я вас провожу.

Тем, кто вёл судно на посадку, после приземления положен отдых. Ингрида рассчитывала немного вздремнуть, привести в порядок мысли и обдумать всё увиденное и услышанное в рубке. Не получилось: уже через час, едва перепроверили заборы биоскаутов на инфекцию, десяток охранников установил защитный периметр, а рабочие принялись собирать дома жилого лагеря, заглянула Кати.

– Прохлаждаешься? Надо пользоваться моментом. Пошли наружу, погуляем.

– Каким ещё моментом?

– Как каким? Или ты забыла, что, пока эти копатели будут ковыряться в земле, обеспечение лагеря на команде? Замаемся ещё мы с тобой кухонный комбайн на такую ораву программировать.

Ингрида представила, как до окончания работы биологических сканеров придётся туда и обратно проходить сквозь процедуру биозащиты, надевать маску и неудобные перчатки – точные анализы будут готовы только послезавтра, а до

этого действует правила согласно разделу «угроза жёлтый», и девушку передёрнуло.

– Не такая уж и орава, – буркнула она, демонстративно поворачиваясь к стене и натягивая на голову одеяло. – Не сгущай краски.

– Сама считай. Нас пятнадцать, десяток охранников и рабочих с археологами сорок рыл. Самая настоящая орава. Так что меню настучивать нам с тобой. А потом ещё всё возить и раздавать. Напашемся, – Кати стянула с подруги одеяло. – И поэтому надо пользоваться свободной минутой, любоваться здешними красотами. Когда ещё выпадет возможность похвалиться фотками из настоящей экспедиции на неосвоенную планету? Опять ведь, как вернёмся, начнут гонять по внутренним линиям, со всякой гадостью вроде иммигрантов или грузов с миров, где купола да вонючая атмосфера.

Пейзаж Ингриду разочаровал. Она раз десять пожалела, что согласилась терпеть все мучения с дезинфекцией ради «редкого случая» полюбоваться фисташкового цвета кустарником, монотонным ковром покрывавшим и плоскую, как стол, равнину, и пару холмов километрах в пяти на востоке. Приятно было взглянуть лишь на необычный купол неба насыщенного зелёно-голубого цвета с лимонными облаками, да порадоваться, что в здешнем полушарии лето и температура воздуха градусов двадцать. Зато Кати разошлась вовсю. Нацепив на ладонь пластинку фотоаппарата, а на плечи посадив пару дополнительных объективов, она крутилась во все

стороны, разыскивая самый выгодный ракурс. На лице так и читалось: вернусь, выложу селфи на своём аккаунте – и пусть все обзавидуются.

Ингрида хотела было улизнуть обратно на корабль... Как вдруг фотосъёмочный запал Кати иссяк, и она потащила подругу к высыпавшим «на улицу» археологам. Те приняли девушек в свою компанию с энтузиазмом: на десять человек среди них было всего две аспирантки. И если самый старший, пожилой профессор, женщинами уже явно интересовался только в галантном плане, то остальные молодые парни немедленно принялись распушать хвост. Но главное – вскоре к компании присоединился Мишель.

За скрывавшей лицо массивной полумаской биозащиты рассматривать человека неудобно, но Ингрида всё же попыталась отыскать хотя бы тень сурового первопроходца из рубки. Тщетно. Рядом с ней опять стоял хорошо знакомый за время полёта наследник не одного поколения финансовой аристократии. Умеющий быть твёрдым, если нужно в бизнесе – но никогда не бравший в руки ничего опаснее вилки, поэтому за пределами деловой сферы полагающийся исключительно на помощников. А ещё сейчас в нём чувствовалось какое-то пренебрежительное отношение к дистанции с подчинёнными: мол, я не новоявленный нувориш, и моя царственность в том, что я вне рангов, к королеве и посудомойке могу отнестись одинаково вежливо и снисходительно. Отношение, которое может себе позволить глава транскор-

порации – но которое исключено для командира первопроходцев. Наверное, потому-то один из молодых археологов и позволил себе высказаться про экспедицию, явно продолжая начатый ещё во время полёта спор.

– И всё же, господин Клэр. Вы считаете, мы здесь что-то обнаружим? Нет, какой-нибудь малый форпост фламинов – вполне возможно. Но полноценное поселение... – парень, явно щеголяя знаниями перед Кати и Ингридой, обратился к девушкам и принялся объяснять. – Понимаете, и до людей в космос вышло немало рас. Но, в отличие от нас, все они сумели освоить полтора-два десятка миров, раскидать вокруг них кольцо баз... и на этом – всё. Дальше шло неизбежное угасание. Согласно фундаментальным исследованиям Алмейда, причина лежит...

– Алмейд и его последователи ошибаются, – оборвал аспиранта Мишель. Тема его явно задевала за живое. – Не стоит, пусть и на новом уровне, уподобляться древним схоластам и ставить человека в центр Вселенной.

– Но на каком основании вы так считаете?

– Я, конечно, не профессиональный археолог и учился не на историческом, – парень в ответ на это кивнул, – но кое в чём тоже разбираюсь. Не зря я почётный доктор Аврорского университета.

Что по этому поводу думает оппонент Мишеля, можно было без труда прочитать на лице: мол, будь у него такие же деньги и организуй он столько экспедиций, давно был бы не

аспирантом, а тоже почётным доктором и святым покровителем университета в одном лице.

Пожилой профессор, до этого молчавший, поспешил вмешаться и разрядить ситуацию.

– Вы зря иронизируете, молодой человек. Увлечённые наукой неспециалисты зачастую делают открытия там, где профессионалы привыкли ничего не замечать. Вспомните Шлимана на Старой Терре. Или Химиша Мороя, доказавшего, что поселения тех же фламинов являются плодом деятельности отдельной расы, а не следами повторной экспансии более ранних цивилизаций. Наша же задача как специалистов – отделить зёрна от плевел и помочь росткам новой научной мысли пробиться сквозь бурелом неведомого.

Ингриде внезапно стало жарко, закружилась голова... Вопреки желанию проснулся дар эспера. Способности опять принесли знания, которых девушка не желала: и профессор, и спорщик-аспирант – полные ничтожества. Не способные на самостоятельное открытие, но жаждущие славы. И поэтому мечтающие отщипнуть хоть кусочек от удачливости Мишеля, ведь Клэр и в самом деле сделал немало необычных находок. Рыть и искать нужное хозяину будут с остервенением фанатиков, ради этого выжмут из остальных все соки. Поэтому-то Клэр их с собой и взял. А ставшая материальной мысль тем временем ползла дальше, раскрывая маленькие тайны и слабости. Например, что вон та чернявенькая девочка-археолог и молодой навигатор тайно встречаются, и мило-

вались в его каюте всю дорогу сюда... Внезапно Ингрида почувствовала ментальный толчок, словно ударилась в мягкую резиновую стену. Это способности эспера коснулись Клэра: у того обнаружилась возведённая хорошим специалистом и многолетними тренировками защита. Почти сразу девушку нагнал страх – её раскрыли, потом успокаивающее... Нет, не слово – эмоции, чувства, которые облекли смысл лучше любых букв. «Не стоит лезть в не предназначенное для вас. Тогда и я буду молчать». Всё исчезло. Мир, такой объёмный и цветной мгновение назад, стал плоским и серым, хотелось лечь на землю, свернуться эмбрионом и ничего не чувствовать.

Упасть Ингриде не дали: подхватил один из стоящих рядом парней. Тут же захлопотала Кати, ругая себя, что потащила с собой уставшую подругу, спор про угасшие расы и месте человечества во Вселенной мгновенно сошёл на нет. Девушку повели в лазарет, где врач тут же запер её в изоляторе на несколько дней «на всякий случай». А когда Ингриде разрешили выйти и приступить к обязанностям, всем было не до мелкого эпизода в день приземления. Под холмами обнаружился то ли город, то ли огромная база, поэтому работа кипела, а профессор и его помощники с ошалелыми лицами порхали, словно бабочки. Ведь существование столь крупного поселения далеко за пределами мелких пограничных форпостов переворачивало многие научные теории про меднокожих минотавров-фламинов.

Три недели спустя работы неожиданно встали. С самого начала было понятно, что на полноценные раскопки сил одной небольшой экспедиции не хватит: только более-менее уцелевшая часть туннелей и подземных улиц занимала почти две сотни квадратных километров. Поэтому археологи старались хотя бы «снять сливки». Осматривали ближние горизонты и проходы, составляли карты и выискивали наиболее сохранившиеся носители информации и предметы. Всё это станет фундаментом дальнейших исследований... Заодно принесёт славу первооткрывателям. Работы велись хоть и аккуратно, но зачастую торопливо. Поэтому никого не удивило, когда во время обследования одного из дальних коридоров случилось ЧП. Археологический робокомплекс вышел из строя, вместо укрепления свода вызвал его обрушение, а обломки поранили двух рабочих и того самого спорщика-аспиранта.

Инженеры на вопрос о причинах сбоя компьютерного мозга только разводили руками: буквально за день до этого они тестировали все системы, и показатели укладывались даже в самые строгие нормы. Клэр тут же распорядился остановить раскопки «до выяснения», сам ходил чернее тучи. А среди вынужденно бездельничающих в лагере людей пошли самые разные домыслы и слухи, которые подогревались рассказами пострадавших. Мол, в момент аварии они видели... дальше все трое говорили совершенно разное, но одним и тем же восторженным тоном. А экспедиция в ответ разде-

лилась. Кто-то винил отравление скопившимися в развалинах газами, другие говорили, что сработала древняя техника фламинов. Сходились спорщики в одном: руководитель экспедиции воспринял неудачу очень тяжело, ведь он явно связывал с успешными результатами какие-то свои планы. Ингрида от споров держалась подальше. И не только из-за того, что вдруг призналась себе: ей нравится Мишель. Не тот богатый наследник, которого видят остальные – а второй, из рубки. Кати, заметившая, какими глазами подруга посматривает на Клэра, убеждала, что мол, самое время попытаться сблизиться. Ингрида соглашалась... и всё равно ничего не делала. Так как её тоже глодала тайна.

Случайно девушка знала: плохое настроение Мишеля связано отнюдь не с остановкой раскопок. В день аварии дар опять разбушевался – на этой проклятой планете он просыпался куда чаще, чем ему положено. К ночи Ингрида окончательно потеряла контроль над своими способностями, и, скорчившись на кровати в каюте, воспринимала ощущения и эмоции. Всех, кроме Мишеля и начальника охраны – смуглолицего горбоносого Мансура. Хотя, по общему мнению, господин Клэр в тот момент находился в лагере, в своём коттедже... Девушка же поймала отголосок его радости откуда-то из развалин, потом всё пропало. А уже на следующий день все увидели Мишеля таким, как сейчас. Мрачным, резким, готовым сорваться на подчинённых.

Через несколько дней случилась новая неприятность.

Пропал тот самый аспирант-спорщик. И это на планете, где самый крупный хищник размером с кошку! Проверили развалины, тщательно осмотрели со сканерами окрестности на полторы сотни километров вокруг – парень словно в воздухе растворился. Лагерь испуганно замер, людей теперь не выпускали за пределы защитного периметра, охрана продолжила искать... На следующие две недели вступала в действие инструкция по неосвоенным планетам, которую не имел права отменить даже начальник экспедиции. Хотя и попытался: среди экипажа прошёл слух, что Мишель потребовал стартовать, но капитан отказался, заявив, что рисковать дипломом командира экипажа и сворачивать поиски раньше оговорённого инструкцией срока он не будет. В тревожном ожидании тягуче проползли ещё три дня... когда Ингрида вдруг получила на свой коммуникатор просьбу от Мишеля вечером заглянуть в его коттедж. Кати, которая как раз в этот момент была рядом, заглянула через плечо, прочитала сообщение и радостно шепнула подруге: «Поздравляю! Лови свой шанс». Ингрида машинально кивнула, даже сумела для Кати выдать из себя что-то изображающее радость. Мысли были совсем о другом: эту ночь они наверняка проведут отнюдь не в спальне господина Клэра... И почему-то от этого стало обидно.

Рядом с домиком Мишеля сердце вдруг бешено застучало, а щёки покрылись румянцем. Ингрида пыталась уговаривать себя, что она тут по делу, что Мишель ей просто на-

чальник, но успокоиться никак не получалось. Господин Клэр встретил гостью в прихожей, уже в полевом мимикрирующем комбинезоне, жилете-разгрузке и с кобурой на поясе. Оглядев гостью, тоже одетую для дальних переходов, Мишель одобрительно поднял большой палец, затем молча провёл в спальню, где заблокировал дверь отпечатком ладони и показал на окно. Ингрида понимающе кивнула: для центральной компьютерной системы лагеря оба теперь развлекаются на кровати. Также молча она спрыгнула в темноту улицы, где уже ждал Мансур. Следом начальник охраны помог выбраться Клэру, мужчины переглянулись, после чего Мансур вывел Мишеля и Ингриду за защитный периметр.

Когда лагерь окончательно скрылся в темноте, Мишель остановился и, наконец, заговорил:

– Ингрида. Вы очень хорошая девушка. Очень умная и догадливая. Честно я бы с удовольствием пригласил вас прогуляться вдвоём именно как девушку. К огромному сожалению, сегодня повод у нас другой. Когда из всех транспортов я выбирал именно тот, где служите вы, я делал это просто из привычки перестраховываться. И, честно говоря, не думал, что мне вообще понадобится ваш дар кроме как при посадке.

– Но я... Я понимаю. Но я... Я никогда не искала вот так. Специально... – и шёпотом добавила, – покойников.

– Вы тоже не верите, что мальчик жив. Я помогу. Я не эсер, но опыт ведомого у меня есть. Для этого вот, возьмите.

Мишель включил ненадолго фонарик и достал коробочку,

в которой лежал десяток масляно-оливковых капсул.

– Это зелёная пыльца. В обработанном виде является изумительным регенератором и стимулятором. А ещё – про это мало кто знает – позволяет тренированному человеку подключиться к эсперу ведомым. Обещаю, не буду пользоваться тем, что вы не обучены, и лезть в ваши воспоминания не стану.

Ингрида выслушала инструкции, кивнула. Затем с тайным восторгом расстегнула на Мишеле комбинезон, обняла за талию, прижалась к тёплой коже груди, проглотила капсулу. И окунулась в водоворот захлестнувших ощущений.

Вот необъятная равнина, где всё кипит. Хищники преследуют добычу, похожие на восьминогих кроликов зверьки спасают свою жизнь. А дальше бушует море человеческих эмоций – это лагерь. И тёмное засасывающее пятно, откуда веет могильным холодом – развалины. Но где же тело? Вдруг рядом появился спокойный деловитый разум Мишеля. «Не торопись. Вспомни, как ты работала во время посадки. И сейчас делай то же самое. Параметры искомого объекта следующие...». Ингрида кивнула невидимой головой и начала методично искать по расширяющейся от лагеря спирали. Радиус километр. Радиус три. Радиус пять... Вот оно! «Хорошо. Я запомнил». По глазам сразу же ударила темнота. Девушка вдруг поняла, что всё ещё прижимается к мужчине, тихонько ойкнула и отодвинулась, будто её ужалило током. Повезло, что фонарик выключен и не видно, как пылают ог-

нём щёки. Мишель тем временем застегнулся, коснулся руки – пойдём, и оба двинулись к точке, которую увидела Ингрида.

Идти пришлось минут сорок, хоть и недалеко – продира́ться сквозь кусты тяжело. Наконец кустарник закончился, началось что-то вроде луга. Девушка, в которой ещё не до конца успокоились способности эспера, указала точное место, и Мишель принялся копать. Вскоре лопатка коснулась завёрнутого в изолирующую плёнку тела. Клэр приказал надеть вслед за ним респиратор, после чего спросил:

– Вас не стошнит? Мне нужен будет свет. Но зрелище крайне неаппетитное.

– Я справлюсь. Нас... нас в космическом училище к разному готовят.

Вид начавшего разлагаться тела оказался и впрямь отвратительным. К тому же даже на неискущённый взгляд Ингриды было заметно, что парня перед смертью пытали: ломали кости, резали глаза, сдирали кожу. Это было плохо – безжалостные маньяки-убийцы в лагере, значит, могут быть новые жертвы. Но Мишеля, судя по всему, встревожило что-то ещё. Он достал сканер, проверил, после чего начал с экспрессией говорить на незнакомом языке. Заметив, как девушка вслушивается, смутился и сказал:

– Простите, леди. Но нахский язык – это родной язык Мансура – для моего нынешнего состояния подходит куда больше лингвы, распространённой в Соединённых мирах.

Не стоит здесь задерживаться, это может быть опасно. Давайте отойдём, и я всё объясню. Вы имеете право знать.

Они успели пройти пятнадцать минут, когда со стороны лагеря раздался хлопок взрыва, и поднялся исполинский факел. Мишель резко остановился, будто наткнулся на стену.

– Флаеры всё-таки сожгли, – прозвучало негромкое, – значит, ещё не всё потеряно.

После чего Мишель посмотрел на девушку и грустно сказал:

– Я хотел сначала добраться до безопасного места, но теперь везде одинаково опасно. Так что слушайте. Много лет назад я задался вопросом: почему за полтора или два миллиона лет после Предтеч галактику сумели освоить только мы? Даже если прежние хозяева истребляли потенциальных конкурентов, за такой большой срок освободившуюся экологическую нишу кто-то обязательно займёт. Природа не терпит пустоты. Догмат об уникальности и исключительности Человечества меня не устраивал. Доказательства, что те же фламины летали куда дальше, чем нынче принято считать, нашлись. Но спорить с официальной наукой, если в догмах заинтересованы тысячи кормящихся с них бездарей – дело, обречённое на провал.

Мишель тяжело вздохнул:

– У меня были деньги. И главное – возможный ключ к разгадке. Найденное в останках разбившегося корабля фламинов упоминание про некий информаторий. Я тщатель-

но искал его координаты в каждом раскопках, которые финансировал. И я нашёл ответ. Здесь. Вот только кроме знания содержимое информатория может дать неограниченную власть... Ценой огромной крови. Потому-то мы с Мансуром готовились сначала приостановить, а потом свернуть все работы и улететь. Вот только нас переиграли... Зелёная пыльца. Не знаю, зачем её создали фламины – но она служит универсальным ключом к их устройствам. Потому я и взял с собой запас. И был уверен, что в экспедиции она есть только у меня. Даже в мирное-то время пыльца стоила бешеных денег, а теперь, когда мы ввязались в конфликт с Новотерранской Империей, стала ещё дороже. Я оказался слишком самонадеян. Кто-то, судя по сканеру, тоже интересовался фламинами. Поэтому дал своему человеку как минимум одну дозу. А агент сумел убедить жаждущего славы дурачка сунуться в хранилище.

– А затем всё выпытал и убил, – закончила Ингрида.

– Хуже. Подозреваю, пытали его уже не столько проверить – не утаил ли чего, а скорее из садизма и безнаказанности. Я подал сигнал тревоги Мансуру, он передаст моим людям в охране и среди рабочих. К тому же вряд ли в мятеже участвуют многие. Если Мансур выведет хотя бы человек десять, можно использовать спрятанную в развалинах технику. Я проверял, она работает. А там попытаемся отбить узел связи.

Мансура они встретили через час, и было видно, что от-

ступление далось начальнику охраны тяжело. Мужчина прихрамывал, один из наплечников бронежилета сорван, на левой щеке белела в темноте большая заплатка биогеля. С ним шли остальные беглецы... всего двое. Навигатор и его девушка-археолог... Оба почему-то в криво-косо застёгнутых комбинезонах. Когда они устало дыша сели, у девушки даже расстегнулась одна из магнитных кнопок, обнажая грудь – отчего хозяйка ойкнула и густо покраснела.

– Твой сигнал запоздал. Мятёжники откуда-то знали, что в твоём коттедже есть канал связи с кораблём и через него с центральным офисом. И начали действовать, как только решили – ты достаточно увлечён играми на кровати, чтобы не заметить, как тебя отключили. Санчеса застрелили на моих глазах, остальные – не знаю. Те, кто остался верен – все здесь. Но мину на стоянке я успел запустить.

Мишель кивнул. Да и на взгляд Ингриды всё было понятно. Парочка явно решила уединиться за периметром, подальше от чужих глаз, пользуясь тем, что навигатор один из тех, кто следил за работой систем защиты... Поэтому и уцелели. Тем временем руководитель экспедиции и начальник охраны переглянулись, словно вели невидимый разговор.

– Впятером «шагающую крепость» мы даже не сдвинем с места. Транспорта у них нет, всё же попытаемся успеть к развалинам. Но они могли решить так же...

– Уходите. Я имитирую прорыв к узлу связи. Это даст время, – ответил Мансур.

– Хорошо. Ты прав, это единственный вариант.

– Вы... Вы! – вдруг срывающимся голосом чуть не взвизгнула девушка-археолог. – Он ранен, а вы, господин Клэр, ради спасения своей шкуры отправляете его на смерть!

Мишель не скрываясь поморщился, и Ингрида была с ним согласна. Каждая минута на счету, но теперь придётся убеждать эту дуру – не тащить же её за собой силой?

Мансур же усмехнулся:

– Ещё на Старой Terre мой народ был известен как воины. Поэтому до сих пор нас приглашают многие владыки. Шесть лет назад мой отряд попал в ловушку. А перед Мишелем стоял выбор: концессии, которые нужны были ему как воздух – или жизни моих людей. Мишель отказался от денег, поэтому жены увидели мужей, а матери сыновей. Я взял общий долг на себя, и с тех пор я следую за Клэром в его поисках. Сегодня я выплачу долг сполна.

– Но так нельзя! Чем вы лучше убийц из лагеря, Клэр?

Глаза Мишеля вдруг недобро сверкнули. И холодно прозвучало:

– Говорят, настоящий учёный должен быть готов отдать жизнь за обладание истиной. У вас, мадемуазель, сейчас есть возможность это проверить.

– При чём тут истина? И моя наука? – девушка растерянно переводила взгляд с одного на другого.

– Вы хотели бы знать, как исчезли фламины? Теперь я знаю... Узнаете и вы. Они были великой расой, освоившей

тысячи миров. А не жалкие пару десятков, как думаем мы. Они воевали с другим народом. Про которых мне известно только название – саураны... А также то, что эти вторые были негуманоидами, и что фламины понемногу им проигрывали. Тогда фламины решили воспользоваться некоей технологией Предтеч. Это сгубило и меднокожих фламинов, и их врагов. Предтечи надеялись возродить свою расу после угасания и, чтобы не делить Галактику с конкурентами, оставили ловушку. Раз за разом в поисках лёгких путей вышедшие в космос пользовались заботливо подобранными артефактами. И тем самым вызывали к жизни Стражей. Фламины описывают их как тёмное Нечто, чернее вакуума, противоположность свету звёзд. Стражи не просто уничтожали вышедшие к звёздам народы. Они меняли само пространство-время. Из Вселенной нельзя совсем вычеркнуть масштабное событие вроде межзвёздной Империи – но можно исправить так, чтобы оказалось: потерпевшие поражение расы угасли как бы сами собой, не выдержав встречи с космосом. Когда-то на этой планете жили миллиарды разумных, здесь раскинулся огромный мегаполис... Где и изучали тот самый Ключ-артефакт. Потому-то работавшие в лаборатории уцелели, сумели сохранить кусочек своей реальности.

– Но если там предупреждение, зачем? Зачем мятеж? – недоумённо спросила Ингрида. – Пусть артефакты фламинов стоят огромных денег, а их история – ещё больше. Зачем так рисковать, когда можно было просто вернуться ещё раз?

Ведь координаты известны.

Клэр ничего не ответил, за него сказал Мансур:

– В любой экспедиции данные для прыжка туда и обратно всегда вводит сам Мишель. Без него новый поиск займёт годы. Фламины на самом деле были очень похожи на нас. Не минотавры, люди. Даже внешне. Там, в развалинах – их месть. Месть нам, несостоявшимся союзникам. Месть за то, что мы опоздали к звёздам всего на несколько столетий. И тем самым заставили их выпустить на свободу собственную гибель. У нескольких случайно уцелевших в лаборатории была возможность увидеть будущее, оценить тех, кто придёт на смену. Разложить наживки, которые приведут к Информаторию... Там гости узнают, как пробудить Стражей. Всадники ночи спали слишком мало, в этот раз менять реальность они не смогут. Всего лишь начнётся вторжение безжалостного врага. Почти неуязвимо. Но тот, кто заранее знает его слабые места, станет спасителем Человечества... И с помощью Ключа получит власть, сравнимую с Богом. Если придётся драться в развалинах, от меня будет мало толку. Стимуляторам и обезболивающему осталось действовать не больше часа. Но я могу помочь вам дойти.

Мансур достал из кобуры один из своих разрядников, сунул в руки растерянному навигатору, приложил руку к сердцу, слегка поклонился, прощаясь – и скрылся в темноте. Мишель на это только что-то прошептал на том же нахском, поклонился вслед. И приказал поспешить к развалинам. Ид-

ти напрямую через равнину было тяжело, когда показались холмы, небо уже начало светлеть. Ещё не утро, но уже почти рассвет. У входа в тоннели Мишель приказал его подождать и на несколько минут словно растворился. Ингрида ещё раз удивилась: сколько же в нём уживается людей? Бизнесмен, пилот, учёный. А вот теперь – воин. Пока остальные трое переводили дух на травке, не было слышно никаких посторонних звуков. Но когда все подошли к спуску в раскоп, там лежали два тела. Археолог ойкнула, узнав рабочих, побледнела, её чуть не вывернуло. Клэр в ответ лишь буркнул, что бояться надо живых, поэтому стоит поторопиться. После чего повёл всех туннелями, причём судя по отсутствию светильников, крепежа и следов, тысячи лет здесь уже никто не ходил – но Мишель шёл, уверенно сворачивая в нужные ответвления. Ингрида и навигатор доверились без вопросов. Археолог знала, видимо, больше – поэтому с каждым шагом нервничала всё заметнее. Но вот в лицо ударил знакомый желтоватый свет фонарей, стало ясно, что до нужного места осталось буквально пара шагов – поэтому успокоилась даже она.

Расслабились и остальные... это и подвело. Когда они свернули в нужный тупик, и Мишель потянулся за коробкой с зелёной пылью, выход перекрыли четверо. И раздался до боли знакомый голос капитана.

– Едва обнаружилось, что в домике вас нет – я ни мгновения не сомневался: мы встретимся рядом с Дверью.

Навигатор резко развернулся, попытался выстрелить – и ничего. Разрядник остался мёртвым железом. Капитан же издевательски пояснил:

– Возле Двери сложная техника не работает. Мальчик, мог и сам догадаться – не зря автоматика в прошлый раз отказала именно здесь. Зато примитивное огнестрельное оружие из набора против зверья ничуть не изменилось. Поэтому остальным тоже медленно повернуться и поднять руки вверх.

Ингрида принялась рассматривать мятежников. Рядом с капитаном стоял один из подчинённых Мансура, рабочий и молодой парень-аспирант. В глазах последнего горела неприкрытая похоть безнаказанности, взгляд беззастенчиво раздевал девушек. Не удивило, что дальше заговорил именно он.

– Ничё стюардессочка. Шеф, зря мы её подружку в лагере пристрелили. Может, хоть здесь дашь попользоваться?

– Не стоит. Их в училище многому учат, ещё оторвёт чего, – остальные мятежники глумливо заржали. – Я тебе эту, чёрненькую, подарю. Разрешу прямо здесь опробовать, а то в лагере придётся делиться.

Девушка вздрогнула, испуганно попыталась спрятаться за спину любимого, у навигатора непроизвольно сжались кулаки, он гневно задышал. Кинуться в драку не успел – раздался холодный голос Мишеля.

– Вы зря стараетесь, господа. Я сменил параметры досту-

па. Гнев, ярость, ненависть и им подобные чувства – не работают. Поэтому можете перестать играть. У нас, я так понимаю, ничья? Порция пылицы у вас была всего одна. Вернуться сюда второй раз вы не сможете, его хозяева, – кивок в сторону бывшего охранника, – найдут и вытрясут из вас про Информаторий раньше, чем сумеете раздобыть новую дозу. Стрелять в меня – можете повредить капсулы. Пугать убийством заложников...

Мишель презрительно усмехнулся. Аспирант было дёрнулся, но капитан его остановил.

– Теперь он провоцирует нас, – из голоса капитана исчезли все издевательские и разухабистые нотки, главарь мятежников стал предельно серьёзен. – Я видел, какой из него пилот. Подозреваю, боец не хуже.

– Правильно думаете. Меня тренировал сам Мансур и говорил, что я достоин занять место в его отряде. А Мансур когда-то командовал одним из батальонов «Горного ветра». Наслышаны? Одна, даже две пули меня не остановят. Вот против четырёх я ещё поостерегусь...

Неожиданно для всех навигатор прыгнул вперёд. Тут же загрохотали выстрелы... Мишелю хватило мгновений, когда пистолеты были направлены мимо него. Стремительным змеиным движением он добрался до ближайшего врага, тот осел мешком на пол, а его оружие обернулось против остальных. Вот только лежать на полу осталось всего три тела – капитан успел скрыться, хотя Мишель и был уверен, что ранил

его ... И хрипящий кровавой пеной навигатор.

– Мы... мы победили... – шёпот можно было еле разобрать.

Вдруг коридор озарил зелёный свет.

– Быстрее! – крикнул Мишель. – Дверь открылась!

Проход растворился в воздухе, едва все успели пройти сквозь него. Внутри информатория неожиданно оказалась самая обычная трава, вокруг росли самые настоящие дубы со Старой Терры. Девушка-археолог зарыдала в голос. Мишель, наоборот, был спокоен. Мысленно что-то высчитывая, он беспрестанно тормозил раненого, не давая потерять сознания, и просил продержаться ещё немного. Вдруг хрипы исчезли, парень присел и ошеломлённо посмотрел вокруг.

– Ничего... Ничего не болит. Но как?

– Я запустил обратное течение времени, – по лицу Мишеля вдруг растеклась смертельная усталость. – Просто закрыть Дверь нельзя. Рано или поздно капитан сообразит, что в моих вещах укрыт тайник, где лежит вторая коробка с пылью. Тайник сложно обнаружить, но тут будут искать с отчаяньем обречённых – поэтому найдут. Обратное течение... Мы сместились во вчера. Поэтому и наше биологическое состояние тоже частично сместилось в прошлое. А там не было никаких ранений.

Девушка-археолог радостно взвизгнула:

– Мы спасены!

А Ингрида, вдруг удивившись своей смелости, крепко по-

целовала Мишеля в губы. Мужчина не оттолкнул, а, наоборот, обнял и ответил на поцелуй. Вот только усталое и печальное выражение до конца уходить не захотело.

– Да, спасены. Но на время, – вздохнул Клэр. – Здесь можно существовать неограниченно долго. Информаторий стал таким, – он обвёл рукой вокруг, – встретив первых посетителей. Но время подчиняется своим законам. Там, снаружи – нашей экспедиции нет вообще. Реальность изменилась. Нет в новой Вселенной и нас. Мы – только здесь. И каждый день станем чуть молодеть...

– Пока не превратимся в младенцев? – испуганно спросила Ингрида.

– Нет, что ты. Лет десять, может, двенадцать. Затем разница в потоках времени снаружи и внутри станет слишком велика, и всё закончится темпоральным взрывом. Мы как бы не погибнем. Наши сознания просто разбросает по оси времени. Но почти все воспоминания при этом исчезнут – а это тоже в каком-то роде смерть.

– Десять лет... – задумчиво произнесла Ингрида. – Зато сколько есть – всё наше! Пошли. Для начала покажешь мне, что здесь интересного.

Девушка обняла Мишеля за талию и повела вглубь леса.